

Борис Шитов

Вихри сансары

Борис Шитов

Вихри сансары

*Санкт-Петербург
2015*

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Т45

Т45 Титов Борис

Вихри сансары. — СПб., 2015. — 220 с.

ISBN 978-5-4469-0526-3

Куда попадает душа, когда человек умирает? Приобретает ли она новое тело?

Куда деваются грехи прошлой жизни при перерождении? Ответственна ли новая жизнь за прегрешения предков?

Об этом размышляет автор, проследившая судьбы потомков последнего Министра Императорского Двора, причастного к распаду Великой Российской Империи.

Действие повести разворачивается в России и в Индии, где герои оказываются вовлеченными в водоворот приключений и страстей, борьбы добра и зла, любви и подлости. Выживут ли они в этом мире? Или кармическое проклятие окажется сильнее?

ISBN 978-5-4469-0526-3

9 785446 905263

© Борис Титов, 2015

Корректор *О. В. Палий*
Верстка *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 16.02.2015. Формат 70×100/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 8,94

Тираж 500 экз. Заказ № 4209

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

*Колесо сансары вращалось
в вечном движении жизни...*

ПРОЛОГ

Поезд Ленинград-Хельсинки готовился к отправлению. Проводники проходили по вагонам и монотонно повторяли:

— Поезд отправляется, провожающих прошу освободить вагон.

Вера Владимировна нервно теребила в руках зачитанную книгу «Колесо сансары», с которой она не расставалась с самой юности.

«Центральной идеей индуизма является положение о вечном круговороте бытия — сансара. — Прочитала она на случайно открытой странице. — На этом строится учение о перевоплощении душ. Всякое новое воплощение считается звеном в длинной цепи рождений: человек умирает, но его душа обретает новое тело. Так продолжается до тех пор, пока эта личная душа — Атман не сольется с вселенским Абсолютom — Брахманом».

— Я все-таки выйду напоследок, вдруг она придет, — нерешительно произнесла Вера Владимировна, обращаясь к сухощавому восьмидесятипятилетнему старику, сидевшему напротив в сильно поношенном костюме так торжественно, как будто на нем был генеральский мундир.

— Она не придет, — хорошо поставленным голосом военного человека отозвался старик. — Лучше бы не пришла, — с досадой добавил он.

Бывший граф, бывший министр Императорского Двора Российской империи, бывший член Государственного совета, бывший генерал от кавалерии Владимир Борисович Фредерикс, получив, наконец, разрешение советского правительства, отъезжал в Финляндию со своей дочерью — вдовой офицера русской армии, героически погибшего за царя и отечество в боях под Барановичами и матерью — страшно подумать! — революционерки с баронской родословной.

Вера Владимировна вышла на перрон, в который раз вглядываясь в серую невыразительную толпу чуждых ей людей в поисках дочери. Она прижимала к груди, словно страшась, что отнимут, разрешение на выезд Надежды — бесценный документ, добытый с невероятным трудом.

Когда в России наступила смута, ее Наденька, шестнадцатилетняя смолянка, ровесница бурно наступающего двадцатого века, увлеклась демократическими идеями смолянок-эмансипанток, стала посещать какие-то кружки, где политика непостижимым образом перемешивалась с искусством и вседозволенностью, и начисто выскользнула из-под влияния семьи.

Впрочем, семьи-то уже и не было. Всесильный отец был в Ставке с государем, а она, Вера, оплакивавшая смерть горячо любимого мужа, была в полной прострации.

Надежда тем временем проявляла все большую политическую активность и каким-то образом оказалась в техническом секретариате Временного правительства.

Когда это самое правительство арестовало ее деда, а революционно настроенная толпа разграбила и сожгла их особняк, Надя, к счастью матери, разочаровалась в справедливости бурных событий и вернулась домой, вернее, не домой, а в дворничью, куда переселилась Вера Владимировна, в то время как их дворник по-барски расположился в уцелевших от пожара комнатах особняка.

Но неумная энергия и тяга к приключениям привели Надежду к большевикам, пришедшим к власти как снег на голову. На одном из митингов она познакомилась с матросом, который в это смутное время неожиданно для самого себя был назначен ревсоветом командиром военного корабля. Эта, как ей казалось, героическая судьба, заслуживала восхищения и поклонения. Так Степан, малограмотный парень с рабочей окраины Петрограда, стал ее кумиром и гражданским мужем.

Из толпы отделилась девушка и бросилась к Вере Владимировне.

— Милая моя девочка, ты успела, счастье-то какое! Вот разрешение на выезд, идем в вагон.

Она повела дочь в тамбур, однако путь им преградил матрос.

Словно краб, неожиданно вылезший из норы, нарочито качающейся походкой проковылял он к Наде, решительно взял ее похожими на клешни руками под локоть, выразительно сплюнул и произнес:

— Минуточку, гражданка! Никуда она не поедет: наше место в Советской России.

Только теперь Вера Владимировна заметила, что ее Наденька беременна, и по тому, как прижалась ее девочка к этому страшному человеку, она поняла, что это тот самый злодей, который отнял у нее единственную дочь.

— Я не поеду с вами, я пришла, чтобы сказать вам об этом, и это мое окончательное решение, — выпалила Надя заученные слова, словно рапортуя на митинге, которые новая власть устраивала по каждому поводу, преследуя единственную цель — дать самовыразиться каждому плебею, дабы тот почувствовал себя хозяином жизни.

Понимая, что все кончено и она навсегда теряет дочь, Вера Владимировна, задыхаясь от слез, в отчаянии почти прокричала:

— Уедем, эта страна проклята, тебе не будет здесь счастья, умоляю тебя, уедем!

Надежда с вызывающим презрением смотрела на мать, не произнося в ответ ни слова. Матрос, словно каменный истукан, стоял рядом как олицетворение новой жестокой и бездуховной России.

Поезд тронулся, проводник силой втащил Веру Владимировну в вагон и запер дверь в ее прошлую жизнь.

Словно сомнамбула, вошла Вера Владимировна в купе, взяла книгу и начала водить глазами по строчкам.

«Люди подвержены страданиям низких миров от рождения до смерти. Страх встречи со страданием и расставанием с приятным неминуемо приводит к необходимости вкусить страдания низких форм жизни. Кем бы мы ни рождались в шести мирах живых существ, мы нигде не будем свободны от природы страдания».

— Да, вот они, вихри сансары, — подумала Вера Владимировна.

Еще недавно обласканный судьбой, приближенный самого императора, ее отец был арестован Временным правительством. Их роскошный особняк был разорен. Уже тогда, сразу после освобождения отца, надо было бежать. Надеяться было не на что. И, может быть, она не потеряла бы свою девочку.

Когда же в октябре к власти пришли невежественные, бедные, озлобленные люди и свобода утонула в бессмысленном насилии и море крови, мышеловка захлопнулась, и из новой России выехать было уже невозможно.

Только теперь, через семь лет унижений и мытарств, им разрешили покинуть пределы страны.

Но дочери с ней не было, и отъезд не приносил ни освобождения, ни радости.

— За что?! За что такие муки? Это же так несправедливо, — в отчаянии шептала Вера Владимировна. — Впрочем, может быть, самобичевание

отца не пустой звук? А что если именно Надя рас-
плачивается за его великий грех? Грех непротив-
ления распаду Империи.

Дрожащими руками она разыскала нужную
страницу и прочла вслух:

*«Место человека в каждом новом воплощении, его
положение в обществе и судьба зависят от его деяний
и деяний его близких, благих или дурных поступков
в прошлых воплощениях. Возмездие за грехи определя-
ется законом кармы».*

Поезд нервно стучал колесами, усугубляя му-
чительное страдание Веры Владимировны. Ее
отец сидел напротив, бессмысленно глядя куда-то
в пустоту. Мысли его были далеко в прошлом.

А прошлое было феерически ярким. Потомок
шведского офицера, генерал от кавалерии, барон,
возведенный в день 300-летия дома Романовых
в графское достоинство, он верил в великую Рос-
сию и честно служил родине, делая, как ему каза-
лось, все для ее процветания.

И теперь он никак не мог понять: что прои-
зошло с могучей многострадальной Россией? За-
чем новая власть упразднила сословия, сослов-
ные звания и гражданские чины? Как могло слу-
читься, что дети дворян опасались вспоминать
собственных родителей? Страшась быть признан-
ными дворянскими отпрысками, они уничтожили
семейные документы, письма и фотографии,

прятали семейные реликвии, часто меняли фамилии и мигрировали по стране.

Впрочем, в этих метаморфозах есть и его вина.

Когда в Государственном совете, членом которого он состоял, высказывались либеральные взгляды, очевидно ведущие к разрушению самодержавия, он возражал лишь про себя, ни разу не высказав своего возмущения публично.

Когда с начала войны он находился с Николаем II в Могилеве и был свидетелем принятия бездарных военных решений, он, пользовавшийся полным доверием государя, тоже молчал.

И, наконец, чего он никогда не сможет себе простить. Когда 2 марта 1917 года во Пскове он своей подписью скреплял машинописный лист с Актом об отречении от престола Богопомazanного Государя, то все еще мог убедить царя не делать этого во имя спасения России. Но, как и все его окружение, привык бояться, что при отсутствии лояльности к решениям монарха незаметно и мягко лишится своего положения при дворе. И хотя бояться было уже нечего, по рабской привычке он безропотно исполнил то, что было велено, не страшась большего наказания — проклятия Господнего до седьмого колена за причастность к разрушению Великой Российской Империи.

Вера Владимировна закрыла книгу и взглянула в окно. Поезд мчался среди все еще засне-

женного весеннего леса. Мощные карельские скалы грозно возникали из лесной чащи. На одной из них Вера Владимировна разглядела волка, вальяжно лежащего в окружении покорной стаи. Вожак мирно спал, положив голову на вытянутые лапы, но даже в его ленивой расслабленной позе чувствовалась могучая сила. Рядом с ним лежала волчица, которая то и дело нервно привставала при излишне резвых действиях молодняка.

В приливе нежности к вожаку подполз светло-серый волк. Прижав уши и поскуливая, он стал лизать ему морду. Вожак ответил полизыванием и осторожным прикусыванием. Тот умиротворенно отполз в сторону. В это время мощный волк, лежавший несколько поодаль, резко вскочил и бросился на серого. Вожак привстал, оскалился, и хватило одного стремительного взгляда его колющих огненно-черных глаз, чтобы в стае мгновенно воцарился порядок.

ГЛАВА 1. БРАХМА

Новенькая «Волга», давняя мечта Алексея, мягко шуршала шинами по асфальту Приморского шоссе. Спокойный и невозмутимый, Алексей плавно вел машину по извилистому побережью Финского залива.

Рядом с ним сидела жена — Любовь, которая то и дело импульсивно прижималась к мужу, выражая таким образом свой восторг по поводу знаменательного приобретения. В отличие от Алексея, который никогда не сомневался в собствен-

ном успехе и благополучии, она и мечтать не могла о таком счастьее.

Будучи совершенно непритязательной, она могла довольствоваться тем, что имеет, и быть при этом счастливой. Чуткая и отзывчивая, Люба притягивала к себе окружающих. Она была воплощением женственности и для Алексея всегда была желанной. Ради этой женщины он был готов на любые жертвы.

На заднем сиденье расположилась их дочь — кукольно красивая смуглая девочка с большими выразительно-умными бархатистыми глазами, о которых индийцы отзывались в высшей степени превосходства: «У нее глаза, как у оленя».

Девочку звали индийским именем Майя.

Алексей, сын военного летчика, героя отечественной войны, погибшего при бомбежке Берлина в 1941 году, пережил тяжелое детство. Оказавшись с матерью в блокадном Ленинграде, трехлетний Алеша заболел дизентерией и угасал у нее на глазах. Мать не в силах была смотреть на больного, голодного, жестоко страдающего сына и отдавала ему почти всю свою и без того скудную пайку хлеба. Алеша выжил, а мама вскоре умерла от голода.

В числе тысяч других сирот зимой 1943 года его вывезли из Ленинграда по льду Ладожского озера и определили в детский дом.

Переполненный гордостью за героя-отца, Алеша старался быть целеустремленным и любознательным, что помогло ему после школы поступить в институт, а по его окончании довольно быстро стать одним из ведущих конструкторов в области гидроэнергетики.

Люба родилась в марте жестокого 1942 года. Ее мать, Вера, названная так в честь высокородной бабушки, рожала в блокадном Ленинграде во время бомбежки. От прямого попадания снаряда в здание роддома Вера вместе с бригадой врачей погибла, а новорожденная чудом осталась живой в полуразрушенной больнице.

Отец Любы Николай пошел добровольцем на фронт и погиб в первом же бою, даже не подозревая о своем отцовстве. Николай дружил с Верой с первого класса. Они вместе учились в медицинском институте и по окончании мечтали пожениться.

Новорожденную забрали бабушки, решившие назвать Любовью дитя любви горячо любимых и безвременно ушедших из жизни детей.

Бабушки с трудом выходили Любу. Мама Николая вскоре погибла во время бомбежки, а бабушка Надя по иронии судьбы умерла в день снятия блокады Ленинграда. Оба деда не вернулись с войны, и ребенок остался круглой сиротой.

Так маленькая Люба, внучка баронессы, отказавшейся от своего сословия в круговороте революционных событий, оказалась в детском доме.

После войны все усилия были брошены на восстановление страны и поддержку многочисленных сирот. Люба с отличием окончила и среднюю школу, и медицинский институт, а после обязательной в ту пору трехлетней отработки выпускников медицинских вузов на селе, вернулась в Ленинград и вышла замуж за молодого талантливого конструктора, тоже воспитанника детского дома.

Вскоре им предложили работу за границей. Советский Союз помогал Индии в возведении гидроэлектростанции Балимела. Алексей в качестве одного из проектировщиков был направлен на строительство ГЭС, а Люба — врачом на ту же стройку.

Так они оказались в сердце страны — столице штата Орисса Бхубанешваре — городе тысячи храмов, в одном из самых почитаемых священных мест индуистов, где соблюдались древнейшие традиции. Где по небу благословенной Индии медленно проплывало жаркое солнце.

Пока шло строительство гидроэлектростанции, о рождении ребенка они даже не помышляли,

так как это означало неперемное возвращение в Советский Союз, а Алексей так мечтал увидеть запуск своего первого проекта, что Люба понимающе соглашалась с ним.

Когда станция была запущена, ему предложили остаться для обеспечения ее эксплуатации. К тому времени произошли послабления для работающих за границей, и специалистов с новорожденными детьми на родину уже не отправляли.

На семейном совете было решено родить ребенка и до исполнения ему семи лет оставаться в Индии, что могло позволить им, воспитанникам детского дома, не имевшим никакого другого жилья, кроме места в общежитии, заработать себе на квартиру.

Решение было принято, но счастье не улыбалось им. Люба не беременела, чрево ее не хотело давать новую жизнь. А ведь она так страстно желала иметь детей!

Все лето детдомовцы проводили в пионерском лагере. Когда в родительский день к другим детям приезжали родственники и заласкивали их, Люба наблюдала за этой идиллической картиной, прячась в кустарнике, плакала из жалости к себе и мечтала о своей счастливой семье. Позже, когда ее подруги рожали, она радовалась так восторженно, так искренне, как если бы это были ее дети.

Теперь, когда настал черед ее счастливого материнства, который год подряд она не могла забеременеть. Ей не в чем было себя винить, но, тем не менее, Люба чувствовала себя виноватой. Она так любила Алексея, что готова была уйти от него,

чтобы с другой женщиной он мог быть счастливым отцом. Можно было, конечно, взять ребенка из детского дома, но с ее точки зрения это было бы эгоистично по отношению к Алексею, который мог иметь своих детей.

Она непременно возьмет ребенка из детского дома, когда отдалит от себя, бесплодной, любимого Алешу, думала Люба. Вместе с тем она понимала, что никогда не пойдет на это: он для нее был всем, и жизнь без него казалась ей бессмысленной, ненужной. Она страдала, но держалась из последних сил, не теряя надежды.

Алексей видел ее страдания, но не жалел, а обнадеживал ее. Со свойственным ему оптимизмом он шутил:

— В прошлом году это было несвоевременно: в Индии была страшная засуха.

Или:

— Ну как ты представляешь нашу семейную радость, когда в Японии цунами смыл пол-острова?!

И уверенно заключал:

— Все случится в нужное время.

Но иногда непонятно откуда выползала и, как наваждение, преследовала его предательская мысль оставить Любу и завести новую семью. Он вытравливал из своего сознания эту крамолу, но она цеплялась за жажду отцовства, пряталась в потаенных местах его подсознания и подлым образом все чаще и чаще появлялась при звуке детского смеха и виде счастливых родителей. Однако он понимал, что если оставит Любу, то никогда себе этого не простит. Каждый отпуск он вез

ее в новую лечебницу или на курорт, рассчитывая на чудодейственное излечение.

Отношения не портились, но наступала очевидная отчужденность, проявлявшаяся в уходе в работу. Они все меньше времени проводили вместе.

Но вот однажды из телепередачи они узнали, что существует обозначенное верховным брахманом место, благоприятное для зачатия, куда в определенное время съезжаются молодожены и просветленные индусы, чтобы в богослужении дать миру новую жизнь с чистой кармой.

Согласно индуистским установлениям, зачатие, рождение, формирование и развитие человека — не только и не столько физиологический, сколько мистический процесс и потому требует постоянного освящения санскарами — очистительными ритуалами жизненного цикла.

Усмотрев в этом луч надежды, Алексей обратился за советом к Балараме — ведущему инженеру гидроэлектростанции. Брамин по происхождению, представитель высшей касты, он был высокообразован — причем как в светском, так и религиозном смыслах. ореол его духовной славы был усилен тем, что дед его принял аскезу, закончив жизнь от самоголодания.

Баларама с большим вниманием и заинтересованностью выслушал Алексея, молча взял его правую руку, пристально рассмотрел ладонь и сказал:

— Я вижу дочь, более того, я вижу дочь твоей дочери, которая будет прямым перевоплощением своей матери, что, впрочем, не очень хорошо. Но вам с Любой надо очистить кармы от запретов на священное продолжение жизни во Вселенной.

— Если ты имеешь в виду избавление от плода, то этого не было, — попытался оправдаться Алексей.

— Мысль также материальна, — со священно-мистическим видом произнес Баларама. — Учение о карме утверждает, что не только за физическое или моральное действие, будь то поступок или слово, но и за духовное — мысль — карма воздает соответственно. В законе кармы нет прощения, но есть искупление. Возьми, к примеру, эту скатерть, — философски продолжал Баларама. — По своей природе она белая, но, когда ты ею пользуешься, она становится несвежей и на ней появляются пятна. Ты отдаешь ее прачке, и та возвращает тебе белую свежую скатерть. Подобно скатерти, твоя душа чиста, но наше эго загрязняет ее, наши нечистые помыслы, низменные желания отдаляют нас от духовного начала. Садхана — духовная практика — подобно заботливой прачке очищает душу, и она снова обретает свою чистоту. Даже самые мудрые наставления не принесут пользы тому, кто боится действия. Что проку от светильника в руках слепого? Я смогу вам помочь лишь в том случае, если вы готовы приступить к духовной практике очищения.

Ради ребенка от любимой женщины Алексей готов был петь мантры, сгибать себя в кольцо, стоять на голове. Но, вопреки его ожиданиям, Баларама принес Махабхарату, эпос древней Индии, и передал со словами:

— Это священная книга о философии, религии и других сторонах жизни Индии. Не прочитав ее, вы не сможете вникнуть в суть индуизма и приступить к своему духовному просвещению.

Ключевую часть священного писания — Бхагавад-Гиту, в котором Кришна ведет диалог с принцем Арджуной, чье послушание и мужество стали для индусов примером исполнения религиозных предписаний, Баларама, подобно Кришне, обсуждал с Алексеем и Любой долгими вечерами, разъясняя глубинный смысл прочитанного.

— Индуизм не требует постоянного посещения храма, — деликатно заметил как-то Баларама. — Вера живет в сердце человека, но все индусы имеют в доме алтарь, фигурку бога, которому поклоняются, регулярно возлагая божеству цветы и пищу. В вашем случае это безусловно должен быть Брахма — творец и правитель мира, отец богов и людей, сын Верховного Существа Брахмана и женской энергии, известной как Пракрити, или Майя.

С этими словами Баларама поставил на стол фигурку Брахмы.

— Мы не сможем понять Вселенского бога, если не познаем его в персонифицированном

виде. В действительности существует только один бог, который является нам во многих проявлениях. Все они — лучи света этого божественного источника. В этом смысле и Иисус, и Мухаммед, и Будда — это тоже, наряду с Брахмой, лучи единого бога. К слову сказать, — с видом мудреца, раскрывающего великую тайну, заметил Баларама, — мало кто знает, что Иисус Христос восемнадцать лет осваивал в Индии йогу и духовные практики. Он и сам — инкарнация Будды, который, в свою очередь, был инкарнацией Вишну.

Алексей взял фигурку и стал пристально рассматривать лица божества.

— Четыре головы Брахмы олицетворяют четыре Веды, — пояснил Баларама. — Каждая из его голов непрерывно декламирует одну из Вед: Риг, Саму, Яджур и Атхарву. Белая борода символизирует вечную природу его существования. Четыре руки Брахмы указывают на четыре стороны света. При этом задняя правая рука представляет ум, задняя левая — разум, передняя правая рука — эго, а передняя левая — уверенность в себе.

— Я что-то не припомню храма, посвященного Брахме, — подметил Алексей.

— В Индии существует всего несколько храмов бога Брахмы. Дело в том, что его культ очень мало распространен, хотя Брахма, наряду с Вишну и Шивой, является одним из трех основных богов индуизма. В ведических и пуранических текстах описывается, что Брахма только иногда вмешивается в дела других богов и еще реже в дела людей. Но в вашем случае, я в это искренне верю,

Брахма поможет вам, — горячо завершил свое повествование наставник.

— Баларама, — робко обратилась Люба, — научи нас, как не допустить кощунства и сделать так, чтобы молитвы наши были услышаны во Вселенной.

При этих словах Алексей явно забеспокоился. Советские специалисты запросто заходили в гости друг к другу, и он почти воочию увидел, как к ним приходит секретарь парткома, воинствующий атеист Порфирий Васильевич, видит их обращенных с молитвами к Брахме и ни слова не говоря готовит представление на их отъезд из Индии.

Баларама, словно почувствовав возможную угрозу, сказал:

— Ваше обращение в индуизм практически невозможно, но вы можете взывать к индуистским богам через мурти — образ Бога, избранного вами для связи с высшим духом — Ишварой. Ваш мурти — это Брахма. И если это обращение будет искренним, боги услышат вас и даруют то, что вы просите. Домашний храм, имеющийся во многих домах, расположен в специальной комнате, богато оформленной по канонам индуизма. Такая комната становится местом обитания Ишвары — высшего божества, которому поклоняется индус. Но не все могут позволить выделить для этих целей отдельное помещение. В этом случае люди удовлетворяются скромным домашним алтарем. Ваша пуджа — благоговение перед богом — может проходить скромно, но важно ежедневно ранним утром осуществлять песнопения и подноше-

ния из цветов и фруктов. И тогда вам будет дарована божественная энергия, которая очистит вашу карму.

В один из вечеров Баларама водрузил на стол простую глиняную чашечку с фитилем и превратил ее зажжение в священнодействие. Он объяснил, что дейя — так называлась эта чашечка — является непременным атрибутом религиозных церемоний и обрядов. Налив в нее благовонное масло, Баларама зажег фитиль, сел в позу лотоса и стал призывать богов, распевая мантры.

— Магическое сочетание звуков помогает соединиться с высшими силами, а медитация — отделить себя от бранных мыслей и мира вещей, что приводит к успокоению и гармонии, — наставлял Баларама. — Вибрации, возникающие при пении мантр, способны привести к проявлению Бога в человеке.

Баларама объяснил, что один из главных постулатов индуизма о ненасилии ко всему живому — ахимса — обусловлен учением о перевоплощении и распространяется на употребление пищи.

— Поедание животной пищи требует убийства, а так как человек после смерти был или может стать животным, то любое животное потенциально является человеком. Значит, при широком понимании всего живого на Земле, убивать и есть мясо — каннибализм. Никто не знает, чья душа находится, например, в козе, чье мясо человек ест. А если это душа умершего отца или матери? Поэтому всякий, принимающий индуизм как

учение, должен быть вегетарианцем. Древняя мудрость гласит: «Нельзя разбудить человека, который притворяется, что спит». Вы не сможете достичь цели, не соблюдая ахимсу.

К индийской кухне Люба с Алексеем привыкли давно и знали, что, если в гости к ним приглашены индусы, выставлять на стол блюда из мяса было недопустимым. Так что от мясной пищи они отказались на удивление легко и больше никогда к ней не возвращались.

Как-то в воскресенье Баларама пригласил Любу с Алексеем в свой дом.

Всюду курились благовония, звучали мантры. По дому ходил павлин, то и дело распуская свой царский хвост.

— Хороший знак, — заметил Баларама. — Он редко покидает сад.

Жена Баларама Анкита приготовила изысканные индийские яства. Люба, по отзывам соотечественников, лучше всех готовила блюда индийской кухни, но то, как это делала Анкита, было выше всех похвал.

Гостей ждали три вида протертых супов. Алексей испробовал все и объявил, что его обед на этом завершен. Нан, то есть лепешки, выпеченные в таңдуре, Баларама готовил сам. Они были с разнообразными специями, ни одна лепешка не походила по вкусу на другую. Приготовленные

Анкитой баклажаны были истинным кулинарным чудом.

Люба много раз готовила оригинальное блюдо под названием самоса, которым восторгались все гости, но такой сочный и нежный фарш из овощей ей не удавался никогда, уже не говоря об изящной форме каждого самоса.

Десертам не было конца. Люба спросила Анкиту, как та готовит кервай — маленькие фаршированные банановые шарики, состоящие из девяти ингредиентов, так, что он не разваливается. На что Анкита почти извиняющимся тоном ответила:

— Бананы должны быть неспелыми.

Чай был одного вида, но какой! Знаменитый имбирный чай готовили на глазах у гостей. Имбирь, мед, лимонный сок и черный молотый перец, поочередно перемешивая, варили, остужали, отжимали, растворяли, мешали, процеживали. В итоге получился пикантный сытный напиток.

— Этот напиток, — как бы невзначай заметил Баларама, — способствует очищению всей детородной системы как у мужчин, так и у женщин.

В саду всех ждал красочный костюмированный спектакль, подготовленный детьми. В ярких одеждах, торжественно и пафосно дети играли фрагменты из «Махабхараты», где Брахма представлялся как создатель Вселенной и течения времени, утвердивший звезды на небе и землю среди вод. И как он вверял во владение богам сферы мироздания.

Ближе к вечеру Баларама привел гостей в богато украшенный домашний храм, здесь же расположилась вся его семья. В центре алтаря на полу

стоял мурти семьи Баларама — металлическая статуэтка Ганеши, слоноголового бога мудрости. На стене висел портрет деда Баларама — семейного гуру.

Усевшись перед алтарем в позе лотоса, Баларама приступил к совершению пуджи. Он зажег лампу, и все положили гирлянды цветов к стопам божества. Баларама начал песнопения, во время которых делал подношения Ганеше в виде изысканных блюд, приготовленных накануне для ритуала.

Священные тексты Баларама распевал на хинди, и Люба с Алексеем не могли понять их смысла, но то блаженство, которое они испытали, слушая божественные гимны, привело их в состояние невесомости и растворило в вечности.

Затем Баларама приступил к купанию Ганеши, проливая на него молоко, которое собиралось в специальном углублении. После купания Ганеша был тщательно вытерт и украшен. В заключение ритуала Баларама собрал из углубления молоко, ставшее, по его утверждению, освященным и чудодейственным, и налил его в правую ладонь каждого присутствующего. Все омыли лицо и волосы священной жидкостью.

Баларама пояснил, что, совершая пуджу, он просил богов о семейном счастье Алексея и Любы.

— В индуизме известны три главных способа достижения духовной чистоты, — умиротворенно и, в то же время, торжественно сказал он. — Джнана-йога — спасение через познание и медитацию. На пути к духовному очищению вы изучаете священные книги. Бхакти-йога — спасение

через самопожертвование. Вы отказались от многих привычных для вас вещей, постоянно обращались к Брахме и тем самым принесли свою жертву. Третий способ, Карма-йога — ритуалы жертвоприношения. Для достижения духовной чистоты вам осталось совершить паломничество к святым местам. Причем сделать это можно исключительно по зову сердца, по искреннему внутреннему побуждению. Вы готовы к санкаре?

Люба улыбнулась такой светлой улыбкой, что ответа не понадобилось.

— Тогда на следующей неделе я приглашаю вас совершить паломничество в Храм Солнца в Конараке.

До города Пури добрались поездом, а оттуда по живописному побережью Бенгальского залива направились в Конарак на такси.

Конарак оказался маленьким, ничем не примечательным городком, но уже само его название, означающее «Край солнечного света», обязывало ко многому.

— Сегодня вы увидите жемчужину Индии — величественный храм древнего индийского бога Солнца Сурьи, построенный прославленным правителем Ориссы раджей Нарасимхадевой Первым на берегу Бенгальского залива еще в тринадцатом веке, — начал рассказ Баларама. — Великий завоеватель поклонялся богу Солнца и считал, что

все победы он одерживает только благодаря милости и покровительству Сурьи, почитаемого как всевидящее око богов, небесного стража, носителя света и целителя. К строительству храма Нарасимхадева приступил на пятый год правления, считающийся в индуизме наиболее благоприятным для подобных начинаний, и закончил сооружение храмового комплекса в рекордные даже для нашего технологического века сроки — через восемнадцать лет.

— Да, нам бы его секреты стахановского строительства, — заметил Алексей.

— Боюсь, сегодня эти методы не приемлемы, — рассмеялся Баларама.

— Может быть, у вас, инженеров, какое-то свое видение пространства, но я не понимаю: если храм был построен на берегу, так почему же мы едем со стороны моря, а храм виднеется лишь вдали? — спросила Люба.

— Дело в том, — ответил Баларама, — что раньше ступени храма действительно омывались морскими волнами, но живая земля находится в непрерывном движении, и за сотни лет море отступило на три километра.

Храм был построен в виде гигантской колесницы, устремленной ввысь тремя большими уступами, перед которыми располагались каменные скульптуры.

— Эта величественная статуя и есть бог Сурья, — пояснил Баларама. — Сурья стоит по всем четырём сторонам храма, а лев, напавший на слона, это олицетворение силы Нарасимхадева — ведь его имя переводится как «человек-лев». Колесницу везли семь священных коней, что означает ход времени. Как вы видите, до настоящего времени сохранилась лишь пара лошадей.

— Вглядитесь, с какой филигранной тщательностью исполнены детали скульптуры Сурьи, — заметила Анкита. — Кажется, что ожерелья бога не часть мощной глыбы, а отдельно изготовленные и надетые драгоценные ювелирные украшения. С таким же изяществом здесь выполнены все скульптуры и барельефы, а резьба отличается богатством форм и утонченностью исполнения.

Подошли к огромным, в два человеческих роста, колесам. В своем основании храм имел 24 вырубленных из камня колеса — по двенадцать с каждой стороны. На гигантских колесах и барельефах Храма Солнца были изображены эротические сцены.

— Два колеса, соединенные осью, символизируют мужское и женское начало, супружеский союз Неба и Земли, — продолжал экскурс Баларама. — Вот почему стены храма изобилуют каменными фигурками мужчин и женщин, находящихся в соитии. Тема земли и неба, мужского и женского начала, пребывающих в супружеском союзе, говорит нам о космическом единстве макрокосмоса и микрокосмоса, достигаемом во время соития мужчины и женщины. Многие

ошибочно считают, что эротические сцены изображены лишь в храме любви, который в Кхаджурахо, но это не так. Здесь на колесах и дальше по всему периметру святилища вы увидите скульптуры мужчин и женщин, сторающих в любовных объятиях. Вы были в Кхаджурахо?

— Советским людям чужда апология секса, — отшутился Алексей.

— И совершенно напрасно. Индуизм рассматривает секс не как естественную потребность, сводящуюся лишь к физическому удовольствию. Сексуальная близость имеет магическое значение. Это божественный ритуал, который ведет к духовному озарению и раскрывает истину Вселенной. Чувственное удовольствие, получаемое при соитии мужчины и женщины, обозначается термином кама. Сакральный характер камы делает ее одной из четырех целей человеческой жизни — Пурушартхи.

— А какие три другие? — спросил Алексей.

— После камы в восходящем порядке следуют: артха — материальное процветание, дхарма — мораль, праведность и мокша, как мы с вами теперь знаем, это освобождение из круговорота рождения и смерти, — ответил Баларама.

— Но вернемся к дворцу. Центр святилища украшает башня, остатки которой величественны и сейчас. Но это лишь половина от ее истинной величины, составлявшей некогда более шестидесяти метров в высоту. Согласитесь, для тех времен это были поистине гигантские размеры! В конце шестнадцатого века произошли какие-

то события, приведшие к разрушению храмового комплекса, что заставило людей покинуть его. Существует много версий, почему это произошло. То ли это следы стихийного бедствия. То ли дело рук мусульман или европейцев. Но тайна разрушения храма не раскрыта до сих пор. Свое второе рождение храмовый комплекс получил в середине восемнадцатого века благодаря паломничеству Баба Брахмачари, обнаружившего храм в плену поглотившего его тропического леса. Лишь недавно его освободили от джунглей.

Баларама еще долго показывал храмовый комплекс и так увлекательно рассказывал о его истории, что даже Анкита, неоднократно бывавшая здесь, без усталости задавала вопросы.

Наконец Баларама привел всех в тень деревьев и заговорчески произнес:

— Теперь о самом главном. В месяц Магха, одиннадцатый месяц индуистского календаря, когда Солнце входит в созвездие Козерога и активизируется вселенское Сознание и вселенская Энергия, сотни тысяч индусов съезжаются в Сангаме, чтобы очистить карму и, возможно, выйти из сансары. То есть освободиться от цикла перерождений и слиться с вселенским Абсолютом — Брахманом. Сангаме — священное место слияния Ганги и Ямуны, где образуется незримая третья река — Сарасвати. На четырнадцатые сутки темной половины месяца Магха наступает великая ночь Бога Шивы, знаменующая бракосочетание Шивы и Парвати. Начиная с этой ночи, паломники трижды купаются в священных реках

Ганги и Ямуны, чтобы смыть свои грехи и укрепить семейные отношения. Сегодня как раз канун четырнадцатой ночи. Ступайте в святилище Храма солнца и принесите дары Сурье, уничтожающему все недуги. А с заходом обратитесь к Шиве с просьбой о ребенке. Когда же появятся первые лучи солнца, совершите омовение в священном пруду, что находится на пути к морю. Космос услышит вас, и вы получите божественный импульс для зачатия новой жизни.

Три дня Алексей и Люба зывали к богам, три дня омывались в водах чудодейственного пруда.

Вскоре верховный брахман объявил очередное время и место сансары зачатья. Люба и Алексей оформили отпуск и с волнением стали еще усерднее готовиться к предстоящему событию, которое на этот раз должно было состояться в городе Каньякумари на южном окончании Индии, где на мысе Коморин два моря соединяются с океаном. Где солнце поднимается из моря и погружается в море. Где в горах живут садху, исцеляющие всех жаждущих спасения.

— Неподалеку от Каньякумари, — напутствовал перед отъездом Баларама, — находится гора Марутувазмалай, что в переводе означает: гора, где живет исцеление. Легенда гласит: когда во время битвы Рамы и Равваны неподалеку от Шри-Ланки был смертельно ранен брат Рамы Лакшман,

понадобилась волшебная трава Сандживи. Только ее чудодейственная сила могла исцелить его. Трава эта произрастала на вершинах гималайских гор, и принести ее в нужное время был способен лишь умевший летать Хануман. Но он совершенно не разбирался в лечебных травах, поэтому, не раздумывая, взял всю гору вместе с растительностью. На обратном пути Хануман обронил часть горы близ Каньякумари, и теперь там растет много уникальных лекарственных растений. В пещерах горы Марутувазмалай живут и медитируют садху, которые знают уникальные секреты лечебных трав. Идите в ашрам, расположенный на пути к вершине горы, где отшельники занимаются врачеванием всех, кто к ним обращается. Расскажите о своей проблеме, и они помогут вам.

До мыса Коморин добирались почти двое суток на всех видах транспорта: от самолета до рикши. Несмотря на огромный приток паломников, легко устроились в небольшой гостинице на самом побережье.

В храме Каньякумари круглосуточно распевались мантры в честь богов, и все желающие в любое время могли присоединиться к молитве. Здесь же или в уединенных специально оборудованных местах, можно было медитировать. Особенно рекомендовались медитации с восходом солнца. Зрелище это было поистине зачаровывающим.

Поражала сама масса медитирующих. Тысячи пар стекались к побережью, чтобы увидеть великое волшебство рассвета.

Сумерки рассеивались. Там, где море плавно перетекало в небо, появлялся нежный алый свет, перерастающий в багровую зарю, разливавшуюся по бескрайнему морю. Солнце нехотя потягивалось, выбрасывая в небо свои первые лучи, а вслед за этим появлялся огромный бледно-желтый полукруг, на который можно было смотреть не щурясь. Но, поднимаясь над горизонтом, солнце бронзовело и ослепляло своим сиянием. Солнечные лучи, отражаясь от морской поверхности, пронизывали космической энергией; человек чувствовал себя ничтожной песчинкой и частью могущественной Вселенной одновременно. Возникало ощущение, что солнце рождается вновь и дарит людям новый светлый счастливый день.

Море торжествовало и с силой билось о скалы. Казалось, оно вместе с людьми с нетерпением ожидало рассвета в желании заиграть перламутровыми бликами волн под лучами жаркого солнца благословенной Индии.

Неподалеку от берега из моря едва выступал маленький островок, который с восходом солнца, казалось, рос, увеличиваясь в размерах.

— Ты знаешь, — обратился Алексей к Любе, — на острове находится мемориал, посвященный индийскому духовному лидеру Свами Вивекананде. Он не прожил и сорока лет, но стал символом индуизма. Надо как-то нанять лодку и побывать там. В поисках духовной истины он прошел вдоль

и поперек всю Индию. Добравшись до Каньякумари, вплавь преодолев вот этот пролив, отделяющий нас от острова, он уединился в крохотной пещере и стал медитировать, размышляя о судьбе Индии. Там провел он три дня и три ночи. Поэтому именно здесь построили мемориал. Позже, если не изменяет память, в 1893 году, как раз за десять лет до смерти, он представлял индуизм на Всемирном парламенте религий. А его дальнейшая деятельность по популяризации индуизма и индийской культуры пробудила к ним интерес во всем мире.

— А я вычитала, что на этом маленьком островке находится куда более романтичный, я бы сказала — мистический объект. Давным-давно, — начала по-детски таинственно свое повествование Люба, — когда это место было частью царства Параваров, славившегося лучшим в мире жемчугом, сюда прилетел демон Бана, и над царством нависла смертельная опасность. Тогда боги создали Деву Кумари и наделили ее способностью делать демона бессильным самим фактом своего совершенства и чистоты. Прошло время, слух о неземной красоте Каньякумари долетел до Бога Шивы, и он решил взять ее в жены. Однако другие боги не могли допустить этого: ведь только девственная Канья могла разрушать силы тьмы. И тогда обратились боги к мудрецу Нараде с просьбой расстроить свадьбу. Нарада, взявшийся устроить бракосочетание, выставлял Шиве поистине непреодолимые условия, при которых он мог бы взять в жены богиню Каньякумари, но для

великого бога Шивы не существовало препятствий, и Нарادا пошел на последнее ухищрение. Он сказал, что по расчетам астрологов нет ни месяца, ни дня, ни часа благоприятствующего этой свадьбе. «Тогда, — ответил Шива, — свадебная церемония произойдет в полночь, когда один день будет сменяться другим, старый месяц кончится, а новый не начнется. Это будет мгновение между часами, днями и месяцами». Наступила назначенная ночь. Одетая в свадебные наряды Дева Кумари ждала жениха. В сопровождении пышной процессии в крошечной тьме Шива направился к невесте. Нарادا превратился в петуха и трижды прокукарекал в неуточное время рассвет. Шива, услышав пение петуха, решил, что он опоздал к началу свадебного ритуала и вернулся назад. Свадьба не состоялась, и безутешная Каньякумари отправилась на этот самый остров, где простояла на одной ноге тысячу лет в ожидании своего жениха. Вокруг камня, где остался след от ноги «вечной невесты», возвели мемориал. Похоже, это вот то небольшое строение с плоской крышей.

— Да не надо так расстраиваться, — шуточно обратилась Люба к сосредоточенно слушающему ее Алексею. — Легенда гласит, что девственная невеста дождетсЯ жениха, свадьба все же состоится, и ты сможешь стать гостем на этой свадьбе.

— Это как?

— Потеряв с первыми лучами солнца надежду стать женой Шивы, Каньякумари в отчаянии превратила все, что было приготовлено для свадебных торжеств в камень. Со временем все круп-

ные предметы разбились, в целости остались лишь рисовые зерна. И каждый, кто найдет на берегу камешек в форме рисового зернышка, будет приглашен на свадебное пиршество. Я вот парочку уже нашла.

С этими словами Люба вынула из кармана камушки, действительно похожие на рисовые зерна.

Встретив рассвет, поток паломников устремился в *храм* вечной невесты бога Шивы.

После утреннего омовения Люба с Алексеем направились вслед за ними. Храм был возведен на том самом месте, где Каньякумари поразила демона. У храма было множество калек и отшельников, которые, похоже, здесь и жили. Пройдя мимо стены, ярко раскрашенной в белый и красный цвета, вошли в храм, миновали колоннаду с вырезанными в гранитных столбах женщинами с протянутыми руками-светильниками и погрузились в прохладу святилища. Пуджари играли на рабабах, били в барабаны и пели мантры, распространяя вибрации жизни. Любовь и Алексей омыли маслом каменное изваяние богини Каньякумари, возложили у ее ног гирлянды цветов, устроились в уголке храма и стали медитировать.

После обеда наняли рикшу и поехали в Сучиндрам, маленький городок, расположенный неподалеку от Каньякумари, в храм Тханумалаян, где поклоняются тримурти — Брахме, Вишну и Шиве.

Прямоугольный комплекс храма уходил в небо, изобилуя скульптурными группами на сюжеты великих индийских эпосов. Колонны храма были украшены мифологическими персонажами. Посетители, в основном индийцы, подходили к колоннам и ударяли по ним, а те издавали мелодичные звуки разной тональности в зависимости от силы удара. Люба тоже подошла к колоннам и буквально слегка тронула их рукой. Полились чарующие звуки. Настолько высокие и долгие по звучанию, что зачарованные паломники просили ее воспроизвести этот космический звук еще и еще раз.

Однако истиной целью посещения храма был лингам, сочетающий в себе всех трех богов в единой форме, который находился в одном из двух главных святилищ. Отшельники с горы Марутувазмалай посоветовали им побывать в храме, пролить на лингам — символ божественной оплодотворяющей силы — молоко и омыть живительной жидкостью, полученной после омовения лингама, лицо и волосы. Считается, что здесь сам Индра, царь всех богов, молился лингаму об освобождении от проклятия и получил очищение.

Возле храма было небольшое озеро с белоснежной многоярусной башенкой посередине. Уютно устроившись на берегу под тенью пальмы, Алексей и Люба долго наслаждались изяществом храмового ансамбля.

С ангельской легкостью в теле и с радостью в душе возвращались они вечером в Каньякумари.

Закат вселял покой и умиротворение.

Казалось, за день солнце замучила жажда, и оно поспешно устремлялось в море. Но испив освежающей влаги, оно зависало над морем огромным огненным полушаром, который, нехотя погружаясь в водную гладь, утрачивал свой величественный блеск.

Но блеск этот передавался морю и небу. Море переливалось золотистыми тонами, а небо окрашивалось в ярко-розовый цвет с красно-оранжевыми оттенками.

Наступали сумерки, и горизонт растворялся между морем и небом.

Однажды вечером, когда Алексей с Любой, по обыкновению, сидели на скале и наблюдали закат, с востока подул сильный ветер и многочисленные облака устремились на запад, куда уходило солнце. Ближе к горизонту багровые облака чернели и исчезали, поглощаемые гигантским светилom. Люба прижалась к Алексею и прошептала:

— Мне страшно. У меня такое чувство, что сейчас в эту огненную лаву затаянет и нас.

Алексей обнял ее и как всегда с уверенностью произнес:

— Ну что ты, родная, ветер уносит и солнце сжигает только черные тучи, а белые облака — чистые, добрые и ласковые — остаются с нами. Посмотри на небо: оно полно тепла и света, и мы пребываем в этом светлом пространстве.

Исполненные оптимизмом слова успокоили Любу. Ей стало тепло и уютно рядом с этим сильным мужчиной, ее мужем. И тогда она решила окончательно снять беспокойство, охватившее ее в последние дни.

— Ты знаешь, Алеша, вот уже несколько дней мне снится один и тот же сон. Будто сидим мы с тобой вдвоем вот так на берегу, с моря наступают туман, и как-то тревожно становится на душе. Туман сгущается и превращается в плотное белое облако. Ты нежно обнимаешь меня за плечи и ведешь в эту густую дымку. Мне страшно, но я повинуюсь тебе и молча иду в невесомую облачную даль. Впереди слышны детские голоса и веселый смех. Дети бегут нам навстречу, окружают нас и резвятся. Я спрашиваю тебя: «Кто это?», а ты отвечаешь: «Это наши дети». Облако поднимается все выше, внизу синее бесконечный океан, дети безмятежно спуют подле нас, и солнце с лучами, как на картинке, улыбается нам. Внезапно дети убегают в другой конец облака, сильный порыв ветра разрывает его, и мы уже не вместе. В отчаянии я просыпаюсь.

— И такой прекрасный сон беспокоит тебя? Да ведь тебе подается четкий знак, что у тебя будут дети, причем не один ребенок, а много детей, разве это может не радовать! Ну а что касается разлуки, так человек не вечен. Увы, наступает час, когда мы уходим, а дети остаются. Это неколебимый закон природы.

Повсюду проходили беседы и диспуты, но, к сожалению, только на хинди. Наконец, они нашли группу иностранцев, где занятия велись на английском языке. Люба им владела свободно, а за время изучения Махабхараты преуспел и Алексей. Беседы велись вокруг семейных ценностей. Вечная и простая, как день, проблема приобретала неожиданное звучание. В индуизме священность супружеского союза обеспечивается совместной медитацией, которая приводит к тому, что супруги, осознавая и почитая божественное начало в партнере, приходят к его обожествлению. Предписываемая длительная и пристальная совместная фиксация внимания супругов на зеркале души, глазах друг друга, укрепляет любовь, рождает взаимопонимание и взаимоуважение. Секс в индуизме — священное соитие двух противоположностей, синтез двух тел и душ в любви, сладости и нирване. Зачатие ребенка делает человека сотворцом высших сил. А его рождение — это не что иное, как чудодейственный, божественный процесс.

Ребенок был зачат. Сила бога проявила себя благодаря усилиям их гуру Баларамы. Его имя в переводе с санскрита, как они позже узнали, обозначает: «сила бога».

Вынашивание проходило так, как если бы Люба не была беременна. Вопреки традициям, установленным в среде советских рабочих, рожать остались в Индии. Девочку, родившуюся в Индии и благодаря Индии, решили назвать индийским именем. Перебрали множество имен. Более всего по смыслу подходила «Эша», что означало «желанная». Но как с таким именем будет жить девочка в Союзе, вопрос был далеко не второстепенный. Поэтому сошлись на употребляемом на их родине индийском имени Майя, что в переводе с санскрита означало «энергия». Так звали прародительницу Вселенной — мать индийских богов.

Самое живое участие в выборе имени, конечно же, принял Баларама. Он признался счастливым родителям, что они — его первые духовные ученики. Дело в том, что для его детей наставником был его мудрый отец.

— Впрочем, — оптимистично заметил Баларама, — для детей своих детей я определенно буду духовным учителем, как мой благочестивый дед был моим, но пока именно вы мои первые ученики, причем успешные. Мой дед учил меня, — глубокомысленно произнес Баларама, — «Думай при каждом пробуждении: “Какое добро совершить мне сегодня? Зайдет солнце и унесет с собой часть моей жизни”. И тогда все в твоей жизни сложится по законам мироздания». Эти мудрые слова я дарю вам на счастье.

Алексей резко затормозил и остановился. За поворотом прямо на проезжую часть, отчаянно размахивая руками, выскочил мальчик лет десяти. Он подбежал к окну автомобиля и стал упрасивать:

— Дяденька, возьмите щенка, пожалуйста, иначе папа их утопит, смотрите, какие хорошенькие.

Только теперь Алексей увидел у обочины дороги коробку, из которой выглядывали три милые щенячьи мордашки. Уже довольно большие щенки с любопытством высовывались из нее, то и дело повизгивая и пытаясь выпрыгнуть.

— Нет, мальчик, мы едем в санаторий и не можем взять щенка, с ним нас там просто-напросто не примут.

— Какие хорошенькие щенки, давайте посмотрим, — взмолилась Майя.

В Индии не принято отказывать желаниям детей. Именно поэтому, по мнению Алексея, индусы такие эмпатичные и отзывчивые. В этих традициях любви и доброты воспитывалась Майя.

Алексей съехал на обочину, и все вышли из машины. Майя подошла к коробке, и наиболее резвый щенок буквально запрыгнул к ней в руки.

— Папа, посмотри какой чудесный волчонок, — воскликнула Майя. — Мы непременно должны его взять.

Мальчик между тем стал рассказывать о том, как в свое время уговорил отца взять в дом собаку, отец разрешил, но с двумя условиями: собака

должна быть небольшого размера, во-первых, и мальчиком — во-вторых. Все условия были выполнены, и в доме появился Тузик, который стал расти, как в сказке, не по дням, а по часам, вырос в настоящую овчарку и за два года принес два приплода.

Все развеселились, а он продолжал:

— Чтобы вы не попали в неудобное положение, я вам скажу, что это породистые овчарки. Остались только девочки, мальчиков разобрали. Проявите любовь к братьям нашим меньшим, — заключил он, — возьмите одного, иначе папа их утопит.

Услышав это, Майя заплакала и кротко произнесла:

— Мамочка, папочка, вы же не допустите, чтобы щенят утопили, давайте возьмем всех.

— Ладно, берите одного, а двух я пристрою, — деловито вмешался мальчик и с этими словами, взяв коробку с оставшимися щенками, удалился.

Счастливая Майя, считая вопрос решенным, направилась к машине, а Люба обняла мужа и ласково произнесла:

— Не переживай, как-то все устроится.

«Волга» тронулась с места. Сквозь мощные сошны просматривался Финский залив. Берег, усыпанный валунами, казался суровым и неприветливым, но яркое солнце, отражавшееся в играющих с мощными валунами волнах, сглаживало эту суровость и вызывало умиротворение.

Люба потянулась к Алексею и нежно поцеловала его.

— Сиди спокойно, — с напускной солидностью проговорил Алексей. — Дорога полна неожиданностей.

— Звери что ли могут выскочить на дорогу? — раздалось с заднего сидения, где Майя забавлялась со щенком. — Так у нас защитник есть. Ух, какой свирепый! — нарочито проревела она, изобразив гримасу на своем милом личике.

Безмятежно счастливое детство Майи прошло в благословенной Индии.

Люба и Алексей независимо друг от друга страстно желали, чтобы их ребенок играл на фортепиано, и Майя оправдала их надежды, но девочка с раннего детства тянулась к танцу. Когда двухлетняя Майя встраивалась в группу танцующих и с поразительной точностью повторяла витиеватые позы распространенного здесь утонченного танца одисси, это всех вводило в умиление и одновременно поражало: ведь одисси, где каждый жест несет свою смысловую нагрузку, где в танце можно рассказать целую историю, постигают годами.

Под напором индийских друзей Майю отдали в школу танца, где преподавала Махари, что означает «избранная». Так называют храмовых танцовщиц в Орисси. Она, было, отказала в приеме трехлетней девочки, к тому же не индуски, но увидев ее в танце, сказала:

— Я сделаю из тебя храмовую танцовщицу. Хочешь?

Совершенно не понимая смысла сказанного, Майя воскликнула:

— Да, хочу, очень-очень хочу, я всегда об этом мечтала!

С тех пор за ней закрепилось второе имя «Храмовая танцовщица», и она, предполагая, что это что-то важное и сказочно-таинственное, с самозабвением относилась к обучению.

Майю в совершенстве обучили утонченному искусству одисси — самому древнему, а потому самому почитаемому из восьми классических стилей танца Индии.

Ей с изяществом змеи удавалось управлять своим телом, причем по канонам стиля, независимо друг от друга выполнять пластические рисунки на уровне ног, корпуса и головы.

А когда Майя замирала в классической позе и стояла не шелохнувшись длительное время, она была похожа на мраморную статуэтку.

Маленькая Майя так выделялась на фоне танцующих девочек, что уже через три года обучения была удостоена чести танцевать на Ратха-ятре — празднике колесниц, символизирующем возвращение Кришны в обитель своего детства — Вриндаван. Праздник колесниц ежегодно проводился в расположенном на берегу Индийского океана городе Пури, где находится один из четырех самых почитаемых храмов Индии Джаяганат, который каждый индуист должен посетить в течение жизни.

Теперь, когда гидроэлектростанция вышла на полную мощность, а Майе исполнилось семь лет и пора было идти в школу, они вернулись в Ленинград, где на накопленные за годы работы в Индии чеки — заменители валюты — разом обзавелись квартирой и машиной.

И вот, счастливые, они ехали в санаторий.

— Через пару километров будем на месте, — уверенно произнес Алексей, и Люба, как всегда, почувствовав силу в его голосе, ощутила душевное умиротворение.

Но в это самое мгновение с возвышенности, что шла справа от дороги, в них с бешеным ревом врезался «Камаз». При съезде с холма у машины отказали тормоза, и она стремительно понеслась вниз. Вместо того, чтобы направить автомобиль в лес, растерявшийся водитель стал отчаянно сигналить и при выезде на Приморское шоссе буквально наехал на «Волгу», придавив ее переднюю часть.

От резкого толчка Майя упала в проход между сидениями. Щенок взвизгнул.

— Ну, папа, осторожней, мы с Рыжухой упали, — так она успела назвать щенка за ярко рыжую шерсть на спине.

Но папа ничего не ответил, а Майя уже не могла забраться на сиденье. Машина, по которой кто-то громко стал стучать, превратилась в маленькую собачью конуру, где было тесно и страшно. Майя

прижала к себе щенка и затаилась в испуге. Вскоре какие-то люди взломали искореженную дверь и вытащили их из машины.

Скорая помощь, милиция, рыдающий в отчаянии мужчина, какие-то незнакомые люди — все это так напугало Майю, что она не сразу подумала о родителях. В полной прострации стояла она со щенком в центре этой сумятицы. Кто-то трогал ее в разных местах и спрашивал: «Здесь не больно? А здесь, а здесь, а здесь?»

Майю подвели к машине скорой помощи.

— Нет, нет, нет, только не сюда, — запротестовала женщина в белом халате. — Если нет травм, пусть ее отвезут гаишники.

Лишь когда ее повели к милицейскому автомобилю, она опомнилась и спросила:

— А где мама с папой?

— Они приедут позже, — ответил милиционер. Усаживая ее в машину, он взял из рук Майи щенка и положил на обочину дороги.

— Езжайте, — бросил он и захлопнул дверь автомобиля.

— Я никуда с вами не поеду, где мама с папой, отдайте мне Рыжуху, сейчас же остановитесь, — кричала испуганная Майя, дергая за ручки автомобильных дверей. Но двери не открывались, а машина мчалась в пугающую неизвестность.

Приехали в отделение милиции. Ее посадили в коридоре и попросили подождать. То и дело мимо проводили пьяных, без конца приходили какие-то люди и чего-то требовали. Майя сидела на скамейке и тихо всхлипывала. Категоричные заявления требующих подвигли ее на аналогичный шаг. Она подошла к дежурному и, встав на цыпочки, чтобы видеть милиционера, уверенно произнесла:

— Я требую, чтобы немедленно привели маму с папой и вернули мне Рыжуху! — но тут же расплакалась и запричитала:

— Где моя мама?

— Откуда ребенок? — крикнул дежурный, обращаясь к старшине, запирающему «обезьянник» после привода туда очередного пьяного.

— Гаишники привезли, автомобильная авария, родители погибли, скоро за ней приедут из социальной службы, — отозвался старшина.

Пулей влетели и разорвались в голове маленькой Майи страшные слова «родители погибли». В отчаянии она подбежала к старшине и стала что было силы лупить его и трепать на нем одежду. Каким-то немислимым образом она вынула из кобуры милиционера пистолет, навела на него и прокричала:

— Сейчас же приведите маму с папой!

Тот резко выхватил оружие из ее рук и дал такую затрещину, что она отлетела к стене и упала

без чувств. Старшина грубо взял вялое тельце ребенка за шиворот и отнес в «обезьянник».

Вскоре приехали социальные работники и без обиняков сказали девочке о том, что родители ее погибли в автомобильной катастрофе. Когда выяснилось, что у нее к тому же нет родственников, Майю определили в Зеленогорский интернат.

Испуганная Рыжуха сидела в кустах у обочины и дрожала мелкой дрожью, не понимая, что ей делать. Начало смеркаться, машины пролетали все реже и реже, ветер с залива усиливался, становилось холодно, нестерпимо мучил голод. Рыжуха жалобно заскулила, и в этот момент к ней подошла серая волчица.

Обнюхав щенка, она с отвращением ощутила людской запах, напомнивший ей запах следов у логова, откуда сегодня утром пропали ее волчата. Она хотела было задушить отвратительно пахнущего псиной детеныша человеческого слуги, но он инстинктивно ткнулся ей в живот и начал сосать. Молоко, накопившееся за день, распирало соски и вызывало боль, но когда этот кутенок стал мягко посасывать, боль ушла. Волчица легла и расслабилась. В памяти всплыли ее волчата, сосущие молоко и игриво отталкивающие друг друга от сосков матери. Серая инстинктивно лизнула Рыжуху. Горечь от украденной материнской любви сдавила ей горло, но на-

пряжение стало спадать от тепла, исходящего от этого беспомощного щенка, сосущего ее молоко. Серая с усердием матери принялась вылизывать Рыжуху.

Эта темно-серая с упругой походкой волчица была самкой вожака — необычайно большого, сильного и бесстрашного волка. Его неукротимое бесстрашие было полезно во время охоты, когда он в одиночку заваливал оленя или первым набрасывался на лося и держал его мертвой хваткой до тех пор, пока измотанный другими волками лось не падал в изнеможении.

Но сейчас эта вызывающая храбрость принесла беду. На зимовье Бесстрашный расположил стаю у большой воды, где было много людей. Конечно, во время сильных холодов, снежных заносов и отсутствия в лесу зверя, всегда можно было легко поживиться бараном или поросенком из человеческого логова. Это волки, в случае необходимости, делали всегда, но Серая не помнит, чтобы стая располагалась так близко от человека. Ведь в этом случае и волки были легко уязвимы.

С наступлением тепла стая не углубилась в лес, и весной Серая родила семерых волчат в новом логове недалеко от зимней стоянки. Когда Бесстрашный ушел за добычей, к логову пришли охотники. Тщетно Серая пыталась увести их от волчат. Выстрелы стали звучать так часто, а пули так близко от нее вонзались в деревья, что она не рисковала больше показываться на глаза людям и в отчаянии наблюдала, как те забирают ее волчат, испуганно сбившихся под корягой.

Серая вела охотников до того места, где то и дело с грохотом пролетали огромные существа, наполненные людьми. Она ничего не боялась так, как этих неизвестных ей исполинов, от которых содрогалась земля, и в панике убегало и улетало прочь все живое. Только дождавшись глубокой ночи, Серая рискнула перейти эту зловещую гряду, по которой днем бесконечно мчались страшные великаны. Она не знала, куда идти дальше. Повсюду были следы людей. Преодолевая страх, волчица дошла до большой воды, где и встретила этого человеческого щенка.

Теперь она принесет им, людям, такие же страдания и заберет его. Серая осторожно взяла начинающую засыпать Рыжуху зубами и понесла в сторону леса, прочь от жестоких людей.

Стая сперва не приняла Рыжуху. Когда она приближалась к другим волкам, те злобно рычали и щелкали пастью, но Серая так жестко пресекала эти недружелюбные выпады, что через пару дней Рыжуха уже резвилась с молодняком. Вожак с непроницаемым хладнокровием наблюдал за этой сценой и через несколько дней после охоты отгрынул перед изрядно подростшей Рыжухой кусок мяса.

ГЛАВА 2. ВИШНУ

В интернате формировалась группа первоклашек. Детей привозили из разных детских домов без всякой системы, и в этом было спасение Майи. Все предьявляли себя заново, а Майе, к счастью, было что предьявить. Кормили в интернате хорошо, но «этим мальчишкам» всегда не хватало еды, причем предпочитали они мясо, а мясо в качестве добавки как раз-таки и не предлагали. Майя,

которая мяса не употребляла с рождения, свое отдавала мальчишкам. В казенном учреждении дети сизмальства привыкли: всем поровну и по справедливости. Вот и подходили мальчишки по очереди к Майе, и она, сопровождая передачу еды своим обходительно нежным «пожалуйста, кушайте на здоровье», приводила в умиление и мальчишек, и персонал. Девочкам это явно не нравилось, но мальчишки не давали ее в обиду, так что Майя была в полной безопасности, столь важной для сиротских детей, которые по строгим детдомовским законам все вопросы привыкли решать кулаками. Девочки при этом не были исключением.

Особенно тяжело Майя переживала не то, что попала в другую страну, а то, что после семьи, наполненной любовью и нежностью, она оказалась в мире, где не было ни душевной теплоты, ни уюта. Здесь были свои законы, часто непостижимые и чуждые Майе. Всеобщий и обязательно быстрый отбой и подъем буквально разрушали ее. Каждый вечер мама или папа усаживались у кровати и беседовали с Майей о чем-нибудь приятном. Так, в сладких грезах и фантазиях, Майя засыпала.

Как-то перед сном она вздумала поделиться своими впечатлениями о фильме с соседкой по кровати. Их подняли и заставили стоять в коридоре несколько часов.

Обласканная, окруженная любовью и вниманием родителей, истосковавшихся в ожидании ребенка, Майя жестоко страдала от равнодушия персонала. Никто из них не делал ей зла, но и заботы, того постоянного внимания, к которому она привыкла, Майя не ощущала. Другие дети, выросшие в детском доме и не знавшие иных отношений, не мучились, не страдали, а Майя, едва в спальне гасили свет, тихо плакала, уткнувшись в подушку.

Но как только она засыпала, ей снился сладостный сон.

Перед возвращением в Советский Союз они специально заехали в Джайпур, где как раз в это время проходил праздник слонов. Это было ни с чем не сравнимое зрелище. Сотни слонов, красочно разрисованных национальными орнаментами, одетых в разноцветные ткани, украшенных яркими гирляндами из живых цветов, важно шествовали под музыку. Их сопровождали роскошно одетые всадники на лошадях и верблюдах, колесницы с колоритно разряженными божествами и старинные пушки. Повсюду звучала музыка, гремели барабаны. Многотысячная ликующая толпа пела и танцевала в едином порыве. Восхитительному изяществу гигантских слонов могли позавидовать цирковые акробаты. Залпы фейерверка взрывали черное южное небо десятками солнц. В воздухе витало ощущение грандиозного торжества. Такого пышного и яркого представления Майя не видела нигде и никогда.

Дальше ей снился конкурс танцовщиц одисси, где лучшей была она, Майя, взрослая, веселая

и очень красивая девушка. Сон этот снимал напряжение, заряжал оптимизмом, напивывал Майю жизненной энергией, придавал уверенность в себе.

Любимым занятием детей были воспоминания о своей жизни в семье. Дождливыми осенними вечерами и в темные зимние выходные дни дети группами собирались в комнатах и рассказывали свои истории. Причем «вспоминали» не только те, кто провел хоть какое-то время в семье, но и те, кто в детском доме находился с рождения. Первые, как правило, рассказывали о своем несчастливом детстве, а вторые — о роскоши и согласии в семье. Но финал и у тех, и у других был трагичен.

Одна история старшей девочки особенно потрясла Майю, но в то же время сильно помогла ей, потому что на фоне этого повествования трагедия Майи была всего лишь несчастным фрагментом ее жизни.

— Когда это произошло, — рассказывала Света, нервно крутя в руках сигарету, — мне было 14 лет. Отношения с отчимом у меня были превосходные. Он воспитывал меня с пяти лет, и я называла его отцом. Он баловал меня и любил повторять, что о лучшей дочери и мечтать не мог. Однако с годами его внимание ко мне становилось все более назойливым. Я все чаще чувствовала на себе прикосновение его рук. А однажды ночью, когда я чи-

тала, лежа в постели, он вошел в мою комнату и, затеяв со мной возню, завалился на меня. Я попробовала вырваться, но он не выпускал меня из-под себя. Началась борьба, полетели вещи, и на шум пришла мать. Только тогда он отпустил меня.

Всю ночь они ругались, я ждала, что она выгонит его: он ведь даже не оправдывался, а только оскорблял ее. Но этого не произошло. При чем после этого случая мать стала называть меня не иначе как шалава. Через пару месяцев, когда она осталась ночевать у больной бабушки, отчим жестоко избил и изнасиловал меня. Тогда я сбежала из дома. Приехала в Москву, жила на вокзале. Собирала пустые бутылки, чтобы хоть как-то прожить. Вокзальные проститутки силой затащили меня в какой-то бордель, но я сбежала оттуда, устроив пожар, села на поезд — и в Ленинград. Здесь сразу пришла в милицию и наплела, что я сирота. Они проверяли. И вы представляете, через полгода после того, как я сбежала, я не числилась в розыске. То есть, они не заявили о моем исчезновении. Так что у меня нет и не было матери, — глубоко затянувшись, закончила рассказ Света, и в комнате воцарилась гробовая тишина.

А над «трагедией» десятилетней хроменькой Зульфийи все потешались. Мало того, что каждый ее рассказ не походил на предыдущий, так она, стремясь вызвать жалость, «по большому секрету»

рассказывала свою историю кухонным рабочим, воспитателям, учителям.

Однажды, когда она заставила прослезиться повариху, пожаловавшись при этом на несправедливость воспитательницы, та стала призывать обидчицу к состраданию, на что воспитательница возьми да сунь под нос наивной поварихе личную карточку Зульфийи, где было всего три строчки: родильный дом № ..., детский дом № ... и интернат № ...

После этого повариха всякий раз, наполняя тарелку Зульфийи пищей, приговаривала с язвительной иронией: «Уж и не знаю, как тебе, принцессе, угодить».

А Зульфийа снова и снова рассказывала свою «историю».

— Моя мама, — торжественно начинала она свой рассказ, — была королевой красоты всего Советского Союза, и однажды ее повстречал персидский принц. Влюбился он в маму безумно, и стал осыпать ее драгоценностями, и просить ее руки и сердца.

А мама говорит ему:

— Не могу я стать твоей женой, когда у тебя целый гарем жен.

— Откажусь от всех, только стань моей, — взмолился принц.

Мама и согласилась. Ну, сыграли они свадьбу, и увез ее принц в свою Персию. А отец его, падишах сказал:

— Никогда не было в нашем роду инородки и никогда не бывать, зарежь ее или я лишу тебя

наследства, и не быть тебе падишахом. Не послушался папа своего отца и ушел из дворца. А тут я родилась, и так я понравилась жене падишаха, то есть моей бабушке, — пояснила Зульфия, — что решила она умереть или помирить сына с отцом. Долго стоял на своем падишах, но, когда бабушка принесла меня во дворец, сердце его смягчилось, и он простил сына.

Дальше Зульфия так детально и так увлекательно рассказывала о покоях дворца, о прислуге, о яствах, которые им подавали, о павлинах, тиграх и слонах в садах падишаха, что все умилялись и никто не смел ее прерывать. Заканчивалась эта трогательная история тем, что пришли американцы, и убили всех, и поработили страну. Из всей шахской семьи осталась лишь она, Зульфия. Советское правительство потребовало от американцев ее возвращения на родину, и так она оказалась здесь. Стоило ей закончить свое повествование, как раздавался всеобщий смех и каждый считал своим долгом задать язвительный вопрос, оскорблявший Зульфью своим изначальным недоверием к повествованию. Она убегала под лестницу и рыдала, причитая:

— Почему вы мне не верите, я правду говорю!..

Как-то Майя нашла ее там, прижала к себе и прошептала на ухо:

— Не плачь, я верю тебе, я сама однажды рассказала о том, что родилась и выросла в Индии, так надо мной до сих пор потешаются и прозвище дали ироническое — индейка.

— Но ты-то наврала, а я ведь правду говорю, — заметила Зульфия.

— И я тебе верю, — уже растерянно произнесла обескураженная Майя, вспомнив любимое изречение Баларамы: «Сочувствие во время несчастья подобно дождю во время засухи».

Некоторые дети, родители которых были лишены родительских прав, все же могли уходить на выходные домой.

У мальчика Миши, солировавшего в интернатском хоре, была мама, жившая чуть ли не на соседней улице. Но при всей тяжести «казенной» жизни все выходные Миша проводил в интернате. Однажды Майя спросила:

— А разве тебе не хочется прийти домой, обнять маму, поговорить с ней?

— Домой хочется, а к маме нет, — сухо ответил Миша. — И не потому, что она пьет. Что бы я ни сказал, что бы я ни сделал — все не так, все я делаю плохо, как отец. А я и не видел его ни разу, разве что на фотографиях. Он сидит в тюрьме, и мать говорит, что он садист и убийца, что он сделал ее калекой, и я буду такой же, как он. Мы действительно с ним сильно похожи, но у меня и в мыслях нет кого-то убивать, я даже не дерусь. А мать всем: «Вот, убийцу ращу на свою голову». Сколько себя помню, столько я, по ее мнению, вор, насильник и убийца. Лучше бы на себя посмотрела: всегда пьяная, а я не пью и пить не буду, — обиженно заключил двенадцатилетний Миша.

— Ты хороший, у тебя такой красивый голос, — с воодушевлением сказала Майя. — Я думаю, что ты будешь известным певцом.

— Ты действительно так думаешь? — с волнением спросил Миша.

— Уверена, — ответила Майя.

С тех пор Миша стал драться, но только тогда, когда кто-то из мальчишек обижал Майю.

Движимая состраданием к интернатским детям, Майя успокаивала их словами, которые часто слышала от Баларамы: «Лекарство от несчастья — не думать о нем. Когда думаешь о несчастье, оно не проходит, а возрастает». И хотя она не до конца понимала смысла этих слов, произносила их так уверенно и торжественно, что дети воспринимали их как доброе заклинание.

Помогая другим преодолеть невзгоды сиротства, Майя отчаянно пыталась помочь себе.

Как-то, как раз накануне отъезда из Индии, у нее на глазах погибла маленькая обезьянка. Майя долго плакала и взывала к родителям о помощи. Тогда мама сказала ей, что обезьянка не умерла, а родилась где-то заново и цепляется сейчас изо всех сил за маму-обезьяну, чтобы не попасть в беду, а то и вовсе переродилась в человеческого ребенка и радуется своему счастью. Воспоминание об этом озарило ее: мама с папой вовсе не умерли, они просто переродились, причем, может быть (лучше бы

было так!!!), в эту красивую бабочку — мама, а вот в того стрекочущего кузнечика — папа. Она часто бегала за бабочкой с мольбой не улетать и признать в ней свою дочку Майю. Однако бабочка улетала, и Майя с горечью заключала:

— Значит, это не моя мама. Моя мама меня бы узнала.

Но однажды, когда она сидела в беседке и рисовала индийских слонов на празднике Пурам, посвященном окончанию сбора урожая, вокруг нее в изящном танце закружилась бабочка необычной красоты. Майя обратилась к ней, как к маме, и случилось чудо! Бабочка села на спину нарисованному слону и выслушала все, что рассказала ей Майя. И, как ей показалось, улетая, мама прошуршала своими крылышками: «Будь счастлива, доченька, мы с папой любим и оберегаем тебя».

С тех пор Майя не плакала по ночам. Уткнув голову в подушку, она представляла себя то бабочкой, то колибри, порхающей с мамой и папой в солнечной Индии.

Большой проблемой для Майи было почти полное отсутствие сладкого — во всяком случае, в том качестве, к которому она привыкла в индийской кухне.

И остальным-то детям сладкого не хватало, а Майя просто страдала от его отсутствия. Другие дети решали эту проблему относительно просто.

Сладости они крали. Несмотря на то, что для детдомовских детей воровство было вторым по значимости грехом после ябедничества, в этом вопросе они, особенно младшие, делали себе послабление. Они отправлялись в магазин самообслуживания, останавливались около полок со сладким и ели до тех пор, пока их не засекут, причем не пока наедятся, а именно до тех пор, пока их не поймают и не выпроводят из магазина. Часто такие походы заканчивались перееданием и следовавшими за этим жестокими последствиями.

Охрана знала в лицо всех интернатских детей и ни под каким предлогом не пускала в магазин. Но смысленные дети вскоре придумали оригинальный ход. Натянув на лоб кепку, брали за руку кого-то из взрослых и, прижавшись потеснее, проникали с ними за турникет, что в среде покупателей было поводом для шуток типа: «Ой, это твоя дочь, а ты так долго скрывал!» На что дети, в свою очередь, отвечали: «Пока, папочка» и растворялись в толпе покупателей.

Однако такой способ для Майи был неприемлем в принципе.

Впрочем, страдать пришлось не долго. Перестройка принесла свои плоды. Железный занавес открылся, и со всего мира в СССР хлынули волонтеры с горами вещей и продовольствия для обездоленных детей. Гардероб детдомовцев, состоявший из сезонных форм одежды, распух до неприличия. Дети чуть ли не каждый день блистали в новых одеждах из «коллекции» сэконд хэнд и, о ужас, бросались надоевшими заморскими шоколадками и сухими пирожными.

Однажды произошло событие, которое резко изменило положение Майи. В интернат приехали американцы и захотели пообщаться с детьми. Воспитатели сформировали разновозрастную группу, в которую вошла и Майя. Гости задавали детям разные вопросы, те отвечали. Один из вопросов звучал так:

— Не обижают ли вас здесь?

Переводчица перевела:

— Нравится ли вам здесь?

В ответ дети дружно закричали протяжное:

— Да-а-а!

Обескураженные американцы, не дожидаясь перевода понятного всем «да», стали наперебой спрашивать:

— Как именно вас обижают? Вас плохо кормят? Вас здесь наказывают?

Пока переводчица, практикантка филфака университета, спрашивала у директрисы, переводить ли детям вопросы американцев, ситуацию, ко всеобщему удивлению, разрядила Майя.

— Извините, пожалуйста, — обратилась она к американцам на хорошо поставленном английском языке, — но ваше «Не обижают ли вас здесь?» было переведено как: «Нравится ли вам здесь?», поэтому вы услышали ответ совсем на другой вопрос.

— Безобразие, — заключила директриса, — девочка уже больше года живет в интернате, и никто не знает, что она говорит по-английски.

Иди сюда, деточка, будешь моей личной переводчицей.

— Какие у вас талантливые дети, — восхитились наивные американцы.

— Они у нас еще и не то могут, — героически отрапортовала директриса и, во избежание неприятностей, завершила встречу с детьми.

После этого события жизнь Майи стала такой насыщенной и разнообразной, что иногда неделями она не посещала занятия. Директриса брала ее на все встречи, где присутствовал хоть один иностранец, и Майя с деловым и торжественным видом выполняла свою миссию.

В кризисное время России помогали все страны. Как-то под Новый год индийское консульство устроило благотворительный утренник для российских сирот. Директриса по обыкновению в числе немногочисленной группы детей взяла и Майю. Она, как всегда, блистала Майиным знанием английского.

Консул поздравил собравшихся детей с наступающим Новым годом и объявил сюжетно-ролевой танец, повествующий о подвигах индийского бога Вишну.

— Вишну, наряду с Брахмой и Шивой, верховный бог в индуизме. Он способствует победе добра над злом и восстанавливает божественный порядок, когда космосу грозит уничтожение, —

пояснил он. — Вишну — воплощение вечно живой природы. Он поддерживает жизнь во Вселенной и управляет ей. Вишну обладает бесконечным числом благоприятных качеств, среди которых знание, сила, мужество, великолепие, щедрость и сострадание, — завершил свое сообщение консул.

Полилась чарующая слух музыка. Вишну творил чудеса и легко справлялся с демонами.

Наблюдая за спокойными, выверенными движениями Вишну, Майя думала:

— Вероятно, именно так, подобно Вишну, уверенно и умиротворенно надо идти по жизни, разрушая зло и создавая добро.

Танец закончился под громоподобный победоносный звон тарелок и барабанов.

Поздравления продолжались, и Майя все больше погружалась в безмятежное детство и все больше наполнялась благодеяниями Вишну.

После выступления индийской танцовщицы Майя подошла к директрисе и попросила разрешения станцевать индийский танец.

— А ты умеешь? — спросила та.

— Умею, — потупив взор, ответила Майя.

Директриса было подумала, что Майя заразилась болезнью детдомовцев с готовностью братья за все, что им даже не ведомо, но вспомнила, что она жила в Индии и решила: «А что, пусть спляшет».

Испросив, по обыкновению, разрешения всех, кого, по ее разумению, надо было спрашивать, директриса подошла к организаторам и сказала:

— Вот, наша девочка хочет вам в подарок станцевать ваш индийский танец.

— Под музыку в стиле одисси, — добавила Майя.

Объявили выступление. Зазвучала мелодичная музыка. Майя вышла в центр, сделала пируэт и застыла в классической позе танца одисси, из которой плавно излился поток виртуозных телодвижений. Руки, словно две змейки, извивались вокруг ее хрупкого тельца, и только ее глаза указывали на их принадлежность к танцовщице. Маленькие ножки, казалось, исполняли свою обособленную партию, но, когда Майя на несколько секунд замирала в скульптурной позе, она была безукоризненно гармоничной.

Грациозные движения, изящные позы говорили о мастерстве маленькой танцовщицы, очаровывали и завораживали зрителя. Когда в кульминационном вихре танца Майя замерла в той самой позе, из которой расцвел танец, сдержанные индийцы разразились восторженными овациями. Каждый сотрудник консульства считал своим долгом похвалить и одарить Майю. Кто-то подарил сари, пусть для взрослой женщины, но сари! Счастью Майи не было предела.

Директриса стояла рядом с ней, и ее распирало от гордости.

Учительница английского водила Майю по олимпиадам, причем умудрялась втискивать во все возрастные группы, кроме старшекласников. И всегда Майя занимала первые места.

Награды и подарки дождем проливались на Майю. Интернатские дети традиционно недолюбливают «любимчиков», и превратилась бы жизнь Майи в кошмар только по одному этому поводу, но добрая Майя так сострадала детям, которые и не ведали того счастья, что получила она, живя с мамой и папой в сказочной Индии, что всякий раз, возвращаясь с грудой подарков, она раздавала их детям. Подарков было много, но детей еще больше, и сердобольная Майя отдавала детям все до последнего, не оставляя себе ничего и, таким образом, снимала любые возможные претензии к ее везению. Позже Майя стала не просто раздавать подарки, а называла имя девочки и все остальные должны были похвалить претендентку на подарок.

Таким образом, девочки получали подарки за доброту, отзывчивость, способность помочь, поддержать и тому подобное. В результате такой игры дети начинали думать друг о друге исключительно позитивно, и тепло этого позитива шло от Майи. Так она стала не то чтобы любимицей группы, а девочкой, в свете души которой все нуждались.

Шли годы, изменилась страна, изменился интернат. Все чаще поступали дети, не способные не только жить в группе, но и попросту контролировать себя. Девочки стали драться, среди мальчиков распространилась поножовщина, воспитатели стали бояться детей и пытались без острой

необходимости не общаться с питомцами. Майе тем временем исполнилось тринадцать лет, и она полностью адаптировалась в сиротской среде.

Как-то в конце апреля пятнадцатилетняя Полина, державшая в своих руках весь интернат, объявила:

— Первого мая бежим. Бежим всем интернатом. Пока в Питер, а там посмотрим.

Судьба Полины, если это было правдой, была наполнена самыми неожиданными, порой мистическими событиями.

— Мама моя, — рассказывала Полина, — безумно влюбилась в красивого, как голливудский актер, бизнесмена, на которого работала. Тот любил женщин, а мама была олицетворением женского обаяния и, оказавшись в его объятиях, не устояла. Так родилась я, — глубокомысленно заключила Полина. — Мама была гордой, не стала спрашиваться к отцу в жены, задолго до моего рождения ушла с его меховой фабрики и стала шить шубы на дому, частным образом, благо клиенты у нее, модного мехового мастера, не переводились. Мне ни в чем не было отказа. С трех лет мама водила меня в школу творчества, где с нами чем только ни занимались: и рисованием, и борьбой, и музыкой, и вокалом. Я с удовольствием училась игре на фортепиано, так что и сейчас помню кое-какие пьески. Мама много работала, брала сразу несколько заказов, шила из дорогого меха, и кто-то решил, что в нашей квартире есть чем поживиться. Помню, вернулась я из школы, счастливая — мне в этот день поставили первую оценку, и оценка эта была

пятеркой. Так вот, возвращаюсь я домой, а входная дверь открыта. Вхожу, вся квартира в крови, а мама лежит посередине комнаты в ножевых ранах. Я как заорала и с перепугу не могла ни замолчать, ни сдвинуться с места. Прибежавшие на крик соседи унесли меня к себе, а я все кричу и кричу. Уже голоса нет, а я все кричу. Кричала до тех пор, пока врачи не сделали мне укол, и я не отключилась. Не помню, что со мной было и где я находилась, но в себя я пришла только в детдоме. Помню, устраивала истерики с требованием отвести меня к маме, а мне отвечали, что ее уже похоронили. А я все редела и спрашивала: «Ну почему меня не взяли на похороны?» — но все разводили руками. А что они могли мне ответить? Я теперь думаю, что ее и не хоронили вовсе, ведь родственников-то у нас не было. Как выяснилось, зарезала и ограбила маму ее подруга, тетя Жанна. Добрая такая была, без подарка для меня ни разу к нам не приходила. Когда на следствии, куда меня без конца зачем-то таскали, у нее спросили: «А Полину вам не жалко было?», вы не поверите, она ответила, что хотела меня удочерить. Если бы ее не вычислили, я бы могла сейчас обнимать убийцу своей матери, сидя у нее на коленях. Вот картинка, обхохочешься.

— А тем временем мой папашка стал загигаться, — продолжала рассказ Полина. — Он по врачам, да по курортам, а лечить-то его не от

чего, просто чахнет и все тут. И бизнес у него идет успешно, и жена красавица, и дети, мальчик и девочка, просто ангелы, а он погибает. Обратились к экстрасенсу. Тот и объявил, что вся его душевная хвороба от мучения его ребенка, быть может, неизвестного ему самому, и что его биополе будет чернеть и разрушаться до тех пор, пока он не найдет своего страдающего ребенка и не прекратит эти страдания. Я, надо сказать, целый год в это время истерила. То требовала, чтобы мне предъявили маму, то сбегала, чтобы найти и убить эту Жанну, то не хотела посещать занятия, потому что учителя, совсем не задумываясь над тем, что я пропустила почти полгода, спрашивали меня наравне со всеми. А уж с детьми я дралась по поводу и без повода. Папашка мой отыскал всех своих женщин и, таким образом, вышел на меня. Через экспертизу доказал наше родство, забрал меня к себе и счастье вернулось к нему. Вначале я злобно вела себя с ним, а он все просил у меня прощения и внаштал мне, что не знал о моем существовании. Но когда он снова отдал меня в первый класс и каждый день сам отвозил и привозил меня из школы, я ему поверила. А когда он за любой мой успех в школе стал водить меня в мороженицу, я полюбила его. Его жена начала говорить всем, что он помешался, совсем не заботится о своих родных детях, что он хочет поместить их в приют и оставить нищими. Она так и говорила «о своих родных детях», как будто не было экспертизы, как будто я была ему неродная, — со слезами отчаяния на глазах вспоминала Полина. —

Через год войны она объявила его сумасшедшим. Когда никто из их друзей и знакомых не поддерживал ее, опасаясь того, что «он все оставит своей нагулянной дочери», она заказала его, а после его убийства, меня, как неродную, случайную, сдала в приют. За пять лет я поменяла больше десяти приютов и детдомов. Но в основном была в бегах.

— Воля — моя школа, — заключила свой рассказ Полина.

Мальчишки были воодушевлены идеей побега, девочки, во всяком случае, большая их часть, не очень. Но бежать почему-то надо было всем. Уклонение от побега считалось предательством, а предательство сурово наказывалось. К счастью, кто-то высказал здравую мысль, что малышня будет обременительна, и их решили не брать. Но Майя, к сожалению, к малышне уже не относилась.

И вот 1 мая, когда в интернате оставались только дежурные воспитатели, «орда», как они себя называли, тронулась в путь.

Как оказалось, у Полины был свой план. В электричке сразу несколько групп ходили по вагонам и исполняли хипповые сиротские песни, за что сердобольная публика щедро выворачивала карманы. Народ трогали не столько песни, сколько речь, которую Полина, пользуясь выдержками из оппозиционных газет, написала и раздала

группе детей для заучивания. В число декламаторов попала и Майя. «Товарищи, наш интернат, где мы оказались не по своей воле, сгорел. Многочисленные обращения наших бедных воспитателей преступная власть не слышит: она занята тем, что обворовывает вас и обогащается за ваш счет. Мы едем в Москву, чтобы заявить преступному правительству: так дальше продолжаться не может, прекратите грабить собственный народ и обездоленных детей. Мы первые ласточки борьбы за справедливость, за нами поднимутся все те, кого вы бессовестно обманываете. Россияне всегда отличались великодушием и состраданием. Представьте себе хотя бы на минуту, что на нашем месте голодными и обездоленными завтра могут оказаться ваши дети и внуки. Помогите нам, не дайте умереть с голоду на нашем пути в отстаивании своих и ваших прав и свобод».

Майя выучила текст наизусть и рассказывала его так эмоционально и выразительно, что всякий раз срывала аплодисменты и вызывала слезы у особо впечатлительных женщин. Полина отметила:

— Да-а-а, недооценила я тебя, чем-то ты мне сразу не понравилась, слишком правильная какая-то. А здесь смотри-ка, одна собрала столько денег, сколько все остальные.

И Майя воодушевилась, перестала страдать, испытывать угрызение совести, стала членом «орды».

А «орда» тем временем, руководствуясь четкими инструкциями Полины, что кому брать и как действовать при выходе, сделала набег на универсам.

Блестяще спланированная операция прошла без потерь, и подъехавшие к окончанию акции милиционеры лишь развели руками.

— Они как саранча, их, если и поймаешь, так только на свою голову — развози потом по приютам!

Полина покоряла всех честностью, справедливостью и решительностью. В «орде» был железный порядок. Ссоры внутри группы пресекались так жестко, что никому и в голову не приходило испытать суд Полины на себе. Никто без ее разрешения не смел отлучаться и, как она выражалась, «проявлять инициативу».

Инициатива и в самом деле не всегда приводила к добру, ибо большей частью проявлялась в стремлении задрать мирно гуляющих детей или что-либо стащить. Но когда кто-то все же нарывался на неприятности, Полина без разборов, с неистовством тигрицы, защищала своих подопечных. Среднего роста, она обладала такой силой и ловкостью, что могла побить взрослого мужчину.

Фантазия Полины и изворотливость ее ума не имели границ. Она шла к администратору цирка, и всю группу бесплатно пропускали на представление.

В зоопарке несколько сотрудников наперебой рассказывали им о животном мире, потому что Полина сказала, что все эти ребята решили посвятить жизнь защите окружающей среды и животного мира, в частности.

Заявлялась в интернат, объявляла о том, что они отбились от группы и опоздали на поезд. При

этом Полина не просила принять их, она просила связаться с администрацией детского дома какого-нибудь Альметьевска, чтобы те прислали за ними сотрудников и без проблем доставили на место. Их кормили, укладывали спать, а наутро они снимались и уходили, забыв поблагодарить заботливых хозяев.

Было такое чувство, что за этот короткий срок Полина показала им весь мир. Такие разнообразные и яркие были впечатления. Аэропорт, музей восковых фигур, мюзик-холл, Исаакиевский собор и многое, многое другое. Центральный парк культуры и отдыха был местом их постоянной дислокации, и ни один человек не потерялся, потому что в любой ситуации мог добраться до ЦПКиО, где «орда» ежедневно встречалась в назначенный час.

— Я заказала вам здесь культурную программу, наслаждайтесь жизнью, — объявила Полина, когда в первый раз привела их в парк, который в эти праздничные дни пестрел разнообразными программами.

Особое впечатление дети получали от поездок в пригородные музеи. Многие уже были на экскурсии в Екатерининском дворце, но никто при этом не катался на тройках и не устраивал пикник на поляне. Петергофскими фонтанами они любовались из грота, что под дворцом. Полина была человеком-праздником.

Для Майи этот так не желанный вначале побег по яркости впечатлений мог сравниться только с праздником цветов в Индии, когда красочный карнавал сопровождался обливанием всех разноцветной водой.

У Полины всюду были знакомые. Иногда казалось, вся улица знает и тепло приветствует ее. Она была прирожденным вожакom.

После 9 мая Полина объявила:

— Все, погуляли, показала я вам красивую жизнь, теперь на покой.

И сама отвезла мальчиков в один, мальчицкий, приют, а девочек — в другой.

Все так влюбились в жесткую, но справедливую, добрую, отзывчивую, неумную и яркую Полину, что даже мальчишки не скрывали своих слез при расставании.

А Полина, взяв с собой несколько человек постарше, поехала, как она выразилась:

— Покорять Москву.

Так Майя оказалась в приюте с названием «Счастливое детство».

Директором приюта и его основателем была бывшая пионервожатая Эльвира Николаевна Седова, которая верила, что каждый ребенок — это ангел, а жизнь ангела должна быть райской. Вот и попыталась она выполнить великую миссию обеспечения счастливого детства для обездоленных.

И, надо сказать, ей это удавалось, причем легко. Эльвира Николаевна учредила благотворительный фонд «Счастливое детство», и после первого же ее выступления на конференции по проблемам отклоняющегося поведения, где было много иностранцев, деньги рекой полились на счет фонда. А когда она пришла в правительство Санкт-Петербурга, ей тут же выделили здание под организацию приюта.

К чему бы ни прикасалась Эльвира Николаевна, все начинало блеснуть. Ненадолго, невнятно, но блестело. Дети ее любили, коллеги уважали, начальство считалось с ней и ставило в пример.

Всех подкупала ее истинно христианская философия любви и всепрощения. Девочки называли ее «блаженная», причем без всякой иронии, но с признательностью. В каждой воспитаннице Эльвира Николаевна находила что-то хорошее — что той было приятно в себе увидеть и тем более добиться в этом направлении успеха.

Ее педагогическим кредо был театр-импровизация. Где, по ее замыслу, во-первых, можно было не заучивать идеально близкий к оригиналу текст, что было оптимальным для девочек, имевших к пятнадцати годам четыре-пять классов образования. Во-вторых, можно было, отвлекшись от основного текста, высказать свое суждение, вступить в полемику, в том числе со зрителями. Эльвира Николаевна легко вставляла в любой сюжет повествование о судьбе исполнителя роли или вовлекала зал в разрешение сюжетной проблемы.

В приют попала девочка четырнадцати лет. Кроме виртуозной способности чистить карманы прохожих, Катя не умела ничего, даже читать. Последние два-три года она не задерживалась в детских домах больше месяца. Причем сбегала она оттого, что все смеялись над ее внешностью. С несоизмеримо короткими ногами и длинными руками при удлинённом торсе, она была нескладной, какой-то нарочитой, больше похожей на балаганную куклу, чем на человека. Ее широко, как у стрекозы, расставленные удивленные глаза и плачущий рот делали ее лицо нелепым и несуразным.

Эльвира Николаевна придумала для Кати роль «Мисс удивление», наделила ее остроумно-саркастическими фразами, и та заблестала в ближайшей же постановке. Прошел месяц-другой, а Катя не сбегала. Готовясь освоить новые роли, она с упорством осваивала чтение и письмо.

Вот для таких девочек Эльвира Николаевна искренне, изо всех сил, пыталась превратить жизнь в праздник.

У девочек из приюта были такие исковерканные судьбы, такие трагические истории, что на их фоне меркли даже фантазии интернатских детей. Всякий раз, когда кто-то или, чаще всего, о ком-то рассказывал историю жизни, у Майи все внутри сжималось, а сердце так kloкотало, что готово было вырваться из груди.

— Слава богу, что чаша сия миновала меня, — повторяла Майя, как молитву, непонятно откуда пришедшую ей в голову фразу.

Чего стоила одна судьба Софии из Молдавии!

Шестнадцатилетняя красавица София имела божественный голос. Блаженная Эльвира Николаевна отчаянно изыскивала способ оставить ее в России в надежде сделать из нее оперную диву. Куда она ее только ни водила, кому только ни показывала! Все с восхищением слушали одаренную девочку, но помочь ничем не могли. Ни российского гражданства, ни образования, кроме четырех классов начальной молдавской школы, да и то без документов, София не имела.

Как-то Майя весь вечер шила с Софией костюмы к очередному карнавалу, и та рассказала ей про всю свою жизнь.

— Мы жили в деревне, — начала свой рассказ София. — Родители много работали, но жили бедно. Когда мне было двенадцать лет, в один год умер папа, а за ним и мама. Я осталась со старшими братьями, которые посчитали, что землю, оставшуюся от родителей, на троих делить ни к чему, и выдали меня замуж за какого-то городского наркомана. Причем еще и продали нас обоим цыганам, с уговором отправки в Россию.

— Как замуж, — не поняла Майя, — тебе же было только двенадцать лет!

— Двенадцать лет? — с сарказмом заметила София. — Да у нас в селе и десятилетних замуж выдавали, а в двенадцать те уже и рожали. Многие хотят пораньше избавиться от дочерей, вот

и отдают кому попало. Так вот, привезли нас цыгане безо всяких документов в ящиках в Москву, мужа моего определили на рынок, а меня в квартиру, из окон которой был виден Кремль.

— Прислугой? — попыталась догадаться Майя.

— Если бы, — отозвалась София. — Сексуальной рабыней.

— Так тебе же двенадцать лет, — с ужасом в голосе заметила Майя.

— Уже тринадцать, — продолжала София, — но от этого не легче. Да была я там не одна — еще девчонка пятнадцати лет и мальчик десяти. Девушка мне сразу объяснила, что фордыбачиться не стоит, здесь не лицей, а буду выделяться — сломают ребра и все равно заставят. Изнасилованной я уже была. Мой муж-наркоман делал со мной это против моей воли, и мне ничего не оставалось, как подчиниться. Что с нами только ни творили эти уроды. Ты мне сейчас расскажи, что такое возможно, я не поверю. А приходили, кроме богачей, и артисты, и политики. Я и сейчас в телевизор плюю, когда их там вижу. Квартира была богатая. Я была в Эрмитаже — не отличить. Еду приносили из ресторана, больше не для нас, а для гостей, так что чего я только там не видела. Иногда даже не предполагала, что это можно есть, а уж как — и представления не имела. Где-то через год нас всех троих кто-то заразил сифилисом, и меня снова вернули цыганам. Кстати, за этот год нас ни разу не выпустили на улицу. Представляешь, тюрьма в золотой клетке.

София за время пребывания в приюте неоднократно давала интервью разного рода телекомпаниям, в том числе иностранным, и с пафосом рассказывала свою историю как некое достояние своей жизни.

— Так что было дальше? — спросила Майя.

— А дальше был ад кромешный. Меня привезли в табор под Санкт-Петербургом и сразу к барону. Тот, ни слова не говоря, взялся меня насиловать.

Я кричу:

— Я сифилисная!

А он:

— Напугала, знаем мы вас.

Это животное часа три выделявало такое, что ни одному народному артисту в голову бы не пришло. Когда меня, едва живую, увели от барона, я без конца твердила, что меня из Москвы увезли, потому что нас сифилисом заразили, и что я барону об этом пыталась сказать, а он не поверил. Меня отвезли в венерологический диспансер, где подтвердили болезнь, и тут же обратно к барону. Тот бил меня дольше и усерднее, чем насиловал. Отбил обе почки, переломал все ребра. Когда я, едва живая, цыгану, который меня возил, сказала: «Я ведь предупреждала», тот ответил, разведя руками: «Так кто вас знает». Меня отнесли то ли в дом, то ли в сарай, у них одно от другого отличить сложно. Здесь часть девочек десяти-пятнадцати лет «обслуживала» клиентов, причем порой по десять, а то и по двадцать в день, а других хозяева отправляли собирать милостыню на улицах

и в метро. Когда я оклемалась, меня пристроили возить в метро девочку, тоже из Молдавии, которая там у себя дома впуталась в какую-то историю, убила что ли кого-то, и вот ее привезли сюда. Дети, просящие милостыню должны вызывать сострадание, — ежась от неприятных воспоминаний, продолжала София, — и тот, который привез меня в табор, вылил на нее целое ведро крутого кипятка. С тех пор вся левая сторона тела у нее обварена с головы до ног. Так вот я возила ее в инвалидной коляске по вагонам метро, и мы собирали милостыню.

— Так не сбежали что? — взволнованно почти выкрикнула Майя, как если бы она указывала Софии путь к спасению.

— Да-а-а! — как-то злобно торжествующе обрвала ее рассказчица. — Одна сбежала. Ее поймали и нас же заставили ее бить, а кто не бил, получал за нее. Бедняжке сломали руки и ноги, отбили внутренности. На глазах у всех она умирала два дня. Потом ее похоронили тут же, в огороде. После этого они сказали:

— Бегите, двери мы запираем больше не будем.

Майя заплакала и сквозь слезы попыталась указать на последний островок спасения.

— А милиция? Вы же были в метро, могли обратиться за помощью к милиционерам.

— А что милиция, будто они ничего не знают. Да они заинтересованы в нас. Побирайтесь, ребята, еще даже помогут спустить эту колясочку по эскалатору. Но наверх просто так уже не выпустят: милиционеры на выходе отбирали все день-

ги, которые мы собирали по вагонам. Их совсем не волнует то, что нас до полусмерти изобьют, если мы не принесем вечером денег. Правда, я скоро приспособилась, — продолжала свое ужасное повествование София. — Я стала петь, хотя в этом не было нужды, вид у моей подопечной был ужа-сающий. Представляешь, одна сторона лица молоденькой красивой девочки, а другая — уродливой старухи. Я до сих пор не представляю, как они это сделали. Стоит увидеть ее во сне — просыпаюсь с диким криком. Так вот, как только набираю нужную цыганам сумму, выхожу одна из метро, прячу деньги в тайник, спускаюсь и работаю дальше. Все остальные деньги, что утаим или выпросим у милиционеров — наши. А деньги, надо сказать, оставались немалые. Питались мы в рестора-не, до поселка добирались на такси.

Уловив в голосе Софии задорную нотку, Майя перестала плакать. «Может, она и не нуждается в моем сострадании? — подумала она и спросила:

— А дальше? Что же было дальше, как ты освободилась?

— Понравилась я одному милиционеру. Сначала деньги перестал отбирать, заменив поборы сексом. А потом и вовсе разжалобился и привез меня сюда.

— А как же та девочка с ожогом? — робко спросила Майя.

— А что ей, у нее другого пути нет. Сложи-ла она свою инвалидную коляску и отправилась в табор. Ходить-то она могла. Коляска — это так, для сострадания. Говорят, она и сейчас в метро

работает. Здесь меня подлечили и готовят к отправке в Молдавию. Остаться я здесь не могу по закону. Не знаю, что меня там ждет? — печально закончила свой рассказ София.

Последний костюм был готов. Назавтра ждали мальчиков из суворовского училища, для чего готовили театрализованное костюмированное представление.

Никто не знал, откуда блаженная Эльвира Николаевна все это брала, но тканью, которой пользовались девочки, можно было одеть целый театр. Материал предназначался исключительно для пошива театральных костюмов, но искушение было велико, и девочки тайком шили себе модные наряды. Понятно, что для этого нужен был навык, а для отдельных моделей даже мастерство. Непостижимо, но и то, и другое все без исключения девочки с легкостью освоили и продемонстрировали. Когда тайна раскрылась, Эльвира Николаевна не стала ругаться, а предложила им открыть ателье модной одежды для подростков. Предприятие заработало. За незначительные деньги девочки творили чудеса портняжного дела. Педагогическая новация Эльвиры Николаевны обошла страницы всех газет. Редкий телеканал не снял по этому поводу сюжет.

Постепенно Майя стала приспосабливаться к условиям жизни в приюте. Было сложно: с одной стороны, Эльвира Николаевна с подвижниками, неиссякаемыми на творчество и возвышенно-романтические идеи, в которые так легко и просто вписывались девочки, что казалось, будто они изменились, изменились навсегда. С другой, те же девочки с вечно торчащими изо рта сигаретами, общающиеся исключительно матом и выясняющие отношения в жестких драках по вечерам, когда, кроме охранника, находящегося где-то далеко на входе, никого не было.

Майя вела себя предельно сдержанно и деликатно, что, впрочем, не всегда помогало в общении с истеричными и агрессивными девицами, и ей иногда перепадали затрещины и оплеухи. Майя при этом не вязывалась в драку, не закрывалась, не плакала. Руководствуясь древней индийской мудростью: «Низкий на все отвечает грубостью, средний — грубостью на грубость, достойный же никогда не груб, как бы с ним ни обращались», она стоически произносила: «Ненасилие — вот мой жизненный принцип». И никто не вязался к ней, любой инцидент на этом исчерпывался.

Когда Майя оставалась одна, она думала только о хорошем. Она перебирала все радужные картинки своей жизни, начиная от раннего безмятежного детства и кончая последней репетицией, где она научила девочек так понравившимся им движениям индийского танца одисси.

Однажды Эльвира Николаевна влетела в столовую и восхищенно воскликнула:

— Девочки, объявлен городской конкурс на рассказ о животных. Конкурс так и называется: «О братьях наших меньших». Я заявила о нашем участии.

Ее обращение осталось без внимания, воспитанницы молча завершали трапезу.

— Лера, — обратилась она к девочке, направлявшейся к выходу, — ты у нас пишешь стихи, подключайся.

— Вы же сами сказали — стихи. А конкурс объявлен на прозаический рассказ. Вон пусть Майка и пишет, она своими заповедями о вселенской любви всех разжалобит...

— В самом деле, Маечка, напиши, — уже без оптимизма обратилась к ней Эльвира Николаевна.

Майю постоянно преследовала память об автокатастрофе. При этом она всякий раз вспоминала Рыжуху и наделяла ее разными судьбами в зависимости от собственного душевного состояния. Подавленная последними событиями, происходившими в приюте, Майя написала грустный рассказ под названием «Рыжуха». В качестве эпиграфа Майя взяла слова из «Маленького принца» недавно открытого ею замечательного писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил».

«Рыжуха, небольшая дворняга, прозванная так за необыкновенно рыжий цвет шерсти, жила

на территории дома отдыха и кормилась тем, что давали ей отдыхающие, — начала повествование Майя. — Теперь, когда наступила зима и ночами Рыжухе было холодно под открытым небом, она нашла себе приют в металлических конструкциях, беспорядочно разбросанных возле кочегарки, тепло от которой распространялось и на ее ночлег. Изредка она заходила в котельную и смотрела, как кочегары бросают уголь в печи, от которых тянуло теплом. А когда из топки вылетали искры, Рыжуха заливалась звонким и радостным лаем. Заметив это, один из рабочих вызывал их специально, и Рыжуха в знак благодарности подбегала к нему, виляя хвостом, и терлась мордой о засаленные голенища его сапог. Все кочегары привыкли к ней и не прогоняли, а иногда, глядя в ее умные глаза, жаловались на свои житейские неурядицы. Часто они кормили ее отходами пищи, и она всех их считала своими хозяевами. Кроме одного.

С лицом, изуродованным в пьяной драке, он был страшен, и люди сторонились, когда на их пути попадался Кривой — так они его называли. Но Рыжуха не любила его не за то, что он был безобразен, а за те мучения, которые он ей приносил. Всякий раз, когда ему от кого-либо доставалось, он подманивал к себе Рыжуху, показывая ей что-нибудь съестное, и едва она приближалась, хватал ее за шкуру, больно выкручивал уши и, сдавливая горло, ругался в пьяном угаре.

Рыжуха скулила, вырывалась, а он пинал ее большими сапогами и кричал:

— Пшла вон...

Вот и теперь он на корточках сидел под сосной, держал в руках большой вареный хрящ, от которого валил пар и разносился такой вкусный дурманящий запах, что Рыжуха, скуля от голода и виляя хвостом в надежде, что он все же не станет ее мучить, подходила к нему, как бы говоря:

— Я не хочу тебе зла, я ни в чем не виновата перед тобой, я готова стать твоим другом, только не бей меня.

Но когда Рыжуха подошла совсем близко, он схватил ее, воткнул ее голову в проволочную петлю, приподнял, зацепил конец проволоки за ветку и отпустил. Рыжуха повисла в воздухе, усиленно задергалась, стараясь выскользнуть из петли, однако проволока все сильнее сдавливала горло. В глазах ее потемнело, но она видела еще, как он улыбался страшной улыбкой и, уже уходя, прошипел:

— Вот и все, вот и не стало собачки.

— Вот и не стало... — отдалось в голове у Рыжухи, и она все поняла.

Она почему-то вдруг вспомнила будку матери, ее мягкие соски, теплое молоко и других щенят — ее братьев и сестер. Она вспомнила, как они резвились вокруг матери и та, рыча, делая вид, что сердится, шлепала их лапой и слегка покусывала, когда они не в меру шалили. Это были счастливые дни ее детства. Потом хозяйский сын раздал всех щенят и только ее, Рыжуху, никто не хотел брать

за огненно-рыжий цвет шерсти, который почему-то никому не нравился.

Наконец пристроили и Рыжуху. Семья дачников взяла ее в качестве живой игрушки для сына. Очень капризный и не умеющий ладить с другими детьми мальчик то и дело, желая напугать своих соседей, бросал на них Рыжуху. При этом он больно щипал ее, и своим визгом она приводила окружающих в «восторг».

Так прошло лето. Рыжуха выросла, окрепла. Она уже не давала себя в обиду и резвилась вместе с детьми. Она была счастлива, и жизнь ее была наполнена радостью.

Но вот однажды осенью на дачу пришла машина. Хозяева долго собирались и погрузили в нее все свои вещи. Когда мальчик, садясь в автомобиль, взял с собой Рыжуху, мать вышвырнула ее из кабины и захлопнула дверцу. Машина тронулась, и Рыжуха бросилась вслед за ней с громким и радостным лаем. Но вдруг она остановилась. Еще никогда не было, чтобы уезжали сразу все. В тревоге Рыжуха обежала дачу. Все окна и двери были заперты.

Три дня Рыжуха ждала хозяев. Напрасно она скреблась в дверь, тычась мордой в окна веранды: никто не отворял, никто не приходил.

К вечеру третьего дня Рыжуха увидела группу людей, идущих куда-то. Покачиваясь от голода, она пошла за ними. Так они привели ее к большому дому, и вскоре кто-то бросил ей корку хлеба. Это был дом, где люди отдыхали. Будучи всегда сытыми, они кормили и Рыжуху. А за это она

сопровождала их на прогулке, то и дело, виляя хвостом, подпрыгивая и нарочито рыча. Один мальчик научил ее приносить брошенную им палку. Все узнали об этом и стали так же забавляться с Рыжухой. Людям нравилось запускать далеко в сторону какую-нибудь корягу, и когда при этом Рыжуха находила ее и с радостным визгом приносила обратно, все наперебой выражали свои похвалы.

Однако назвать ее своей никто не хотел, по той причине, что она была простой дворняжкой, да еще и рыжей.

Наступила поздняя осень, пошли проливные дожди. Из-за слякоти люди редко выходили на улицу, и Рыжуха часто голодала. Вымокшая и продрогшая в поисках пищи, она подходила к кухне, откуда ее всегда прогоняли с криком, бросая в нее камни, ушибы от которых болели долгое время.

Вся жизнь в одно мгновение пронеслась в воспоминании Рыжухи. Дышать становилось все труднее, и вот уже вместо вдоха раздалось страшное хрипение, в голове помутилось, все тело свели судороги.

— Уж лучше умереть, — подумала Рыжуха, — чем мучиться от голода, холода и гонений.

Но вдруг она почувствовала, как в ней что-то забеспокоилось, завозмущалось. Это еще не родившиеся щенята шевелились в ее утробе, слов-

но напоминая ей, что она не может так легко сдаваться. Если она видела свет плохим, то они не видели его вовсе.

Рыжуха взвизгнула, выпустив из себя последний воздух, и дернулась с такой силой, что подлетела вместе с проволокой, которая спружинила и расслабила петлю. Рыжуха выскользнула из удавки и упала в снег.

Она долго не могла прийти в себя, ей казалось, будто что-то по-прежнему сжимает горло, но ощущение приближающегося материнства вывело ее из оцепенения. Из последних сил Рыжуха встала и пошла к еще теплому хрящу. Нехотя начала есть.

Неожиданный удар отбросил ее в сторону, но Рыжуха не выпустила из пасти еду. Это вернулся Кривой. Он бил ее, но она не убегала. Рыжуха думала теперь только о них, о детях, которых носила в себе и которые требовали, чтобы она была сыта. Рассвирепев, Кривой вытащил из ограды штакетину и стал избивать Рыжуху. Неудержимая ярость охватила ее. Ярость эта душила Рыжуху. Как там, в петле, глаза ее налились кровью, горло сдавило, она оцетинилась и рыча бросилась на Кривого. Он олицетворял сейчас все зло, которое она претерпела за свою короткую, но мучительную жизнь. Она вцепилась в его руку, и крепко сжала зубы. Кривой попытался сбросить ее, но челюсти словно налились свинцом и застыли. Отчаянно шараясь из стороны в сторону в попытке освободиться от Рыжухи, он не удержался на ногах и упал. Его охватил страх. Лежа в снегу,

Кривой все еще отбивался и, неистово крича, звал на помощь.

Их взгляды встретились. Рыжуха увидела в глазах Кривого такой панический страх, что почувствовала презрение и ненависть к человеку. Разжав челюсти, рыча и фыркая, она медленно пошла от Кривого. Шерсть ее стояла дыбом, она рычала, зубы неприятно лязгали, и изо рта выделялась пеннистая слюна. Она почему-то все кружилась вокруг какой-то дачи, пытаясь прилечь. Иногда ей это удавалось, и тогда рычание прекращалось, и шерсть не была такой взъерошенной. Но мимо проходили люди, и она рычала вновь. Ей казалось, что они сейчас бросятся на нее и начнут избивать. Тогда Рыжуха делала резкие движения в сторону проходивших, а те в испуге отскакивали.

Вдруг все тело ее заломило, и страшная судорога свела Рыжуху. Ноги ее заплелись, она упала, попыталась подняться, но ей сделалось еще больнее, и у нее уже не было сил, чтобы встать. Ползком она влезла в проем под дачей и там, свернувшись клубком, в изнеможении уснула.

Наутро она оценилась. Дети ее уже высосали все молоко и теперь бестолково тыкались ей в живот, скуля и отталкивая друг друга от пустых сосков. Есть ей не хотелось, но она понимала, что должна найти пищу ради детей, чтобы дать им

молока. Рыжуха встала и, покачиваясь, подошла к выходу из своего убежища. Высунув голову, она увидела людей, стоявших неподалеку. Шерсть ее вздыбилась, раздалось рычание, и зубы застучали так часто и сильно, что люди поспешили уйти от дачи, а она не решилась выйти и вернулась к щенятам. Через некоторое время молоко пришло, щенята наелись и заснули, согретые материнским теплом.

Заснула и Рыжуха, но сон ее был беспокойен. Она то и дело вскакивала, тревожа щенят и заставляя их каждый раз устраиваться вновь. Ей снилось, что Кривой с криком приближается к ней, отбрасывает ее своим большим сапогом и топчет щенят, ее маленьких щенят, а они скулят так жалобно, что Рыжухе становится страшно и... она просыпается. Щенята и в самом деле скулили, проголодавшись. Забота о детях заставила выйти из укрытия. Уже настала ночь, и Рыжуха направилась на помойку, где не раз удавалось спастись от голодной смерти.

Так прошло несколько дней, похожих один на другой. Ударили сильные морозы. Рыжуха выходила только ночью, оставляя щенят одних. Те расползались в разные стороны и от этого мерзли. А однажды, когда мороз был особенно сильный и Рыжуха долго грызла замерзшие помои, вернувшись, она не нашла одного щенка. Он был самый маленький и самый слабый. Она в бешенстве металась по подполью, в отчаянии грызла доски в надежде где-нибудь за ними найти потерявшегося. Но нашла его не здесь, а на улице,

замерзшего и уже занесенного снегом. Рыжуха затащила его в свое укрытие и положила вместе с другими щенками. Всю ночь из ее глотки вырывался вместе с воем тяжкий стон. Молоко не приходило, и голодные щенята бесконечно скулили, суетясь вокруг несчастной матери.

Наутро вокруг дачи послышался шум, ее звали, забрасывали в отверстие камни и палки, затем стали забивать его, но вскоре вновь открыли. Рыжуха ничего не понимала. Она беспокоилась за щенят и не знала, что ей делать. Какие-то непонятные силы подняли ее и понесли к отверстию. Первым, кого она увидела, был он. Как всегда пьяный, с перевязанной рукой, он стоял с топором в окружении толпы и кричал:

— Она бешеная! Бешеная она, ее надо убить!

— Она же мать, у нее дети, — слышались робкие возражения.

Рыжуха оцетинилась и, пытаясь лаять, стала бросаться то к одной, то к другой группе. Ей казалось, что они пришли растоптать ее щенят, как это сделал Кривой в ее страшном сне. Боясь приблизиться к Рыжухе, Кривой швырнул в нее топор, она бросилась на него, но остановилась и, рыча, вернулась к отверстию, помня о детях. Все разошлись, однако вскоре некоторые отдыхающие стали подходить к даче, где находилась Рыжуха со щенками, и бросать ей пищу.

С появлением у щенят зрения они сами стали бегать к щели, откуда пробивался солнечный свет, и поэтому Рыжухе то и дело приходилось оттаскивать их от отверстия, а то и приносить с улицы.

Пищу, которую оставляли люди, она не брала; вернее не брала в их присутствии. Но как только все уходило, она украдкой хватала кусок и пряталась в подполье. У щенят стали прорезаться молочные зубы, и мягкие куски хлеба, котлеты и другую доступную для них пищу она отдавала им.

Их оставили в покое, но Рыжуха по-прежнему без судорог в теле не могла смотреть на людей.

Однажды утром, когда Рыжуха в надежде на получение пищи выглянула на улицу, то к своему удивлению ничего не обнаружила. Неподалеку толпились люди, и, увидев ее, они подошли ближе к даче. День был солнечный, и Рыжуха подумала:

— Как было бы хорошо вывести сегодня щенят на улицу.

Но отсутствие пищи насторожило, а то, что людей вокруг становилось все больше, и то, что они взволнованно переговаривались о чем-то, встревожило ее еще больше, и она, спрятавшись в подполье, собрала в кучу щенят, пытаясь удержать их около себя. Но сегодня они были резвы не в меру, а самый старший даже высунулся наполовину наружу. Рыжуха одним прыжком нагнала

его и так сильно укусила, что тот заскулил и принялсялизывать рану.

Сердце Рыжухи стучало все сильнее. Беспомощная, она предчувствовала беду и уже подумала, как бы ей перевести щенят в другое место, как вдруг услышала, что ее зовут. Забыв про голод, Рыжуха отошла дальше от отверстия, которое ей и ее детям грозило бедой. Щенята как будто тоже почувствовали что-то неладное и испуганно сбились вокруг матери. Ее долго звали, выманивали пищей. Рыжуха видела, как на свету мелькали куски мяса. А снаружи слышались обрывки разговора:

— Жрать захочет — выйдет.

— Главное, чтобы она потом не пошла подышать туда.

Затем отверстие заколотили досками, и на улице стало тихо.

С наступлением темноты Рыжуха подошла к месту, где был выход, и попыталась выбраться, но тщетно. Она пробовала в нескольких местах рыть землю, но всюду натыкалась на камень. В отчаянии она грызла его и рыла в новом месте. Щенята, словно все понимая, сбились в кучу и молчали. Только изредка кто-нибудь из них начинал скулить от томительного чувства голода, но, не находя поддержки среди братьев и сестер, замолкал.

Так прошла ночь. А наутро с улицы послышался шум, и отверстие вновь открыли. Свет весеннего солнца, пробивавшийся в подполье, как-то странно преломлялся в снежных сугро-

бах и, пробившись в подвал, освещал все вокруг кроваво-красным светом. Шум на улице усилился, слышался гул мотора, но вскоре все стихло, однако тишина эта еще больше угнетала Рыжуху.

Щенята оживились, стали весело носиться друг за другом. То и дело они подбегали к матери, пробовали сосать ее пустые соски и, поскуливая, убегали. Их беспечность несколько успокоила Рыжуху, но чувство материнского долга, заглушив тревогу и страх, гнало ее на улицу в поисках пищи. Рыжуха уже несколько раз подходила к отверстию, но в волнении и страхе убегала в дальний угол подполья, где, скуля, пыталась улечься. Сильный запах мяса, раздававшийся с улицы, не давал ей покоя. Она вновь и вновь подходила к зияющему смертью отверстию. Так прошло несколько часов.

Наконец она решилась. Подошла к выходу, осторожно высунула голову и увидела то, что было спасением для нее и детей. Людей рядом не было, и Рыжуха одним прыжком достигла цели. Раздался выстрел, и что-то сильно ударило ей в грудь. Рыжуха взвизгнула, нелепо подпрыгнула и бросилась к отверстию. Но оно было закрыто. Рыжуха изо всех сил вцепилась зубами в доски, ей казалось, что она сейчас откроет этот проход, что она не оставит своих детей одних, но выстрел раздался вновь и сильный удар в голову растворил ее ярость, беспокойство о детях и ненависть к человеку.

Рыжуху бросили в машину и еще долго звали щенят, пытаясь выманить их наружу. Щенята же, сбившись в кучу и забыв про голод, просидели в подполье весь день и всю ночь.

Наутро в дом отдыха заехала новая смена. Узнав от тех, кто остался с прошлой смены, эту печальную историю, мама, папа и я пришли к указанному месту и увидели трех ярко-рыжих щенят, которые грелись на солнце. Я подошла к ним. Они не убегали, а только жалобно и укоризненно смотрели мне в глаза. Мы взяли всех троих щенят и отвезли домой».

Рассказ произвел фурор. Никто не хотел верить, что его написала девочка четырнадцати лет. Одни обвиняли ее в излишней жестокости, другие называли рассказ не иначе как гимном гуманизма. Как бы там ни было, равнодушных не осталось, и Майя стала победителем конкурса, а рассказ напечатали в литературном журнале в рубрике «Юные дарования».

Но все хорошее когда-то кончается. В случае с сиротами вернее сказать «разрушается». При чем, в очередной раз.

Новую беду, разрушившую сказочный замок Эльвиры Николаевны и благополучие его обитателей, привел охранник.

Полковник Красавчиков, как он любил представляться, был вовсе не полковником, да и не Красавчиковым. С детства Моня Красавчик мечтал стать чекистом. Но после войны отношение властей к евреям резко изменилось, и пресловутый пятый пункт, а также отсутствие какого бы то ни было образования начисто лишали его возможности воплотить мечту. И тогда он решил изменить биографию.

К своей фамилии он собственноручно во всех документах приписал окончание «ов», изменив, таким образом, свою фамилию на Красавчиков. При получении паспорта неблагонадежное имя Моисей поменял на Михаил, отчество Соломонович — на Семенович. Однако национальность «еврей» на какую бы то ни было другую ему изменить не позволили, и именно это его тяготило больше всего. Таким образом, несмотря на все ухищрения, мечта не сбылась.

Пришлось устраиваться учеником слесаря на Кировский завод и записываться в вечернюю школу. Так, возможно, и проработал бы он слесарем, но тут подвернулось «дело врачей-отравителей», и он стал самым рьяным обвинителем врагов народа на заводских митингах, да еще и с антисемитским изворотом. И так искусно ему удавалось

разоблачать этот еврейский национализм, что его сначала сделали комсомольским секретарем цеха, а потом и всего завода. Вот тут-то он и убедил власти подправить этот «позорный» пункт в его документах. Дело было сделано, и с тех пор большего антисемита не было ни на заводе, ни в КГБ, куда его потом все же взяли, ни в милиции, куда его прогнали из КГБ за какую-то темную историю с балетной трупой.

В КГБ Красавчиков работал, как он сам выражался, «по идеологической линии». Служба его заключалась в сопровождении за границу артистов балета с целью ограничения их контактов с иностранцами и — не приведи, Господи (здесь и кагэбэшники все упоминали имя Создателя) — побега за кордон. Принимающая сторона, не рассчитывавшая на «спецсопровождение» артистов, оставляла пастуха без места в гостинице. А поскольку где-то надо было проживать, Красавчиков селился у солиста, которому по статусу полагался отдельный номер. Кровать чаще всего была одна. Многие балетные грешили гомосексуальными наклонностями, да и гастролы, к тому же, были продолжительными. В результате наш Красавчиков пристрастился к сексу с мужчинами и, когда его однажды поселили с натуралом, стал требовать сексуальной связи, а получив отпор, побил балетного. Тот не смог танцевать, и первые спектакли были сорваны.

Случился скандал, Красавчикова уволили из КГБ, но поскольку принцип «своих не сдаем» здесь был силен как нигде, его устроили в милицию. Так как высшего образования он не полу-

чил, то в звании майора был устроен заместителем начальника районного отделения милиции, где за много лет все же дослужился до подполковника и ушел в отставку.

В тяжелые 90-е уже никто не мог жить на пенсию, и Красавчиков вынужден был искать работу. Его соседка, директор приюта для девочек-подростков, сочла за счастье принять на работу в качестве ночного охранника бывшего милиционера, да еще подполковника. Так он оказался в приюте, где деловая хватка открыла ему широкие возможности для «оказания помощи» бедным сироткам.

Обнаружив, что некоторые девицы сбегают по ночам из приюта и подрабатывают проституцией, Красавчиков решил использовать этот боевой потенциал с пользой для всех. Пригрозив предварительно позорным разоблачением, Красавчиков убедил девиц, что «работа» в стенах приюта безопаснее и прибыльнее.

— К тому же ей можно придать игровой романтический оттенок, — заметил он. — Каждый раз вы будете изображать девственниц. Это и для мужчин будет привлекательно, и вам забавно.

Клиентура Красавчикова состояла в основном из бывших сослуживцев. В силу малолетства девчонок из приюта ему легко было выдавать их за девственниц. Для реалистичности картины он снабжал последних куриными легкими, которые при сношении выделяли кровь и создавали иллюзию дефлорации, а для пущей убедительности он наставлял девчонок корчиться от боли, до чего, впрочем, часто не доходило, так как клиенты

большей частью были весьма стары и от волнения часто не были способны к половому акту, что, однако, не освобождало их от оплаты. Красавчиков «по дружбе» брал со стариков за сироток-девственниц (так он их представлял) по три тысячи, сто рублей из которых перепало девчонкам. Сами они промышляли по двести-триста рублей за секс, но при этом им не всегда платили, а иногда могли и побить. Кроме того, можно было забеременеть, а то и подхватить венерическую болезнь. Так что заработок от Красавчикова был, по крайней мере, относительно безопасным.

В приют поступила новая девочка. Света была стройной, красивой и вызывающе привлекательной. Последнее обстоятельство и сбило Красавчикова с толку. Он почему-то был уверен, что она из путан, и ее тоже можно привлечь к «потере девственности». Как-то вечером без обиняков он привел ее в комнату для свиданий (так он называл музыкальный салон, удачно расположенный в автономном блоке), объяснил правила игры и, невзирая на ее отказ, который он счел «дежурным», оставил в ожидании клиента.

Клиентом оказался бизнесмен — бывший следователь, уволенный из органов за применение пыток. Не церемонясь, он грубо попытался овладеть Светой. Она неистово кричала, перебила все стекла на окнах, помощь не приходила, а насильник все зверел и зверел. Света в панике выпрыгнула из окна.

Прыжок из окна третьего этажа сделал бедную девочку калекой.

В средствах массовой информации разразился колоссальный скандал. Девочки с удовольствием, в красках рассказывали о своих, как им казалось, приключениях, а СМИ без купюр охотно тиражировали сенсацию.

Город гудел. Открыли уголовное дело. Красавчиков, мимикрируя под душевнобольного, укрылся в психоневрологическом диспансере. А Эльвира Николаевна во всем винила себя. Девочки, все до одной нежно и горячо любившие блаженную Эльвиру Николаевну, пытались утешить ее и вместе с сотрудниками приюта обращались в разные инстанции. Все оказалось тщетным. Эльвиру Николаевну уволили, а созданный ею приют расформировали.

Майю перевели в детский дом.

Детский дом был самым большим в городе и работал как конвейер: кормил, одевал, обувал, обучал детей и выплевывал в незнакомый для них мир.

Майя затерялась было в детдомовском водороте, но вспомнила энтузиазм Эльвиры Николаевны и создала в своем классе некое подобие театра-импровизации. Вскоре к ним присоединились другие старшие девочки, а за ними подтянулись и мальчики. Один из них, ее сверстник по имени Сережа, предложил вставлять в постановки песни, которые он сам сочинял и исполнял, аккомпанируя на гитаре. Жизнь Майи вновь стала интересной.

Учеба давалась легко, и у Майи оставалась масса свободного времени, которое теперь она с удовольствием отдавала организации театра.

Сереза всегда был рядом, с полуслова понимал ее и принимал все идеи.

Как-то Майя спросила его:

— А как ты оказался в детском доме?

И он рассказал ей свою непростую историю.

— Мой отец не был пьяницей, но, тем не менее, сильно избивал мать, — начал свое повествование Сереза. — Я всегда заступался за маму, но однажды он сильно оттолкнул меня, я упал, ударился головой и попал в больницу с сотрясением мозга. Мне было тогда пять лет, но я до сих пор помню эти мучительные кошмарные сны, которые мне снились длительное время, как отец наступал на меня и бьет по голове. С тех пор я стал панически бояться отца, и, даже когда он избивал мать и та звала на помощь, я забивался в угол и плакал, сильно страдая от беспомощности и страха, просяживая там иногда до утра. Через два года мама развелась, и мы переехали в другой город к ее родителям. Но чувство мести и ненависти переполняло ее. Она постоянно ругала отца, а чаще мужчин вообще и требовала от меня поддержки. Я не просто повторял слова негодования, но чувствовал их, вживался в эту ненависть. Еще через два года мать вышла замуж, и мы переехали на Украину. К этому времени я уже ненавидел всех взрослых мужчин. Новый мамин муж не был для меня исключением. Наши отношения с ним начались с драки. Я ждал случая, чтобы на деле доказать маме, как

я ненавижу этих мужчин. Однажды отчим замахнулся на маму. Может, он просто шутил, но я схватил детское ружье и стал колотить маминого обидчика. Он ударил меня, после чего моя ненависть к нему только усилилась, и жить мирно мы уже не могли. Так я снова оказался в России, но теперь уже у бабушки, которая и воспитала меня. Два года назад бабушка умерла, и меня определили в детдом. Мы с бабушкой жили скудно, безрадостно, и детство свое я не могу назвать счастливым.

Сережа был некрасивым и неказистым мальчиком. Но в то же время он был добрым и поистине излучал обаяние. Майю же привлекала начитанность Сережи, что было исключительной редкостью в детдомовской среде.

Он имел обыкновение оказываться рядом тогда, когда было нужно опереться на плечо друга, посоветоваться или просто высказать то, что наболело. И напротив, когда Майе хотелось остаться одной и помечтать, он, обладавший необыкновенной интуицией, не докучал ей своим вниманием.

Вот и теперь, когда все разбежались и Майя в одиночестве оформляла стенгазету к новому празднику, Сережа оказался рядом. Вдвоем они сидели в музыкальном салоне и ладно выполняли работу.

Объявили отход ко сну, но работы еще было непечатый край.

— Зачем я взяла на себя эту ношу, ведь одна я бы и до утра не успела. Спасибо тебе за помощь, — обратилась она к Сереже.

— Я всегда готов тебе помогать, — отозвался тот. — Я хочу сделать тебя самой счастливой. Я хочу, чтобы ничто не омрачало твою жизнь. Ведь ты такая красивая, такая хорошая.

С этими словами он взял Майю за руку и пристально посмотрел на нее своими умными глазами.

В комнату вошли Ворон и Прыщ. Так детдомовцы называли двух воспитателей, один из которых был с огромным носом и сильно картавил, а другой страдал от фурункулеза и временами походил на одну большую болячку. Причем по отношению к детям оба были злобными и жестокими, работали в основном по ночам и издевались над детдомовцами, насколько им позволяла их извращенная фантазия.

— А вас разве отбой не касается? Марш по кроватям, — прокаркал Ворон.

— Мы уже заканчиваем, — отозвалась Майя.

— Чтобы через три минуты все разбежались, — прозвучало в ответ.

Сережа и Майя шли по тускло освещенному коридору, когда за углом раздался воспитательский мат.

— Спрячемся здесь, — сказала Майя и увлекла Сергея на лестничную площадку.

— А ты не будешь таким грубым и злым, как они?

— Никогда. Я столько насмотрелся и испытал в жизни обид и несправедливости, что никому этого не пожелаю и никогда не позволю себе быть жестоким.

— Ты такой хороший, — нежно произнесла Майя.

— И ты хорошая, — прошептал Сережа ей на ухо и прижал к себе.

Он никогда не испытывал такого тепла и душевного трепета, как теперь.

— Вы все еще не в палатах. Кому сказано — по нарам, — провизжал Прыщ.

Майя с Сережей устремились вниз по лестнице.

— Подожди меня у спортзала, — сказал на бегу Сережа. — У мальчишек есть ключ, посидим там.

И они разбежались в разные стороны.

Большие окна впустили в спортзал луну, и она отливала желтым цветом на свежавыкрашенных стенах и спортивных снарядах.

— Как романтично, — сказала Майя и продекламировала.

*Луна богата силою внушенья,
Вокруг нее всегда витает тайна.
Она нам вторит: «Жизнь есть отраженье,
Но этот призрак дышит не случайно».*

*Своим лучом, лучом бледно-зеленым,
Она ласкает, странно так волнуя,
И душу побуждает к долгим стонам
Влияньем рокового поцелуя.*

*Своим ущербом, смертью двухнедельной,
И новым полновластным воссияньем,
Она твердит о грусти небесцельной,
О том, что свет нас ждет за умираньем.*

*Но нас маня надеждой незабвенной,
Сама она уснула в бледной дали,
Красавица тоски беспеременной,
Верховная владычица печали!*

— Красивые стихи, это ты сочинила? — спросил Сережа.

— Нет, это русский поэт Константин Бальмонт.

— Мне тоже нравится одно стихотворение, но я не знаю, кто его написал.

— Прочти.

— Н-е-е-т, у меня не получится так красиво, как у тебя.

— Ну, пожалуйста, прочти для меня.

— Ты кто?

— Я? Лунатик. По крышам бродящий...

— Что делаешь ты?

— Одержимый и спящий,

По лунной эмали скитаюсь. Гуляю.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Откуда ты взялся?

— Из комнат... Из дома.

*На свет выхожу, наважденьем влекомый,
Манит меня месяц серебряной песней,
В зыбучий, туманный простор поднебесья.
И надо идти...*

— Бедный... Сидел бы уж дома!

— Как можно?

*Я в путь отправляюсь тревожный
И с жизнью прощаюсь, и плачу,
Блуждая во сне наудачу...*

— А что там? В ночи?

— Там? Тревога.

*И шатких карнизов дорога,
И сумрачной бездны напасти,
И нет ниоткуда участия.
Хоть близко до Господа Бога...*

— И что же? Всегда так будет?

— Всегда. Везде. И повсюду.

*Меня уж на ключ запирали.
Решетки в окна вставляли.
Не помогает.*

Не помогает.

Не помогает.

— Какие грустные стихи! И как трогательно ты их прочитал!

— Когда я попал в детский дом, я подружился с мальчиком, который часто читал это стихотворение. Однажды он спрыгнул с крыши. Даже мне, своему единственному другу, он не сказал, что собирается это сделать.

Наступила мрачная тишина.

— Смотри, какое доброе отражение луны на этой стене, — нарушила молчание Майя.

— А здесь луна смеется, — отозвался Сережа. — Майя, я не хочу с тобой расставаться. Что ты собираешься делать после детдома?

— Вообще-то, это моя тайна. Я никому ее не раскрывала. Но тебе скажу. Я хочу поступить в театральный институт.

— Я так и думал, — почти прокричал Сережа. — Я знаю, ты поступишь, у тебя получится. Ты будешь известной артисткой. Ты же такая талантливая.

— Правда получится? — обескураженная восторженной реакцией Сергея, переспросила Майя.

— Еще как получится! Никаких сомнений. Я все сделаю для того, чтобы у тебя получилось. Вообще-то, я хотел поступать в мореходное училище. Мне всегда хотелось путешествовать. Но я готов сразу пойти работать, лишь бы ты смогла учиться.

— Прямо вот так сразу ты нас поженил? — рассмеялась Майя.

— Ну, не сразу: я думаю, что я еще смогу доказать тебе свою преданность и ты полюбишь меня так же, как я люблю тебя.

— Да ты мне всегда нравился. У нас в детском доме нет ни одного парня такого целеустремленного и правильного, как ты. А это главное в жизни.

Сережа обнял Майю, и она впервые за много лет так отчетливо почувствовала тепло и ласку. Она вспомнила вдруг сильные руки отца и неж-

ность матери, их ласковые слова и поняла, что ближе и роднее Сережи у нее нет никого во всем белом свете.

Он дрожал всем телом. Майя взяла в ладони его голову и стала осыпать поцелуями, нежно касаясь своими теплыми губами его лица. Майя не думала о близости, но искренняя страсть и трепет Сергея не позволили ей противиться. Все произошло как-то просто и естественно, как если бы они были мужем и женой.

Майю пронизывало тепло, она растворялась в лунном пространстве. Лишь на мгновение она ощутила колющую боль, которая тут же прошла, и ощущение неги и блаженства вернулось вновь. Секса не было, было соитие, сближение двух сердец, соединение невинных душ.

Полунагая, она лежала на спортивном матрасе и в свете луны была прекрасна.

Сергей пробудил в ней женщину, и она почувствовала, что значит быть любимой.

Взломанная дверь с грохотом распахнулась, вспыхнул яркий свет и Прыщ прокричал:

— А, вот вы где!

— Да они трахаются! — с похабной ухмылкой прокаркал Ворон. — Тащи этого любовника отсюда. А с ней мы порезвимся.

С этими словами он подошел к Майе и схватил ее за ноги.

Сергей с ловкостью кошки бросился на Ворона, зубами вцепился ему в горло и не отпускал, как тот ни вырывался.

Кровь обагрила Ворона, затем Сергея, и лужей стояла вокруг. Ворон неистово орал, ошарашенный Прыщ пытался оттащить Сергея за волосы. Наконец, он ввел пальцы ему в рот и разорвал щеку. Сережа с диким криком разжал зубы.

Ворон извивался от боли, а Прыщ принялся пинать Сергея. Он бил тупо и неистово. Сережа уже не шевелился, а он бил и бил его ногами. Когда Ворон схватил стул и занес его над бездыханным телом Сергея, Майя вышла из шокового состояния и бросилась на Сережу, закрыв его своим телом. Стул обрушился на нее.

Вызвали скорую помощь, Ворона увезли в больницу. И только теперь сторож спросил Прыща:

— А где злодей?

— Да там, в спортзале, — ответил тот.

Дети старшей группы нашли несчастных, привели Майю в чувство, а весь окровавленный Сережа в сознание так и не приходил. Утром директор детского дома отправил все еще находящегося в бессознательном состоянии Сережу в больницу, где мальчик пролежал в коме несколько месяцев. Его изуродованное лицо и многочисленные переломы залечивали на безжизненном теле, а когда он пришел в сознание, отправили в спец-интернат.

Мальчики и девочки детского дома, и без того хорошо относившиеся к Майе, во всем поддер-

жали ее и демонстрировали свое уважительное отношение.

Пока Сережа был в больнице, Майя правдами и неправдами пробиралась к нему и подолгу говорила со своим героем. Ей казалось, что он слышит ее и улыбается под толстым слоем бинтов, когда она говорит о своих чувствах.

Спец-интернат, куда Сережу отправили по выздоровлению, находился в другом городе, и они долго не могли найти друг друга.

Наконец их переписка наладилась и приобрела такую возвышенно-романтическую тональность, что позавидовали бы Ромео и Джульетта.

Майя была беременна, но что-то мешало ей написать об этом Сергею, и он пребывал в полном неведении относительно своего грядущего отцовства. На седьмом месяце беременности администрация детского дома узнала о том, что Майя ждет ребенка. Ее тут же повезли в роддом и без ее ведома договорились об искусственных родах.

Под предлогом осмотра ее поместили в операционную, где Майя услышала спор главврача с гинекологом. Тот отказывался делать операцию.

— А вдруг что-то пойдет не так, вдруг с ней что-нибудь случится. Нет, я на себя такую ответственность не возьму.

— Нельзя, Петр Алексеевич, думать только о себе, — парировал главврач. — Ты подумай

о директоре детского дома, о воспитателях, о нас, в конце концов. Как так случилось, что супротив всяких норм и правил, мы не осматривали детей? Да работаем ли мы с ними вообще? Они ведь под нашей опекой. Это же скандал на весь город. А ты ведь тоже, насколько я помню, приписываешь себе рабочие часы по обслуживанию детского дома.

Гинеколог молчал. Майя почувствовала дикую опасность, спешно оделась и выбежала из операционной.

Жизнь ее превратилась в сущий ад. После случая с Вороном и Прыщом бывшая всеобщая любимица в одночасье стала объектом неприятия и критики со стороны сотрудников детского дома. А когда она еще и посмела настаивать на рождении ребенка, все дружно ополчились против нее. Безусловно, были случаи, когда старшие девочки беременели, но, во-первых, они сами бежали с этим к директору и, во-вторых, никто даже не помышлял о родах. А здесь вдруг такое. Районное и городское начальство подозревало, что не все гладко в датском королевстве, но формально все было тихо, без эксцессов. И такая ситуация устраивала обе стороны. Сейчас же все с ужасом ждали развязки и рассуждали о том, кто получит выволочку и на какую сумму урежут премию. Так что каждый считал долгом выместить на виновнице гнев ожидаемых лишений.

Майю определили в приют «Маленькая мама». Нельзя сказать, что здесь ей было некомфортно. Напротив, средства массовой информации, эпизодически атаковавшие приют, пытались сделать из нее героиню. Среди пятнадцати девочек, ожидавших роды или уже родивших, она одна была из детского дома, да еще и решительно заявляла, что ни при каких обстоятельствах не бросит ребенка. Это ее решение усиливалось навязчивым сновидением. Майе все чаще снился один и тот же сон. Будто идет она по дремучему лесу, ей холодно, одиноко и страшно. Впереди поляна, она ускоряет шаг, желая поскорее выйти из глухого леса. На поляне туман, сгущающийся в белое облако. А на облаке стоит мужчина и протягивает ей руки. Рядом с ним девушка. Мужчина берет Майю за руки и улыбается безмятежной детской улыбкой.

— Вы кто? — спрашивает его Майя.

— Как, неужели ты не узнаешь меня? Это я, твой Сергей, а это наша дочь.

Облако воспаряет над лесом и летит высоко-высоко над землей. Майя всматривается в силуэт девушки и видит в ней себя. Девушка, словно мраморное изваяние тоскливо смотрит на Майю и шепчет: «Мама, не бросай меня, мне без тебя будет плохо, прошу тебя, не бросай».

— Нет, никогда, ты слышишь, никогда! — кричит Майя и просыпается в холодном поту.

Пришло время рожать. Майю отвезли в роддом. Схватки приходили несколько раз, уже отошли воды, почти десять часов Майя пыталась родить, но сил не было.

— Да напрягись, напрягись ты, — причитала акушерка. — Как совокупляться, так эти детдомовские горазды, беременеют как кошки, а как рожать, так даже напрячься не удосужатся. А потом бегут, даже не взглянув на несчастного младенца.

— Не-е-ет, — отчаянно закричала Майя, и жизнь оставила истерзанное тельце несчастной девочки. Мучительная душевная боль застыла на ее лице.

Уже из бездыханного тела извлекли ребенка.

Девочка была совершенно здоровой. Сердобольные роженицы подкармливали сиротку, и ребенок развивался без всяких проблем.

Настало время, и новорожденную отправили в детский дом, назвав ее по имени матери Майей.

Стая, в которую попала Рыжуха, состояла из матерых — Бесстрашного и Серой, двух братьев и двух сестер Бесстрашного, а также двух переярков — подростков прошлогоднего выводка, переживших суровую зиму.

Бесстрашный был сильным вожаком, и территория у стаи была огромной: от большой до малой воды. Соседние стаи боялись матерого и никогда не посягали на его пространство.

Поздней весной матерая готовилась к рождению щенков, и волки разбрелись по лесу. Теперь, когда прибылых — выводков этого года — забрали охотники и Рыжуха заняла их место, стая вновь объединилась в дневке близ логова.

Щенят в стае не было. Серая неохотно включалась в игру с Рыжухой, и та все больше и чаще крутилась вокруг молодых волков.

Переярки, не достигшие половой зрелости, были в привилегированном положении. Другие волки, включая матерых, не демонстрировали им своего превосходства, во время трапезы не отгоняли от добычи. Они держались обособленной группой и, безропотно демонстрируя свое подчиненное положение, в ответ получали заботу и ласку всех старших членов стаи. К Рыжухе они проявляли великодушие, постоянно играя с ней и наделяя ее кусками мяса после охоты.

Зато взаимоотношения между другими волками трудно было назвать дружелюбными. Приоритет матерых никто не смел оспаривать. Бесстрашный был силен, умен и коварен. Серая была молодой и очень ласковой подружкой Бесстрашного, что делало их союз непоколебимым.

Старший же из братьев матерого, Стремительный, постоянно доказывал свое превосходство другим взрослым волкам, демонстрируя агрессивное поведение. Он то и дело показывал свои острые зубы, приоткрывая пасть в свирепом рычании. Кончик его носа при этом задиристо вздергивался, а позади него появлялись складки кожи, уходящие под вздыбленные волосы, что делало

его голову угрожающе большой. Уши его устремлялись вперед, и казалось, что он вот-вот бросится на соперника.

Другие волки, огрызаясь лишь для приличия, дружелюбно размахивали хвостами и, потупив взгляд, отступали в сторону, а то и вовсе проявляя максимальную степень покорности, повизгивая, ложились перед ним на спину, подставляя грудь и живот.

Когда Рыжуха подросла, Серая стала выводить ее из дневки и выпуливать по многочисленным тропам, где умненькая Рыжуха вслед за ней метила тропы и территорию пометом, мочевыми точками и поскребками. Последнее занятие превращалось для Рыжухи в игру. Она с рыком царапала и грызла упавшее дерево или пень, задиристо забегая то с одной, то с другой стороны. Бывало, Серая, удалившись на значительное расстояние, подзывала Рыжуху тревожным лаем, но та, увлекшись игрой, не реагировала, и тогда недовольная непослушанием ученицы матерая возвращалась и больно кусала Рыжуху. Та жалобно скулила и моментально пристраивалась к Серой, безукоризненно выполняя все ее наставления.

Во время одного из таких выгулов прямо перед Рыжухой на поляне оказался молодой заяц. Он выскочил из лесной чащи и остановился в недоумении, глядя на испуганную Рыжуху. Как за-

колдованные стояли они друг перед другом, пока к косому не подлетела Серая. В одно мгновение заяц оказался в пасти у матерой, и Рыжуха, движимая непонятным ей самой инстинктом, стала вырывать у Серой жертву. Та отпустила зайца, и теперь уже Рыжуха неистово трепала трофей, не зная, что с ним делать. Позволив Рыжухе насладиться проявлением собственной силы, Серая ловко разорвала жертву, и они съели зайца. Так неожиданно произошла первая охота Рыжухи.

Настоящий же урок охоты Серая дала Рыжухе несколько позже, на ржаном поле. Рожь скосили, и среди остатков колосьев, подобно ежовым колючкам выступающим из земли, тут и там сновали разжиревшие за лето полевки. Выждав удобный момент, Серая по-детски подпрыгивала вверх и, приземляясь, придавливала мышь передними лапами. Рыжуха довольно скоро усвоила этот способ охоты, чем вызвала у матерой чувство удовлетворения, выразившееся в полизывании и покусывании морды Рыжухи.

Рыжуха всегда была внимательной и смысленной. Заметив, что волки низшего ранга выражают подчинение визгом, избегая таким образом агрессивных действий со стороны желающего утвердиться в стае, Рыжуха по одной ей понятным признакам определяла агрессивное к ней отношение и снимала напряжение потенциального соперника, приближаясь к нему, сильно прижавшись к земле, поскуливая и виляя хвостом.

А если этот маневр не помогал, она применяла другую тактику. Поняв, что волки особенно

покорно реагируют на глухой лай, издаваемый вожаком стаи, нежели на его рычание, Рыжуха, не злоупотребляя этим приемом, лаяла в критические моменты и этим всегда останавливала задиристого переярка.

Поздней осенью при полной луне матерый забрался на возвышенность и начал выть. Выл хрипло и мрачно, низким голосом. Его вой подхватила матерая. Более высокий и не столь протяжный, ее голос диссонировал с воем вожака. Когда же к ним присоединились все другие волки, стало мрачно и жутко. Рыжуху охватил страх, она неосознанно включилась в какофонию и стала частью этого ужаса.

После исполнения зловещей песни Бесстрашный, Серая и Стремительный покинули стаю и направились в сторону большой воды, откуда временами доносился запах человека. Бесшумно, словно тени, добрались они до человеческого жилища, разорвали собак, охранявших овчарню, и зарезали всех овец. Бесстрашный выбрал самую крупную овцу, и они, по очереди таща ее на спине, принесли в дневник. Похоже, Бесстрашный не забыл того, что люди похитили его выводок, и жестоко отомстил им. Когда с овцой было покончено, вожак поднял стаю и они углубились далеко в лесную чащу. Выпал первый снег. Впереди шла матерая, остальные след в след ступали за ней, замыкал шествие Бесстрашный.

Зима выдалась холодной, зверя было мало, и к стае покорно присоединилась другая — с соседней территории, состоящая из шести изголодавшихся волков. Вожак примкнувших, с невероятно выпученными глазами, походил на бесноватого. В отличие от других волков, у него постоянно были открыты белки глаз, и, казалось, он в любую минуту готов броситься в драку. Злобный по натуре, Лупоглазый раболепно демонстрировал Бесстрашному свою абсолютную покорность. С вытянутой мордой, прижатыми и отведенными назад ушами, поджимая под себя хвост, он заискивающе подползал к матерому, жалко скулил и валился перед ним на спину. Когда же Лупоглазый проявлял агрессию к кому-либо из стаи, матерые набрасывались на него и яростно кусали. Тот убегал и в одиночестве скитался в лесу по несколько дней.

Наступила оттепель, в воздухе повеяло весной, стая разбрелась, а матерые укрылись в логове, и Серая принесла шестерых щенят.

Рыжухе шел второй год. Теперь она опекала молодняк и должна была подавать пример правильного поведения. Однако она сама все еще не могла определить своего места в охоте,

беспорядочно бегая вокруг жертвы, то и дело натыкаясь на волков, действующих целенаправленно и слажено.

Матерая нервничала, скалилась, и Рыжуха бросалась на жертву, думая, что от нее ждут решительных действий, однако никто не поддерживал ее инициативу, все действовали совсем по другому сценарию.

Однажды, когда охотились на оленя, к Рыжухе подошла матерая и пристально посмотрела в глаза. В этот момент Рыжуха то ли поняла, то ли услышала: «Мы гоним его в ловушку между скалами и болотом, не пускай его в лесную чащу».

Рыжуха стремглав пересекла поляну и остановилась в зарослях орешника. Когда переярки выгнали оленя на открытое пространство, он бросился в чащу, откуда, яростно рыча, выскочила Рыжуха. Олень устремился к скалам, где в западне его ждал матерый.

После этой охоты Рыжуха стала настраиваться на каждого волка и улавливать его телепатические сигналы, причем не только во время охоты, но и в обыденной жизни, что позволяло ей понимать настроение и предугадывать действия волков. Эта ее проницательность позволила Рыжухе чувствовать состояние и понимать намерения каждого члена стаи.

Другой случай окончательно утвердил ее в роли охотницы. Однажды стая вышла на выводок диких свиней. Поросята, громко повизгивая, сгрудились вокруг матери. Вожак сделал несколько мощных прыжков в направлении вывод-

ка и резко взял в сторону. Свинья в боевом азарте бросилась за ним. В тот же миг Лупоглазый и Стремительный схватили по поросенку и разбежались в разные стороны. Внезапно из кустов выскочил кабан и устремился прямо на Лупоглазого. Тот бросил добычу и ринулся наутек. Хряк медленно развернулся, в мгновение ока нагнал Стремительного с поросенком в зубах и поднял его на клыки.

Рыжуха, не вовлеченная в тактику охоты, злобно рыча, устремилась к кабану и ловко перепрыгнула через него. Готовясь к отражению атаки, хряк сбросил с клыков Стремительного, и стая, изрядно потрепанная, но без потерь, завершила неудачную охоту.

С этого момента Рыжуха поверила в себя. Она уже не дожидалась в кустах исхода охоты, не убегала, поскуливая, с места схватки: она стала полноценным членом стаи — охотником.

Быстро прошло лето, а за ним — и осень, наступила зима. В поисках зверя стая часто меняла дневки.

В один из таких переходов холодным сумрачным днем волки, не таясь, двигались по открытому пространству. Вдруг Бесстрашный остановился, внимательно вслушиваясь в гул деревьев, направил уши вперед и глубоко вдохнул морозный воздух. С подветренной стороны потянуло

запахом кровоточащей раны. Где-то неподалеку был раненый лось, что сулило скорую и легкую охоту. Стая, как по команде, бросилась вперед.

К вечеру измотанный погоней лось обреченно стоял, окруженный волками, тупо уставившись в пространство. Матерый в мощном прыжке вцепился в его морду. Лось судорожно замотал головой в надежде его сбросить, но Бесстрашный мертвой хваткой держал его за морду. Лось что было сил взмахнул головой и пронзил матерого рогами. В это же время двое других волков вцепились в подколенные связки задних ног лося и, вгрызаясь в суставы, сделали жертву неподвижной. Лось рухнул, как подкошенный. Стремительный сдавил ему горло, и охота закончилась.

Пиршество началось без матерого. Лупоглазый рвал лучшие места туши, то и дело злобно огрызаясь на других волков. Серая взяласьлизывать Бесстрашному раны, но кровь скоро заледенела на морозе, и матерая тяжело завывала. Однако голод взял свое, и она присоединилась к трапезе.

Наевшись до отвала парного мяса, волки покатались по снегу и направились в густой ельник, где на берегу маленькой речушки среди поваленных бурей деревьев располагалась их дневка. Серая, по обыкновению, шла впереди, колонну замыкали Лупоглазый и Стремительный.

Добрались до места. Серая долго крутилась, пытаясь найти удобное положение и, наконец, улеглась. Лупоглазый и Стремительный, словно в оцепенении, в полном молчании стояли друг против друга. Их головы были высоко подняты, шерсть взды-

блена, ноги, словно пружины, готовы были в любой момент вытолкнуть их на соперника. Но они молча стояли и пристально смотрели друг другу в глаза, пытаясь взглядом повергнуть противника.

Напряжение нарастало. Внезапно волки сцепились в схватке. Стремительный резким движением порвал Лупоглазому ухо, однако тот изловчился, вцепился в горло соперника и завалил его на бок. Стремительный захрипел, но в этот самый момент Рыжуха подлетела к Лупоглазому и схватила его за мошонку. Он взвизгнул, разжал пасть, и этого мгновения было достаточно, чтобы победитель стал побежденным. Теперь уже Стремительный держал Лупоглазого за горло, а тот обмяк, признавая свое поражение.

Стремительный разжал зубы, сделал несколько заходов к лежащему на спине Лупоглазому, изрядно покусав ему передние лапы, победоносно подошел к Серой и, полизывая ей морду, устроился рядом с ней.

Стая признала Стремительного вожаком, но теперь Серая, как наиболее старшая и опытная матерая, определяла иерархию взаимоотношений в стае, решала, где и на кого охотиться, выбирала тактику охоты.

Приплод Серой от Стремительного состоял из восьми щенят. Стая разрослась и даже после зимних потерь была непомерно большой.

Лоси и олени ушли на соседние территории, где слабые волки были для них не опасны. Многочисленная стая перебивалась мелкими грызунами, птицей и рыбой. Молодые волки все чаще стали делать набеги на свиней, овец и гусей, пасущихся на окраинах сел.

Летом Стремительный выследил небольшой табун лошадей, отпущенных в ночное без пастуха, и вывел стаю на охоту. Волки затаились в ближайшем лесочке, а Стремительный и Серая стали беспорядочно бегать между лошадьми. Посев в табуне смятение, матерый выбрал молодого жеребца, больше других поддавшегося панике, и вцепился ему в шею. Стая выскочила из засады и набросилась на жертву. Жеребец отчаянно лягался. Пытаясь сбросить Стремительного, встал на дыбы, но рухнул под тяжестью доброго десятка повисших на нем волков.

Стая набивала животы до тех пор, пока не раздалась выстрелы. Отгрызаясь в сторону приближавшихся людей, волки углубились в лес, едва неся перегруженные мясом тела.

Люди в отместку устроили охоту на волков и убили большую часть стаи. Среди них была Серая.

Из пяти волков, оставшихся в живых, была одна самка и этой самкой была Рыжуха.

Так Рыжуха стала матерой остатков некогда большой и мощной стаи.

Первый выводок Рыжухи был небольшим, но все волчата были крупными и сильными. Стремительный заботливо приносил к логову добычу или отрыгивал перед Рыжухой куски мяса. Луна растаяла и снова стала набирать силу с момента рождения щенят. Настало время кормления волчат мясом. Стремительный все дальше уходил от логова в поисках добычи, и Рыжухе часто самой приходилось добывать еду.

Вот и теперь, изрядно уставшая, но довольная, Рыжуха подходила к логову. Ее долгая изнурительная охота на бобра окончилась удачно, и она готова была покормить щенят.

Но еще задолго до логова ее остановил запах пороха. Запах страшнее человеческого, потому что он неотвратимо предвещал смерть. Рыжуха молнией бросилась к волчатам, но было уже поздно. У логова толпились охотники. Они грубо брали за загривок ее щенят и дразнили, тыкая палкой в их мордашки. Те злобно огрызались, вызывая у охотников хохот.

Рыжуха приготовилась к прыжку, чтобы сразить хотя бы одного из них, но заданный природой волкам и усвоенный Рыжухой в стае инстинкт самосохранения приковал ее к земле, и она, даже не пытаясь быть незамеченной, стояла неподалеку и наблюдала, как уносят ее щенят, ее первый выводок. Горло Рыжухи сдавило, словно удавкой, и морда окропилась слезами.

Всю ночь она скулила близ логова. Наутро вернулся Стремительный, и они удалились прочь от этого злополучного места.

Новое логово Рыжуха отыскала сама. Она нашла глубокую и узкую расщелину в скале, стоящей на опушке. Упавшее дерево и кустарник, выросший вокруг него, делали вход совершенно незаметным. За скалой был густой хвойный лес, дальше полукругом простирались ольховые болота, откуда человек не мог подойти к логову. Несмотря на то, что вход в логово был закрыт зарослями кустарника, из него был хороший обзор. Кроме того, волчата всегда могли порезвиться на поляне, а в случае опасности спрятаться в логове или скрыться в лесной чаще за скалой.

Весной Рыжуха принесла шестерых волчат. Когда они прозрели и научились ходить, она стала выводить их из пещеры. Щенята забавно прыгали, нелепо набрасывались друг на друга, а те, что посильнее, задирали слабых, ударяя их лапами и покусывая за морду. В погоне друг за другом они удалялись на опасное расстояние или прятались так искусно, что даже Рыжуха с трудом могла их отыскать. Она беспокоилась и тревожно лаяла, призывая щенят вернуться к логову. Когда после удачной охоты появлялся Стремительный, щенята дружной гурьбой толпились вокруг него в ожидании мяса.

В конце лета Стремительный принес в логово живого ягненка. Щенята долго резвились с ним, как с равным, но, когда матерый надрезал шкуру ягненка и проступила кровь, волчата бросились на него и вмиг растерзали жертву.

Осенью Рыжуха научила волчат брать след, тропить и загонять зверей. К зиме все шестеро прибылых выросли, окрепли и помогали стае охотиться на крупную добычу.

Уже много раз зиму сменяло лето, а лето зиму. Стая вновь разрослась и превратилась в мощную и успешную семью. В каждом помете у Рыжухи был хотя бы один необыкновенный щенок.

Первой всех удивила Улыбчивая. Сильно вытянутые губы, слегка приоткрытый без оскала рот, большие, почти голубые глаза, забавно торчащие по бокам уши придавали ей радостный, смеющийся вид. Нрав у нее был добрый и веселый. Она была любимицей стаи, и никто не смел ее обижать.

В другом помете был Невидимый, мастер маскировки. Он способен был спрятаться за небольшим кустиком, стать частью упавшего дерева или превратиться в пеня. На полной скорости он сворачивал с тропы и буквально «нырял в землю». Так же неожиданно в нужный момент он появлялся из засады и наносил удар преследуемому зверю. Особенно эффективной такая тактика была

при драке с другой стаей. Невидимого одновременно не было нигде, и он был везде.

Но всех поражала Умница, самочка из третьего помета. Лишь одна она могла предугадать, когда и где сделают стоянку перелетные птицы. Ведомые Умницей волки таились в камышах, и когда стая опускалась на водную гладь, наступало пиршество. Редкий волк оставался без добычи.

Во время охоты на лося или оленя Умница находила такие тупики и завалы, откуда загнанная жертва не могла уже выбраться и становилась легкой добычей стаи.

Умница придумала уникальный способ рыбалки. Отрыгнув на озерном мелководье сильно переваренную пищу, она терпеливо ждала, когда к малькам, моментально приплывающим на приманку, подплывет большая рыба. С ее появлением Умница, как ядро, выпущенное из пушки, выпрыгивала из засады и хватала рыбу. Иногда на такую приманку попадался увесистый налим или сиг.

Когда стая чрезмерно разрасталась, самцы уходили добровольно, а самок изгоняла матерая. Однако Умницу Рыжуха не прогоняла, понимая, что с ее практичным умом она станет следующей матерой, и под ее началом стая будет процветать.

Как-то раз стая отдыхала на дневке после ночной охоты. Рассветало, занимался ясный солнечный день. Вдруг неподалеку раздался жуткий,

душераздирающий вой. Волки бросились на звук. На пригорке весь в крови, с распоротым брюхом полулежал Стремительный.

Он метил территорию, когда на него набросились одичавшие собаки и, не подчиняясь никаким волчьим законам, порвали матерого. И теперь он приполз умирать в родную стаю. Волки, поскуливая, ходили вокруг Стремительного, а Рыжуха улеглась рядом с ним в ожидании конца.

Вскоре стая разбрелась, и когда Рыжуха вернулась на дневку, вожак уже определился. Им стал Смелый, брат Стремительного, сильный и властный волк.

Когда в конце зимы настала пора спаривания, Рыжуха не подпустила к себе Смелого. В качестве матерой он предпочел Умницу, лидерство которой было неоспоримо. Теперь в стае были две матери. Рыжуха по-прежнему руководила охотой, определяла места дневок, но логово подыскивала Умница, где и производила потомство стаи.

С годами Рыжуха состарилась и редко ходила на охоту. Большею частью она лежала где-нибудь на пригорке в ожидании чьего-то внимания. Ее благодарно кормили Невидимый, Улыбчивая и Умница, отрывивая перед ней, как перед щенком, полупереваренные куски мяса.

В одну из лунных ночей Рыжуха до самого рассвета мрачно выла в бесконечность. На этот раз

никто не присоединился к ее грустному вою. Наутро она покинула стаю.

Рыжуха долго плелась по лесу по направлению к солнцу. Она чувствовала, что нового восхода ей уже не увидеть, и в последний раз грелась в его теплых и ласковых лучах. Обогнув озеро, Рыжуха взобралась на возвышенность, откуда ясно просматривалось человеческое логово. Она улеглась под мощной елью и устремила взгляд в низину. Ветер дул со стороны поселка. Пахло людьми, но еще сильнее пахло собаками, и запах этот казался ей то родным, то враждебным.

ГЛАВА 3. ШИВА

Майю, милого, совершенно здорового ребенка, удочеряли трижды.

Первыми ее родителями, которых, впрочем, она не помнила, была супружеская пара, где мамой она называла бывшую проститутку, а отцом — главаря бандитской группировки. Майе как раз исполнилось три года, когда ее родителей расстреляли и сожгли в машине.

В детском доме она находилась несколько месяцев и была вновь удочерена милейшей парой драматических актеров, жизнь у которых тоже

не задалась. Театр распался, какое-то время они перебивались случайными киносьемками, но вскоре и этого заработка не стало. От отчаяния они начали выпивать, а потом и принимать наркотики. Больше года заброшенная приемными родителями Майя голодала, копалась на помойках в поисках пищи, попрошайничала и неизвестно, что бы с ней случилось, если бы не настало время вести ее в первый класс. В школу вконец опустившиеся родители Майю, конечно же, не повели. Тогда-то и обнаружили социальные работники, в каких условиях живет бедная девочка, и та по мрачной иронии судьбы вновь оказалась в детском доме.

Здесь Майю откормили и вскоре снова удочерили, теперь, казалось, навсегда. На этот раз восьмилетняя Майя попала в семью банкиров, которые усыновили еще и семилетнего мальчика, так что Майе было с кем играть и о ком заботиться. Хлебнувшие детдомовского лиха дети не верили своему везенью и вели себя как два ангелочка, стараясь понравиться приемным родителям.

Илюша, так звали усыновленного мальчика, буквально боготворил свою новоиспеченную сестренку. Ходил за ней по пятам и слушался беспрекословно. Все пользовались этим магическим влиянием Майи на Илью. Достаточно было преподавателю музыки сказать: «Пожалуй, эта пьеса понравится Майе», и он не выпускал из рук скрипку до тех пор, пока педагог не останавливал его убедительным: «Хорошо, очень хорошо, можешь сыграть». Счастливый Илюша стремглав летел к Майе и так самозабвенно и торжественно

играл ей малюсенькую пьеску, предварив исполнение словами: «Майя, я посвящаю это произведение тебе!» Майя обнимала его и, обливаясь слезами, отвечала: «Ты мой самый любимый, самый родной братик».

Как-то няня, не досмотрев дома фильм о любви индийского короля Акбара к принцессе Джодхе, принесла его с собой, и они все вместе посмотрели эту слезливую и вместе с тем красивую мелодраму. С тех пор Илюша стал обращаться к Майе не иначе как: «Моя прекрасная индийская принцесса». А на ближайший день рождения он подарил ей открытку с видом Тадж-Махала, где написал:

«На память моей прекрасной индийской принцессе в день рождения!»

Майя, я мечтаю поскорей вырасти и отвезти тебя в этот самый красивый в мире дворец. Твой родной братик Илюша».

Майя училась игре на фортепиано. Педагог, мудрый пожилой мужчина, понимал, что для эмоционального сближения семьи и удовлетворения родительских амбиций важно, чтобы дети блистали перед гостями. Руководствуясь этим благим побуждением, он подготовил детей к исполнению дуэтом нескольких песенок, музыкальных пьесок и комических сцен.

Дети умиляли прислугу, приводили в восторг гостей, родители довольно улыбались. При этом они эмоционально взаимодействовали с детьми не более тесно, чем гости. Их воспитанием занималась няня, художественным образованием —

пожилой музыкант, английский язык с ними «подтягивал» доцент университета, а дальше — английская школа и редкие совместные поездки на дачу по выходным. Впрочем, о том, в какой степени душевными могут быть отношения в семье, дети не догадывались, и жизнь их была светлой и радостной.

И были бы дети самыми счастливыми на свете, если бы не одно обстоятельство. Банкир методично переводил деньги за границу, и в один прекрасный день супруги уехали кататься на лыжах в Альпы, да так и не вернулись.

Майя снова оказалась в детском доме и теперь уже твердо решила больше не удочеряться. К этому времени ей исполнилось двенадцать лет, и с ее мнением обязаны были считаться. Десятки раз усыновители указывали на Майю, но она отвечала твердым «нет». Она считала, что семья у нее все же состоялась: у нее был любимый и преданный брат. Но судьба вновь поиздевалась над ней. Не прошло и года, как Илюшу захотела усыновить французская пара. Илюша, естественно, заявил:

— Только с Майей!

Девочка оказалась перед жестоким выбором. С одной стороны, она не могла потерять своего милого рыцаря и брата, маленького Илюшу, ставшего самым близким ей на земле человеком. С другой, она панически боялась быть снова

брошенной. Жестокая мысль неустанно стучала в ее детском мозгу: «Ну почему меня без конца все бросают, почему я никому не нужна?!.» И Майя снова ответила своим решительным «нет», договорившись с Илюшей, что они будут переписываться, а когда вырастут, будут ездить друг к другу в гости.

Майя долго ждала писем из далекой Франции, временами жалела, что не уехала с Илюшей, но письма так и не приходили.

По окончании школы Майя должна была покинуть детский дом, и ей обязаны были предоставить жилплощадь. Но все предлагаемые варианты были ужасны. Словно в насмешку комнаты были либо без пола, либо с потоком воды, струящимся с потолка, а то и вовсе без оконной рамы.

— Смотри-ка, барыня нашлась, — говорили ей в социальной комиссии. — Ручки бы приложила и жила бы припеваючи, а то привыкли на всем готовом, ничего делать не хотят.

Майя была готова что-то сделать, но как, где? Не говоря про то, что ни на какой ремонт у нее не было денег.

Очередной адрес был на набережной реки Фонтанки.

— Это не ошибка? — поинтересовалась Майя. Предыдущие адреса были исключительно в промышленных районах города.

— Нет, не ошибка, — ответила инспектор. — Иди и оставайся там. Следующий смотровой ордер получишь не скоро.

Несмотря на конец рабочего дня, Майя в приятном возбуждении помчалась по указанному адресу. Она даже не подозревала, что Фонтанка такая длинная. В ее представлении Фонтанка ассоциировалась с центром, поэтому поиски она начала с Аничкова моста. Дом под номером 166 был последним. В жэке уже никого не было, но, на ее счастье, ключ от искомой комнаты был у дежурной.

Огромные двери парадной были сорваны с петель и, изрядно подгнившие, валялись здесь же у входа. Майя поднялась на последний пятый этаж и позвонила в один из многочисленных звонков. За дверью стояла тишина. Помешкав, она позвонила во второй звонок, через некоторое время в третий, четвертый, пятый. Никто не открывал. Расстроенная, Майя села на подоконник и стала ждать в надежде на то, что кто-то придет с работы. Через час томительного ожидания Майя вновь поочередно позвонила во все звонки. За дверью раздался мат, и она отворилась. Перед ней стоял заросший мужик неопределенного возраста, весь в синяках и ссадинах, от которого, как от помойки, несло гнилью.

— Те че? — глухо прорычал он.

— Я по поводу заселения, — испуганно ответила Майя.

— Не знаю я никакого заселения, — пробурчал мужик и было захлопнул перед ней дверь, но Майя, знакомая с тем, что свободные комна-

ты жильцы считают своими и никого не хотят пускать, уже стояла в проходе.

— Вот смотровой ордер, — протянула она лист с огромной синей печатью.

— Хозяйка, к тебе пришли, — уже покорным голосом прокричал мужик, и из второй комнаты мгновенно выскочила женщина средних лет в изрядно потрепанном халате и, что было силы ударив по голове мужика, заорала:

— Пошел в конуру, пес шелудивый.

Мужик стремглав скрылся в комнате и лязгнул дверным крючком.

— Это почему ко мне, это совсем не ко мне, — зачастила она, — нет у нас никакой свободной комнаты.

— Да покажи ты ей эту нору, — раздалось из глубины коридора, — она же все равно откажется, а там, глядишь, и присылать перестанут.

— Документы есть? А-то ходят здесь всякие, показывай всем.

Майя протянула смотровой ордер, и они пошли по коридору.

Дощатый пол качался под ногами, как батут. Всюду стояли шкафы и тумбочки, на стенах висело несметное количество тазов и корыт.

— Сколько же здесь живет человек? — поинтересовалась Майя.

— А тебе какое дело? — отрезала хозяйка, и Майя поняла, в какой гадюшник она попала.

Комната была в самом углу. Застекленная дверь, не помнившая, когда в последний раз на ней стояли целые стекла, была полуоткрыта. Все помещение до потолка было заставлено коробками.

— Я согласна, — сказала Майя, причем произнесла она это так твердо и так уверенно, что хозяйка почти взмолилась.

— Да ты в своем уме?! Да ты посмотри, какая она узкая, посмотри, куда выходят окна. Юрк, — завопила хозяйка, — иди, открой ей окно. Все-ля-ет-ся, вишь ли, она.

Из комнаты вышел крепкий мужичок в сопровождении девочки лет тринадцати, и они принялись вытаскивать коробки.

— Иди, смотри. Согласна она! — позвала хозяйка.

Майя вошла в комнату и ужаснулась. Она была значительно уже коридора. С противоположных стен нависали куски обоев. Казалось, еще чуть-чуть — и они закроют узкий проход. Огромное окно выходило во двор и упиралось в угол стены.

— Освободите комнату, я завтра въезжаю, — решительно произнесла Майя и направилась к выходу.

— Накось, выкуси, — услышала она за спиной. — Может, тебе еще уборку здесь сделать?

Поскольку детдомовцев поселяли в самые отстойные места, процедура заселения была четко отработана. В выходной день, чтобы застать максимально большее число жильцов, в квартиру являлась ватага молодых людей. Парней отбирали покрепче, из бывших выпускников, девушек побой-

чее. Наводя ужас на соседей, они давали понять: «Наших не трожь». И чаще всего это срабатывало.

Вот и теперь, когда четверо здоровяков постучали в дверь к «хозяйке» и поинтересовались: «Не их ли это мусор завалился в комнате?» — соседи не стали спорить и вытащили весь хлам, который они накануне собрали со всей квартиры и занесли туда. За выходные ребята сделали косметический ремонт в комнате и поклеили обои в коридоре.

И можно было бы жить в этой узкой длинной комнате, бывшей некогда чуланом за кухней, но оказалось, что Майя попала в нечто среднее между притоном и сумасшедшим домом.

В первой комнате, расположенной в полушаге от входной двери, жил мужик неопределенного возраста, которого никто не называл иначе, как бомж. Безработный алкоголик, он пал так низко, что для того, чтобы ответить на вопрос: «Какое сейчас время года?» — ему нужно было посмотреть в окно. Еще две комнаты занимала «хозяйка», так она себя позиционировала, с мужем и дочерью.

Вся квартира, в любой ее части, представляла театр военных действий.

Родители, вечно не довольные дочерью обзывали ее, она отвечала тем же. Вся семья воевала с бомжом. Причем война эта шла с переменным успехом. Когда бомж был один, он не смел даже выйти из комнаты. Если он посягал на кухню или туалет, семья его жестоко избивала, так что ему все приходилось делать в своей комнате.

Но иногда бомж приходил с пьяными друзьями, и они устраивали настоящий погром. Все, что

находилось на кухне, в туалете и в коридоре вдребезги разбивалось или уносилось. После такого набега бомж отсутствовал несколько дней, а семья ждала его появления, чтобы проучить. Но все было тщетно. Война на уничтожение была жестокой и нескончаемой.

Майя долго считала свободной одну из пяти комнат, но оказалось, что в ней живет древняя старушка. В этой квартире она родилась, в этой квартире проживали ее родители и старший брат с семьей.

В первые дни войны ее, студентку медицинского института, призвали на фронт. По окончании войны она одна из всей семьи осталась живой. Их квартира была заселена блокадниками из разрушенных домов. К счастью, чулан оказался свободным: прорубили окно, и она устроилась там.

Десятки жильцов сменилось в квартире за эти долгие годы, а она, потерявшая на фронте жениха, так и не вышла замуж и оставалась проживать, как она выражалась, «в родительском доме», лишь поменяв комнату. Старушка была невидимой, из комнаты выходила крайне редко. Лишь мельком Майя видела, как удалялась за дверь ее маленькая сухонькая фигурка.

Большинство бывших детдомовцев по окончании школы шли работать, а если и поступали в университет, то чаще всего вскоре бросали учебу. Для Майи вопрос учиться или работать

не стоял, она давно для себя решила: буду переводчицей, посмотрю мир. Из опыта детдомовцев она поняла, что лучше всего учиться на вечернем отделении. Конечно, трудно, но зато, рассчитывая только на себя, можно понять: «Сможешь или нет, состоишься или погибнешь». Именно так стоял вопрос для каждого детдомовца, не приспособленного к самостоятельной жизни в этом суровом мире.

Майя подала документы в педагогический университет на факультет иностранных языков. Как сирота она имела основания для поступления вне конкурса, однако по многолетнему опыту администрация знала, что в тех редких случаях, когда детдомовцы решались на изучение иностранных языков, они больше года не протягивали и отчислялись за неуспеваемость. Поэтому из гуманных соображений заведующая кафедрой пригласила Майю с целью показать ей бесперспективность ее затеи. И как приятно она была удивлена, когда на первый же вопрос, заданный на русском языке, Майя стала отвечать по-английски.

Заведующая кафедрой так прониклась историей судьбы Майи, что пообещала ей не просто поддержку, но дружбу. Это было хорошее начало еще и потому, что Надежда Александровна — так звали заведующую кафедрой — предложила Майе дополнительно посещать занятия со студентами дневного отделения.

Майя крайне редко чувствовала себя счастливой, но откровенный и добрый разговор с Надеждой Александровной буквально окрылил ее. Она знала, что у нее все получится. Наступает новый период в ее жизни — жизни, которая в ее руках, и она, Майя, сделает все для того, чтобы быть счастливой. Она будет учиться и работать, только учиться и работать, никакой личной жизни, никаких излишеств — придет время, и она все наверстает. Главное, что у нее есть цель, и она уже стоит на пороге к ее достижению. Дело осталось за малым: как-то обеспечить свое существование.

С легкостью птицы выпорхнув из университета, Майя не заметила, как несколько раз пробежала вокруг фонтана, как от счастья кружилась вокруг колонн Казанского собора, как миновала Гостиный двор и оказалась у Апраксина двора. Ноги сами подняли ее на три ступеньки и подвели к объявлению. «Требуется продавщица обуви». «А почему бы и нет?» — подумала Майя и вошла в магазин.

Покупателей там не было, и к ней сразу же подошла продавщица. Они пристально посмотрели друг на друга и по-детски рассмеялись. Не то, чтобы они были сильно похожи, но прически у них были совершенно одинаковы, с той лишь разницей, что Майя была брюнеткой, а девушка — шатенкой. Как бы то ни было, но обе они были обладательницами роскошных, густых, слегка вьющихся поблескивающих волос.

— Тебе какую обувь, летнюю, зимнюю, осеннюю? — весело, даже как-то жизнерадостно спросила шатенка.

— Да мне, вообще-то, работу, — ответила Майя.

— По этому поводу — завтра и в офис, рабочий день у администрации закончился. Меня зовут Маша, — представилась она.

— А меня Майя. Здесь работать можно?

— Вполне, даже можно прилично зарабатывать. Все зависит от личного обаяния, — ответила Маша и свернула белизной красивых зубов.

— Беру, заверните, — пошутила Майя, и девочки опять рассмеялись.

Вошла покупательница. Маша стремглав бросилась к ней и повела вдоль витрин. Выбрали пару осенних туфель, занялись примеркой.

— Туфли великолепно смотрятся на Вашей ноге, Вам удобно в них? — участливо поинтересовалась Маша. — Вы знаете, у нас есть такие же, но с коричневатым оттенком, мне кажется, что они больше соответствуют Вашему образу, к тому же еще более подчеркнут Вашу элегантность.

Женщина взяла обе пары и, счастливая, удалилась.

— Зарплата небольшая, пятнадцать тысяч, но дальше идет процент от продажи. Моя напарница больше двадцатки не получает, а у меня иногда до пятидесяти доходит. В общем, как сработалась. Устраивайся, а то одной скучно.

Майя устроилась, график был скользящий, работали то вдвоем, то по одной. Она была находкой для коллег, так как из-за учебы стремилась работать в такие нежелательные для всех выходные дни.

Майя сразу подружилась с Машей, которая жила с родителями относительно недалеко от нее у Нарвских ворот. Милая, добрая петербургская семья сердечно приняла Майю. Родители Маши всю жизнь работали инженерами на Кировском заводе, туда же звали и дочь, но она решила стать юристом и вот уже два года поступала в «большой» университет, но не проходила по конкурсу.

— Будущий год у меня уже в кармане, — оптимистично заявляла Маша. — Для поступления на платное отделение у меня хватало баллов, но не было денег, а теперь с ними нет проблем. Еще год напряженной работы, и я смогу учиться на дневном отделении.

Все свободное время девочки проводили вместе. Маша с наслаждением доброго учителя водила подругу по театрам, музеям и выставкам, а Майя вдруг поняла, скорее, ощутила, что внутренняя, глубинная неудовлетворенность преследовала ее из-за интеллектуального голода. Она всегда с жадностью впитывала новые знания, которые получала в школе, с готовностью ходила в культпоходы, но эти массовки не волновали ее, не освещали ту часть души, которая жаждала встречи с прекрасным, потому что не были пер-

сонифицированы. А Маша и еще в большей степени ее мама Екатерина Петровна переносили на ее жизнь происходящее в галерее или на сцене, стимулировали к сопереживанию. Они представляли посещение музея или театра так, будто все действие исполнялось исключительно для Майи, превращая это событие в лично значимый акт. И Майя, упиваясь неожиданно свалившимся на нее счастьем, стала заядлым театралом. Она вспомнила уроки музыки и часто музицировала с Машей в четыре руки.

В университете все складывалось великолепно. Майя, если не была занята на работе, дополнительно посещала занятия по английскому языку на дневном отделении. Надежда Александровна взяла ее в свою группу и часами занималась индивидуально. К концу первого семестра Майя сравнялась с крепкой дневной группой и стала лучшей среди вечерников. Такого успеха она не ожидала. Радость переполняла ее, и жизнь в злобной квартире уже не угнетала, а казалась легким, причем наверняка временным, недоразумением.

В университете Майя познакомилась с Ириной, у которой была своя семейная история. Както, когда Майя рассказывала ей об ужасах проживания на Фонтанке, отметив при этом, что все было бы не так кошмарно, будь она не одна, а с семьей, Ира заметила:

— Ты знаешь, Майя, наличие семьи еще не гарантирует счастливую жизнь. Мои родители растались без скандала, причем о причине развода я не знаю до сих пор. Даже когда мне исполнилось десять лет, и я спросила у мамы об этом, она в очередной раз отшутилась: «Не сошлись характерами». Я очень любила отца, он был добр ко мне и к маме. До сих пор сладостно вспоминать о том, как я тихо-тихо сижу рядом с ним в оркестровой яме, а папа играет на флейте. До этого он сказал мне, что я принцесса, а он придворный музыкант, и он будет играть для меня. Я сижу и, как замороженная, смотрю на него, будто я не на репетиции в театре, а в сказке, где для меня играет целый оркестр. Неожиданно, по непонятным для меня причинам, папы не стало в доме. Но, о счастье! Он встречает меня после школы, и мы снова вместе. Я вдоволь ем мороженое, конфеты, мы гуляем по парку. Но здесь вмешивается мама — она запрещает папе встречаться со мной. Он часами простаивает у нашего дома в надежде, что я выйду на улицу, а мама не пускает. И так не один год, пока папа не уезжает в другой город. А все это время мама твердит: «Он не достоин». Чего не достоин, почему? Я старательно искала мамины достоинства, но у папы их было больше, а с годами, по-моему, мама стала утрачивать и существующие. Как-то первого сентября папа пришел в школу и подарил мне огромный букет цветов. Мама вырвала его у меня из рук и выбросила в урну. После этого ко всему, что она делала и говорила, я стала относиться критично. Чем

чаще она произносила «не достоин», тем меньше достоинств в моих глазах оставалось у нее: я ведь так любила папу. Конечно, она моя мама, и я изо всех сил пытаюсь понять и оправдать ее, но помощь мою она отвергает. Только сейчас, когда я поступила в университет, папа вновь нашел меня, и мы переписываемся с ним по интернету. Маме я об этом не говорю. Она, может быть, и знает, но молчит. В этой связи чувство вины перед ней не покидает меня. И еще: скоро мы должны встретиться с папой, а я так жду и боюсь этой встречи. Я думаю, в семейной жизни главное любовь, взаимопонимание и доверие. У меня будет именно такая семья, или никакой, — уверенно заключила она.

Ирина была романтичной, сияющей добротой и отзывчивостью девушкой. Эти качества, по ее собственному признанию, она приобрела в обществе друзей Индии, которое посещала уже третий год.

— Там в философских диалогах и медитациях меня научили слышать, понимать и осознавать себя. Я переосмыслила свою жизнь, отделила зерно от плевел и стала жить в ладу сама с собой. Я стала терпимой и доброжелательной к себе и другим, поняла, что искренне заинтересованное сотрудничество не имеет преград в достижении благой цели, — как сказку, как какое-то волшебство

рассказывала Ирина Майе. — Ненависть и вражда начисто ушли из моей жизни. Я стремлюсь понять каждого. Поняв, я могу и стремлюсь помочь. И искренне сострадаю тем оступившимся, кто не хочет или не может принять мою помощь. Раньше я не задумывалась над тем, как живут, что чувствуют другие. Индийские учителя показали мне, как дурное душевное самочувствие, не говоря уже о физических страданиях, наполняет энергетику дома, города, страны негативной энергией, разрушающей все и всех. Меня научили позитивно думать и с добротой относиться к каждому встречному. Слова «семья», «дом», «отечество» приобрели вселенский смысл и поселились в моем сердце. Теперь все, что происходит вокруг меня, это часть моей судьбы.

Майе не доставало многого из того, чем обладала Ирина. Она не была в согласии с собой, она бунтовала и не знала, куда направить этот бунт, чтобы решить накопившиеся проблемы. Бунт в себе сжигал ее.

Все детдомовские делились на две категории. Первые, не принимая что-либо или кого-либо, протестовали, устраивали истерики и как-то относительно легко справлялись с проблемами. Вторые уходили в себя и сторали изнутри, разрушая себя. Майя относилась ко вторым и тяжело переживала все свои невзгоды.

Ирина так убедительно, так захватывающе рассказывала об обществе друзей Индии, что Майя попросила взять ее с собой.

Сама атмосфера помещения, где собирались поклонники индийской культуры, поразила Майю. Интерьер был похож на декорации фантастического фильма. Нежно-яркие краски рисовали картины не то чтобырая, но тепла и доброты. Ира завела ее в комнату для медитаций, и Майя как бы растворилась в пространстве. Тело обмякло, каждая клетка наполнилась поющей радостью, и Майя заплакала.

— Со мной было то же самое, — сказала Ира, взяла ее ладони в свои и уселась с ней на кушетку.

Здесь Майя увидела молодых людей, которых раньше не встречала. С одной стороны, все они подходили на своего руководителя — благообразного старца, мудрого, рассудительного и степенного индуса. С другой — на дерущихся школьников, желающих во что бы то ни стало доказать свою исключительную точку зрения на мир.

Майю все больше тянуло к ее новым друзьям, к их доброте и душевному теплу. Благодаря их влиянию в каждом человеке Майя стала замечать и обнажать что-то глубинно важное, и люди стали тянуться к ней. Столько людей искренне любили и ценили ее! Даже у незнакомых людей она находила что-то позитивное и настраивала на это свои

мысли. И люди, чувствуя это, обращались к ней с каким-то подчас пустяковым вопросом лишь для того, чтобы вступить в контакт.

Общество стало для нее домом, семьей. Уж не знала Майя, не приходили ли сюда дурные люди вообще, или, словно по волшебству, переступив порог центра, они становились чистыми и одухотворенными, но плохих людей здесь не было. Каждую из девушек общества она могла назвать своей подружкой, каждому довериться, на каждого положиться.

Кроме работы над собой, которая так помогла Майе открыть собственное «я», она успешно занималась индийскими танцами, и, чего она совсем не ожидала, у нее оказался полетный голос потрясающей красоты. Ангельски звучащее лирическое сопрано возносило слушателей к небесам, серебристые оттенки ее голоса оказывали колдовское воздействие.

Майя воспаряла от счастья, когда все чаще люди на улице подходили к ней и говорили: «Какие у Вас добрые, красивые глаза».

У нее не было ни минуты свободного времени. Чтобы все успеть, пришлось меньше работать в магазине. Она потеряла в заработке, но стала несоизмеримо богаче. Только теперь она почувствовала всю прелесть жизни.

Эти несколько месяцев превратились в счастливую вечность.

Зябким ноябрьским днем Майя сидела на скамейке в парке, вспоминала своего Илюшу и мечтала об индийском принце. Закрыв глаза, она ясно видела красивого юношу, над которым размахивали опахалом арапчата, и себя, сидящую рядом с ним в роскошных свадебных одеждах. Виртуозная танцовщица исполняла перед ними индийские танцы, и это тоже была она, Майя. Принц страстно восхищался невестой и танцовщицей. От сладостных грез слезы ручьем текли из ее глаз.

Ее мечты прервал приятный баритон:

— Вас кто-то обидел? Не пристало плакать девушке с таким ангельски безобидным лицом.

Рядом с ней стоял хорошо сложенный симпатичный молодой человек с обаятельной улыбкой.

— Я плачу от счастья. В своих грезах я только что вышла замуж за индийского принца, а вы прервали мою сказку.

— Так что нам мешает ее продлить?

— Вы же не индийский принц.

— Дело за малым — стать им, — сказал он и, решительно взяв ее за плечи, поднял со скамейки.

— Я знаю одну индийскую кафешку, где посетителям выдают напрокат национальную одежду. Думаю, одеяния принцессы и принца у них найдутся.

Он взял ее под руку, и она покорно пошла с ним.

Его звали Максимом, он учился в Университете на факультете международных отношений.

Он действительно привел Майю в кафе, где они облачились в роскошные индийские одежды и, к удовольствию Майи, провели там весь остаток дня. Максим так легко и органично отыгрывал роль индийского принца, что покори́л Майю, и она всецело доверилась ему.

Встречались каждый день. Если не было времени для музея, кино или театра, что часто входило в программу Максима, он просто провожал ее домой с работы или учебы.

Через пару недель Максим пригласил Майю в ночной клуб, где познакомил с друзьями.

— Моя девушка, — представлял он Майю убедительным тоном, услаждавшим ее слух.

— Вот оно, мое счастье, — думала Майя. — Это плата за все мои страдания, за терпение и труд над собой.

Майя была в центре внимания друзей Максима. Ее выразительная внешность дополнялась изяществом и пластичностью. Когда она танцевала, создавалось впечатление, что музыка звучала по команде ее тела. Ее органичные движения словно управляли музыкальным потоком. К тому же, в отличие от остальных девушек, она не материлась и не несла бред. Речь Майи была грамотной, лаконичной и образной. Все парни обратили на это внимание и почувствовали какую-то неловкость и стыд за своих девиц, словно впервые обнаружили их убожество.

Вышли из клуба, сели в машину, и Максим предложил заехать к нему в гости. Вечер прошел так приятно, что ей совсем не хотелось расставаться и она согласилась.

Квартира была большой, роскошной и одновременно уютной. Максим включил легкую классическую музыку, органично дополнявшую интерьер квартиры. Он ухаживал за ней мило, деликатно и ненавязчиво. Майя полностью доверилась ему, даже не задумываясь о последствиях.

Он дико стонал и метался в ее объятиях. Сквозь стоны прорывались слова:

— Не может быть!

— Сколько, ты говоришь, тебе лет? — спросил Максим.

— Девятнадцать, — с недоумением ответила она.

— Да ты достойна книги рекордов Гиннеса! У тебя что, действительно не было до меня мужчины?

— Как видишь, — почему-то с разочарованием ответила она.

— Я женюсь на тебе, — с мальчишеской уверенностью сказал он.

— Это вовсе не обязательно. Что бы ни случилось, ты — мой любимый и единственный мужчина. Я ждала тебя, и вот ты пришел, мой принц.

— Ты святая, — прошептал он.

— Я самая счастливая, — ответила она, осыпая его поцелуями.

Он вновь почувствовал в себе силы и слился с ней так страстно и гармонично, будто вся вселенная сосредоточилась в их объятиях.

Через неделю он сказал ей, что в Питер приехали родители и он хочет с ними познакомить Майю и объявить им о своем решении жениться.

— Да, — запнулся он. — Прости, я же, наглец, не спросил о твоем согласии.

— Я же тебе уже ответила, ты мой любимый и единственный мужчина, а в каком качестве состою я, для меня это не так важно.

Максим устроил ужин в ресторане, где представил всех друг другу:

— Это мои горячо любимые, заслуживающие глубокого уважения родители: Вячеслав Николаевич и Антонина Петровна. А это девушка моей мечты. Уверен, через пару минут вы согласитесь со мной и будете мечтать о такой невестке.

Майя сразу и безусловно понравилась родителям Максима. Красивая, кроткая, неглупая, очевидно уважающая Максима, она показалась лучшей кандидатурой для любимого сына, и они благословили их на брак.

Родители хорошо знали круг золотой молодежи, в который входил их сын, но осторожная, привыкшая не доверять жизненным перипетиям мать, как бы невзначай, спросила Майю:

— Я что-то не замечала вас раньше среди друзей Максима. Кто ваши родители, чем занимаются?

Майя коротко и просто ответила:

— Не знаю: я детдомовская.

Родителей как подменили. На их лицах появилась бесчувственные железные маски, и они быстро завершили встречу.

Отец Максима, сенатор от Бурятии, тяжело шел по карьерной лестнице.

Секретарь райкома партии по идеологии во времена «коммунизма» он, казалось бы, взял судьбу за загривок — жизнь состоялась, и счастливое будущее было обеспечено, а тут этот проклятый девяносто первый, когда все рухнуло в одночасье и с дипломом высшей партийной школы устроиться было некуда. Пригрел бывший одноклассник, хозяин комиссионки, взял к себе в магазин на прием товара. Поскольку здесь, как и везде, была неразбериха («левый», да к тому же не сертифицированный товар, уход от налогов), он, как «честный гражданин», сообщил куда надо, предварительно тщательно подготовив компромат и убедив школьного товарища, которого доставали рэкетеры, акционировать комиссионку и, конечно же, условно сделать его совладельцем с тем, чтобы с бандюганами разбирался он. У него-де еще остались связи с правоохранительными органами. Одноклассник, напуганный пожарами, избиениями и убийствами своих коллег, охотно снял с себя необходимость разборок с бандитами, так что, когда за ним пришли, осудили и посадили, наш герой стал хозяином комиссионки,

которая имела несколько торговых точек и приносила большой доход. С одной стороны, чтобы выжить, люди продавали все, что представляло хоть какую-то ценность; с другой, были и те, которые сметали все подряд впрок, на неопределенное будущее. Происходил великий передел: обнищание основной массы сопровождалось обогащением кучки негодяев. А он был услужливым проводником этого фантазмагорического процесса.

Когда, придя в себя от социальных потрясений, друзья партийцы призывали его в политику, ему пришлось отмываться и от партийного прошлого, и от пребывания на торговом поприще, что, впрочем, позже он обернул в свою пользу, упрекая демократов в жестокости и мести.

Поменяв три партии, не считая коммунистической, он оказался в партии власти, где, впрочем, у каждого второго политического лидера была похожая судьба. Умение не перечить и угодать сделало его сначала депутатом Госдумы, а потом и сенатором от Бурятии, в которой он никогда ранее не был.

Человек такой судьбы не мог позволить «приблудной собачонке», как метко, на его взгляд, выразилась Антонина Петровна, войти в их семью, и они категорически заявили сыну о своем отказе.

— Но вы же дали свое согласие высокопарным «благословляем»?

— Открылись непредвиденные обстоятельства, которые препятствуют вашему браку, — парировала мать.

Всегда покладистый до покорности, Максим объявил:

— Выбирая между Майей и родителями, я выбираю Майю.

— Кааак? — потерянно протянула Антонина Петровна.

— Окажешься на улице без копейки денег и примешь верное решение, — заключил отец.

— Я уже принял, — ответил Максим, собрал вещи и ушел.

— Ты в своем уме? Ведь вся наша собственность записана на него, — растерянно произнесла Антонина Петровна.

— Я в пылу спора как-то не подумал, — ответил Вячеслав Николаевич и сник, сделался жалким, как часто бывало в критических ситуациях его жизни.

— Ладно, я что-нибудь придумаю, — сказала Антонина Петровна. По всему было видно, что в ее голове уже появился коварный план.

Когда на ее пороге оказался Максим с чемоданом, Майя спросила:

— Ты куда-то уезжаешь?

— Нет, я переезжаю к тебе, начнем жизнь с трудностей и достигнем всего сами, — ответил он и переступил порог.

Говоря так, Максим лукавил — он прекрасно знал о фантастической сумме на его счетах.

На следующий день они подали заявление в ЗАГС и приобрели туристические путевки.

Под предлогом женитьбы оба досрочно сдали сессии и отправились в предсвадебное путешествие по Индии. Максим, желая очаровать Майю, разработал индивидуальный маршрут, стремясь в одной поездке показать ей самые драгоценные жемчужины Индии.

Восторгу Майи не было предела. Она первый раз летела в самолете, первый раз выезжала за пределы Петербурга, первый раз отправлялась в путешествие. Все было впервые, волнительно и непредсказуемо.

Вылетели ночью, над облаками встретили рассвет. Земля с высоты восхищала и очаровывала. Заснеженные равнины сменялись зеленым лесным массивом, горы — морями, а над Пакистаном и вовсе на земле возник лунный пейзаж с причудливыми завихрениями всех цветов радуги. Майя сидела у окна, то и дело призывала Максима взглянуть в иллюминатор и по-детски обижалась, когда он не разделял ее восторгов.

В бизнес-классе летела шумная компания мужчин — то ли бизнесменов, то ли бандитов. В середине полета они выдвинулись в эконом-класс и стали приглашать на веселье девушек. Пригласили и Майю; та деликатно отказалась. Настойчивые попытки продолжались, Майя реагировала все жестче. В конце пути ее навязчивый обожатель предпринял иную тактику. Он наговорил кучу

комплиментов по поводу красоты Майи и мужественности Максима, закончив похвалы словами:

— Полагаю, ты, как настоящий мужик, играешь в карты. Пойдем, перекинемся.

Майя не решилась остановить Максима, и он купился. Перед самой посадкой Максим вернулся, потрясая пачкой долларов и, довольный, уселся со словами:

— Позвали играть, а играть не умеют.

В Гоа прилетели в середине дня. Бросили вещи в номер и побежали к морю. Оно недружелюбно ревело и в неистовстве бросалось на берег. Висел красный флаг, указывающий на запрет купания, но приехавшие россияне, большей частью нетрезвые, дружно ринулись в морскую пучину. Волны сбивали смельчаков с ног и выбрасывали на берег, но те вновь и вновь устремлялись в море.

Максим нежно взял Майю за руку, и они медленно вошли в воду. Их тут же накрыло волной. Не желая искушать судьбу, они легли на песок, куда докатывалась лишь морская пена. Жаркое солнце медленно проплывало по небу благословенной Индии.

— Как-то в детстве я читала рассказ, как индийские юноша и девушка влюбились друг в друга, но он был брахманом, сыном раджи, а она шустрой — дочерью простого рыбака. Кастовый закон препятствовал их счастью. Юношу женили

на другой девушке. Обезумев от горя, дочь рыбака бросилась в бушующие волны и растворилась в морской пене. С тех пор морская пена вот так, как нас сейчас, ласкает влюбленных.

— Майя, ты понимаешь, что сегодня мы не просто встретим здесь в Индии Новый год, мы встретим здесь новую жизнь, ведь через какой-то месяц мы станем мужем и женой.

— А по мне мы уже давно муж и жена, — ответила Майя. — Муж и жена, ожидающие ребенка.

— Что?!. — радостно вскричал Максим, — что же ты мне раньше не сказала?

— Я окончательно убедилась в этом только перед самой поездкой и все не находила повода сказать об этом, а здесь, на берегу моря, как-то произошло само собой.

— Майя, любимая, дорогая, ты не представляешь, как я счастлив!!! Это срочно надо отметить!

Зашли в кафе, расположенное у самого моря. Впрочем, кафе это можно было назвать условно. Огромный брезент был натянут над столиками и креслами, сплетенными из камыша. За бамбуковой стеной располагалась кухня.

Едва уселись, подошел хозяин и, как бы между прочим положив на стол меню, стал предлагать часы, драгоценности, кашемировые платки, шкапулки, ракушки и всякую всячину. Предложение было настолько мягким и услужливым, что не-

удобно было отказываться, и восторженный Максим набрал множество не нужных им вещей.

Смеясь, тыкали пальцами в меню, указывая на незнакомые блюда национальной кухни. Через мгновение, словно их здесь специально ждали, стол был заставлен яствами, помещенными в ананасы, кокосы и банановые листья. Огромный краб занимал полстола.

— Думаю, нам этого не съесть до конца отдыха, — восторженно протянула Майя.

В ответ Максим усадил за стол обескураженного хозяина и пригласил официантов. Те с удовольствием разделили их трапезу, и завязался живой разговор людей, знавших друг друга целую вечность. Официанты, отлично говорившие по-английски, из желания угодить клиентам переходили на русский, проявляя при этом завидную осведомленность о жизни в России.

Быстро стемнело. Небо затянулось черной шалью с зияющими отверстиями, сквозь которые пронзительно пробивались яркие звезды. Весь вечер Майя с Максимом бродили по пустынному берегу. Лишь далеко на горизонте сверкали огни соседнего отеля.

Ближе к полуночи направились на новогодний ужин. Майя в вечернем наряде выглядела неотразимо. Купленное Максимом в подарок на Новый год длинное строгое платье подчеркивало ее безукоризненную фигуру. Слегка вьющиеся шелковистые волосы спадали на округлые плечи. Ее красивое лицо, тронутое жарким южным солнцем, светилось детской радостью. Максим, хоть

и напоминал своей бабочкой официанта из дорогого ресторана, был строг и элегантен. Все обращали на них внимание. Во-первых, это была пара и, во-вторых, — очень красивая пара.

Во время новогоднего вечера к ним то и дело подходили «друзья» из самолета и, обращаясь к Максиму «везунчик», приглашали на игру в покер. Когда вернулись в номер, он буквально ускользнул из ее объятий, отправившись играть в карты.

Майя с тревогой ждала его почти до утра. Ее охватила легкая дрема, но тут вернулся сильно возбужденный Максим. Он подошел к кровати и стал осыпать Майю купюрами, доставая их из разных карманов. Он чувствовал себя победителем.

— Ну не везунчик ли я! — воскликнул он и сам себе ответил. — Конечно, да — я выиграл почти десять тысяч долларов!

И увидев напуганное лицо Майи, добавил:

— Везунчик, еще какой, только везунчик мог повстречать такую умницу и красавицу. Ты, конечно, простишь меня за длительное отсутствие.

Майя кротко улыбнулась и нежно обняла Максима.

— Это такие несущественные мелочи. По большому счету я счастлива, потому что у нас все хорошо.

Через час за ними пришла машина, и они отправились в поездку по маршруту Дели — Агра — Кхаджурахо — Варанаси.

Прилетели в Дели. В аэропорту их встречал импозантный, как с экрана болливудского фильма, молодой человек.

— Меня зовут Аниш, — представился он. — Я буду сопровождать вас в Дели и Агре, а затем отправлю в Кхаджурахо.

Его голос звучал откуда-то сверху мягко и вместе с тем выразительно. Говорил он так артистично и предметно, что за его короткой фразой ярко просматривалось величие столицы, романтизм памятника любви и сдержанный эротизм Кхаджурахо.

Представились в свою очередь Майя и Максим.

— У Вас красивое индийское имя, — заметил Аниш.

— Как индийское? — опешила Майя.

— Так звали мать Будды, так называют священный город Харидвар, где находится древний храм матери богов Майи.

— Вот-те на, — иронично заметил Максим. — Надо было приехать в Индию, чтобы узнать, что ты носишь имя матери богов.

— Чтобы не тратить время попусту, предлагаю прямо сейчас провести обзорную экскурсию, тем более ваш отель находится в другом конце города, а уже после этого поселиться. Завтра предстоит долгий путь, день будет эмоционально затратным, так что вам надо как следует отдохнуть.

Аниш держался с таким достоинством и так академично вел экскурсию, что Майя с Максимом

ни разу не решились задать вопрос, хотя и без вопросов все было предельно понятно.

Они ожидали экзотики и сполна ее получили, но их поразила современная архитектура новой части Дели. Этот контраст величественной древности и грандиозной современности изумлял и потрясал.

В путь отправились ранним утром на «Тойоте» представительского класса. Аниш одновременно выполнял функции гида и водителя.

— Присутствие лишнего человека зачастую обременяет, — объяснил он свое явление в двух лицах.

Дорога поражала и восхищала. Большой Дели тянулся несколько километров, и весь этот путь вдоль дороги они наблюдали ужасающую нищету. По десятку и более, словно в цирковом представлении, выползали из коробок люди, где ютились всю ночь. Изредка встречающиеся ветхие хижины на их фоне казались дворцами. Вся жизнь этих людей проходила здесь же, у дороги. Здесь, прямо на кострах, они готовили пищу, бросая в огонь все, что попадало под руку, большей частью жутко дымящий пластик. Здесь они что-то мастерили, шили, мылись, стирали. Местные цирюльники расставляли свои принадлежности и артистично брили и стригли клиентов.

Пригородный пейзаж утлых лачуг сменился экзотической сельской местностью с работающими на полях крестьянами, водоносами, слонами и повозками, запряженными буйволами. На опушках немногочисленных лесных массивов безмятежно паслись антилопы.

Когда Максим сокрушался по поводу того, что не успел что-то снять на видеокамеру, Аниш услужливо съезжал на обочину дороги со словами:

— Мы никуда не спешим и можем остановиться в любой момент.

Вдоль дороги двигалась вереница женщин в ярких красных сари с огромными медными кувшинами на головах. Это было красочное зрелище, и Аниш остановился по собственной инициативе. Максим вышел и начал было снимать, но женщины запротестовали. Видимо, самая старшая обратилась к Анишу, и тот, смеясь, перевел:

— Они просят за съемку по десять рупий каждой. Если хотите, можете дать по пять, они будут счастливы.

Максим дал переговорщице сто рупий, и стайка из пятнадцати живописно одетых женщин устроила грандиозную фотосессию, сопровождая ее пением и танцами.

— Таких живых, колоритных фотографий и видеок кадров у меня в жизни не было. Смотри, Майя: будь ты в сари, ты бы ничем не отличалась от этих красавиц.

Аниш сказал им, что в селе сегодня свадьба, и эти деньги, немалые для сельских жителей, они подарят невесте.

— Аниш, — спросила Майя, — а как женятся и выходят замуж в Индии?

— В Индии более восьмидесяти процентов индуистов и около двадцати процентов буддистов, сикхов, мусульман и христиан. Последние женятся по своим обычаям, а что касается индусов, или индуистов — это те индийцы, которые проповедуют индуизм — они безоговорочно женятся, как того требует традиция. Брак детей — это забота мамы. Именно мама ищет сыну невесту, исключая те случаи, когда о браке детей договорились еще в раннем детстве или сразу после рождения. Правда, в таком случае и браки заключаются чуть ли не в десять лет, однако это происходит все реже. Так вот, находит мама невесту, причем обязательно исповедующую индуизм, обговаривает с ее мамой все детали, и вместе они направляются к брамину, который составляет их астрологические карты и дает заключение по поводу благоприятности или неблагоприятности брака. Кроме того, он указывает дату бракосочетания.

— Так это же может быть будний день, — изумилась Майя.

— Да хоть так нелюбимая европейцами пятница, тринадцатое. Для этого союза это будет самый благоприятный день.

— Ну, предположим, брамин указал на неблагоприятность союза. Можно этим пренебречь? — спросил Максим.

— Можно, но кто захочет обрекать своих детей на плохую карму? Проще найти другую невесту. И ищут. Во всяком случае, мне не известны

ситуации, когда вопреки предостережениям брамина брак заключался. Даже деловые намерения отменяют.

— Что значит «деловые»? — уточнил Максим.

— Ну, это когда в интересах бизнеса объединяются две семьи. Или, скажем, родители хотят выдать свою дочь с ярко выраженными физическими недостатками и ищут претендента среди низких слоев населения.

— Случается и такое? — наивно заметила Майя.

— Такое случается всегда и везде, — почти оправдываясь, ответил Аниш.

— А если невеста не понравится сыну, он всю жизнь проживет с женщиной, которая ему неприятна? — возмутился Максим.

— Во-первых, каждая мама любит своего сына и желает ему любви и счастья. Во-вторых, мама безусловно знает вкус своего сына. Ну и наконец, если быть до конца откровенным, то стоит признать, что многие современные мамы берут на себя грех и показывают фотографии невест. А моя мама как бы невзначай сообщила мне адрес, и прежде чем было принято окончательное решение, я украдкой «подсмотрел» свою невесту. Причем она мне так понравилась, что я не спал несколько ночей из страха, что наш союз окажется неблагоприятным и астролог не даст на него добро.

— В России я встречал индийцев, женатых на русских. Получается, что они нарушили традицию и обрекли себя на плохую карму? — поинтересовался Максим.

— Эти индийцы могли быть не индусами, а мусульманами или христианами, и тогда они ничего не нарушили, но если они индуисты, то в следующей жизни они, безусловно, получат плохую карму, а в этой жизни, чтобы зло не распространилось на всех родственников, вся семья, весь род отрекается от такого человека. Впрочем, в 1995 году верховный суд Индии обозначил условия, при которых неиндус может стать индусом, однако далеко не все брамины согласились с этим. Лично я считаю, что индуистом может быть только индиец, это национальная религия. К европейским кришнаитам, приезжающим в Индию, да еще так забавно отправляющим религиозные обряды, мы относимся как к ряженым, с сочувствием, но и с уважением.

— А имеет ли значение в современной Индии принадлежность к той или иной касте при заключении брака? — спросил Максим.

— Конечно не так, как сто лет назад, когда никому и в голову не пришло бы поженить брахмана с шудрой, но имеет, как, впрочем, во всем мире. Это только в последние десять-пятнадцать лет европейские принцы стали жениться на официантках, а раньше такие союзы сопровождались грандиозными скандалами. По индуистским канонам все индусы разделены на четыре касты, на санскрите «варна», что переводится как «цвет». Даже теперь кожа у брахманов, представителей высшей касты учителей и священнослужителей, хоть немного, но светлей. За ними идут кшатрии — воины и правители, вайшьи — земледельцы, тор-

говцы, предприниматели и шудры — слуги и рабочие. В каждой из этих каст есть деление на сотни подкаст, определяющих статус и род занятий. Вне этой кастовой системы находятся неприкасаемые. Если представители низших каст, включая неприкасаемых, будут смиренно терпеть лишения, стойко переносить все тяготы судьбы, то они смогут улучшить свою карму и в следующей жизни занять более высокое положение. Как, впрочем, и наоборот. Формально деление на касты отменено в 1948 году и находится вне закона, но, думаю, вы не раз увидите презрительное отношение к неприкасаемым.

— Аниш, а правда, что в индуизме после смерти мужа вдова должна совершить акт самосожжения? — спросила Майя.

— Этот обряд называется «сати» и является свидетельством любви к своему мужу. Опять же, сила его заключается в том, что он освобождает обоих супругов от всех грехов. То есть в следующем своем рождении оба они рождаются с чистой кармой. В религиозных текстах сати упоминается исключительно как похвальный обряд. Поэтому, естественно, мужская часть населения всегда была заинтересована в сати, и когда много веков назад этот обряд, который до того был исключительно добровольным, стал исполняться не всегда, его сделали принудительным. Еще с конца восемнадцатого века европейские колонизаторы пытались препятствовать этой традиции, а около тридцати лет назад были приняты законы, по которым его участники подвергаются

уголовному преследованию. Несмотря на это, последнее публичное самосожжение произошло совсем недавно — в 2006 году, а в глубинке они происходят и сейчас. Надо заметить, что жизнь вдовы и по сей день является тяжелой. На них предпочитают не жениться, их присутствие где-либо является дурным знаком. Часто их изгоняют из семьи, и они вынуждены попрошайничать, чтобы выжить. Словом, ореол неблагоприятности вокруг вдов все еще не изжит.

Большая часть пути проходила по скоростной трассе Великих Моголов. При обгоне водители торжествующе долго сигналили тем, кто оставался позади. Украшенные, как новогодние елки, грузовики болезненно переживали обгон и долго ревели вдогонку.

— Традиция, однако, — смеясь, заметил Максим.

На пятом часу пути въехали в Агру. Двух-трехэтажный город вмещал в себя около двух миллионов людского населения, бесчисленное количество наглых обезьян, изымающих у людей все, что им нравилось, и тысячи коров, разгуливающих с глубокомысленным видом там, где им заблагорассудится.

— Агра, — начал повествование Аниш, — имеет древнюю и богатую историю. Основанная в пятнадцатом веке, на протяжении двух ве-

ков она была столицей империи моголов, завоевавших почти всю Индию. Средневековая Индия состояла из нескольких десятков небольших государств. Их владыки, раджи и махараджи, бесконечно враждовали друг с другом, и слабая Индия часто становилась жертвой завоевателей. В одиннадцатом веке в Индию вторглись мусульмане и к тринадцатому веку захватили весь север страны, где создали Делийский султанат. После вторжения в Индию Тимура султанат стал распадаться, и к шестнадцатому веку его потомок Акбар, гробница которого расположена неподалеку в пригороде, создал империю Великих Моголов со столицей в Агре.

— Туристы из России говорят, что Тимур был русским, это так? — неожиданно спросил Аниш.

— Вероятно, они имели в виду то обстоятельство, что основатель династии Тимуридов Тамерлан, этот железный хромец, завоеватель мира, был родом из Самарканда. Это узбекский город, но относительно недавно Узбекистан входил в состав Советского Союза, так что русские действительно находятся в некотором историческом родстве с Тимуром, — попытался сгладить великодержавный шовинизм новых русских Максим.

— Какой ты умный, — улыбнулась Майя, обняв Максима.

— Будущий дипломат все же, а не хухры-мухры, — отшутился он.

— Расцвет империи приходился на внука Акбара — Шах-Джахана, — продолжал Аниш. — При нем империя достигла высшего великолетия

в архитектуре, венцом которого стал Тадж-Махал. Могущественная империя Великих Моголов покорила почти всю Индию и распростиралась до Бенгальского залива. Сегодня в оставшееся время предлагаю посмотреть форт Агры, а завтра без спешки посетим Тадж-Махал.

Возражений не последовало, и Аниш повез их в крепость.

Построенный шахом Акбаром в середине шестнадцатого века Красный форт походил на крепость лишь снаружи. Внутри хмурой и непривлекательной внешне цитадели, окруженной глубоким рвом, были сады и богато украшенные драгоценными и полудрагоценными камнями дворцовые помещения.

— Три столетия он был резиденцией правителей Великих Моголов и постепенно превращался из крепости во дворец, — пояснил Аниш.

Обошли белоснежную Жемчужную мечеть, прогулялись по прохладным виноградным садам, посидели у бассейна, прошлись по дворцовым помещениям и направились в Жасминовую башню. Вошли в небольшую комнату, усеянную вмонтированными в стены маленькими зеркалами. Из ее окна открывался вид на дворец Тадж-Махал.

— Вам, безусловно, в общих чертах известна история любви Шах-Джахана, завтра я буду подробно об этом рассказывать. Сегодня лишь скажу, что когда сын Шах-Джахана сверг с престола отца, он поместил его вот в эту комнату. Повернитесь спиной к окну, встаньте в любую точку комнаты, и вы непременно найдете зеркало, отражающее

дворец. Шах-Джахан смиренно принял превратности судьбы, попросив сына только об одном: вмонтировать в стены зеркала, чтобы безутешный шах ни на минуту не терял из поля зрения образ дворца, где покоится его любимая.

Для своего погребения Шах-Джахан мечтал построить на другом берегу реки Ямуны, прямо напротив Тадж-Махала, точно такой же дворец, только из черного мрамора. Его мечтам не суждено было сбыться. Через семь лет заточения он умер и был погребен рядом с возлюбленной Мумтаз.

Устроились в отеле и решили прогуляться по улочкам вечерней Агры.

Навязчивые торговцы буквально затаскивали их в магазины и предлагали товары с непременным требованием померить, потрогать, попробовать и, не наблюдая никакой эмоциональной реакции, снижали цены в два-три раза. Это было забавно, так как цены и в первом варианте были до смешного низкие. Максим иногда шокировал торговцев, предлагая начальную цену, те же, отказываясь понимать нелепость сложившейся ситуации, с неистовством предлагали еще более низкую цену и без всякого удовольствия продавали товар по первоначально обозначенной высокой цене.

Зашли в ювелирную лавку и стали разглядывать украшения. Девочка лет пяти подставила

к витрине стульчик, выбрала колье с сережками и надела их на Майю.

— Как мило, — заметила та, — и ведь со вкусом выбрано.

С этими словами Майя стала снимать украшения, но девочка активно запротестовала, не давая этого сделать, а когда ее упорство не возымело успеха, она расплакалась.

— Ну как здесь не купить! — рассмеялся Максим. — Что мы вам должны?

Аниш стал ругать хозяев, те лишь невинно разводили руками и повторяли: «Три тысячи долларов, три тысячи, три тысячи...»

Максим, пытаясь придать своему лицу безразличный вид, полез за карточкой, Майя, оказавшись в неловкой ситуации, зарделась. Аниш скомандовал:

— Не вздумай платить, будем торговаться, здесь так принято.

Долго торговались, то и дело театрально устремляя руки к небесам, наконец, договорились о семистах долларов. Все пожали друг другу руки и разошлись с чувством великого облегчения.

Аниш стал отчаянно извиняться.

— Это мусульмане: индусы никогда бы не научили ребенка такому трюку. Конечно, можно было торговаться и дальше, но они пристыдили меня, спросив, кто мне дороже — иностранцы или соотечественники? Это реальная цена. Это изумруды и бриллианты в золоте. Я знаю, в России такие вещи значительно дороже.

Анишу нужно было зайти в местную туристическую компанию, и они попрощались до завтра.

Майя с Максимом подошли к магазину, где продавали национальную одежду для женщин. На улице у входа, вопреки привычной картине, не было никаких зазывал. В роскошно оформленной витрине, как живые, стояли манекены, одетые в яркие одежды. Майя взяла Максима за руку и повела в бутик.

У входа их встретила пожилая женщина благородного вида. Поприветствовав гостей традиционным поклоном, она усадила их на диван и предложила напитки. Когда обнаружилось, что молодые люди свободно говорят на английском, завязался разговор об истории Индии и ее традициях. Хозяйка магазина по имени Пунита была поражена осведомленностью Майи в тонкостях индийской культуры.

— Позволю себе спросить, в чем причина такого пристрастия? — осведомилась она.

— Никаких причин, кроме той, что я ощущаю себя индианкой, нет, — ответила Майя.

— А знаете ли Вы, что Вы носите индийское имя? — кротко поинтересовалась Пунита.

— Да, мне поведал об этом наш гид, но причина, по которой мне дали такое имя, мне не известна: я сирота.

— А знаете ли Вы, что оно означает?

— Аниш-наш гид сказал, что так звали богиню, — ответила Майя.

— Имя Майя имеет глубокий теологический смысл, означающий иллюзорность бытия вселенной. По индуистским уложениям единственная реальность — это Брахман, а все остальное

мая — иллюзия, мир страданий. Но спасение приходит через познание и озарение. Вы призваны в этот мир, чтобы выстрадать и получить великое озарение.

— Так хорошо это или плохо? — спросил Максим.

— Как и весь мир, — глубокомысленно ответила Пунита.

— Дайте вашу руку, — с нежной улыбкой произнесла она, как если бы говорила: «Будьте любезны, возьмите, пожалуйста».

Эту редчайшую способность — просить с интонацией предложения божественного дара — Майя никогда в своей жизни не встречала. Здесь, в Индии, даже нищие просили подаяние так кротко, с таким стремлением дать, а не взять, что Майе хотелось заглянуть в маленькую ладошку нищего, чтобы увидеть, какое же сокровище ей предлагают.

Пунита пристально рассмотрела левую ладонь, потом правую, потом снова левую, порывалась что-то сказать, затем резко встала и произнесла:

— Я знаю, что вам нужно, — и, извинившись перед Максимом, повела Майю в примерочную комнату.

Через несколько минут из примерочной вышла божественной красоты индианка и направилась к Максиму. Заметив стремительное движение девушки в свою сторону, он пристально в нее всмотрелся. И когда она подошла к нему вплотную со словами «Ну, как я тебе?», лишь тогда по голосу узнал свою Майю.

— Не может быть, — нараспев, с придыханием произнес ошеломленный Максим. — Превосходно, восхитительно, сказочно величественно! Берем, берем, не снимай, в этом и пойдешь.

На ней было классическое индийское сари, не повседневное, а определенно праздничное.

— Это одежда невесты, но не свадебная, а та, что она носит перед свадьбой, — заметила Пунита.

— Сколько я Вам должен? — спросил Максим.

— Нисколько, это мой подарок Майе, она апарадхи¹.

Последнее слово Пунита произнесла на хинди.

— Что-что? — не понял Максим.

— Во апарадхи, — повторила та и удалилась.

Наступила томительная пустота, ощущение праздника вдруг улетучилось, как дым от благовоний.

— Что она тебе сказала? — спросил Максим.

— Ничего, — ответила Майя, — просто молча одевала меня в одежды, словно специально приготовленные для меня, и делала макияж.

Только теперь Максим понял, почему он совершенно не узнал ее. Никогда не прибегавшая к макияжу Майя была с густо обведенными черной тушью глазами. На лбу между бровями пестрел ярко красный бинди. И без того большие карие, всегда влажные, словно она только что перестала плакать, глаза Майи, были таинственно прекрасны, но теперь, красота эта вызывала ощущение трагизма.

¹ Обреченная.

Ситуация становилась нелепой, и они вышли из магазина. Шум автомобилей и оживленный гам прохожих скоро вывел их из оцепенения и, счастливые, они пошли по вечерней Агре, крепко взявшись за руки.

Все оборачивались на эту прекрасную пару влюбленных, не скрывая восхищения. У индусов, однако, прочитывалось непонимание, граничащее с осуждением — ведь она, безусловно, была индуской, а он — явным европейцем, что в Индии все еще считается недопустимым.

Утром Максим проснулся от душераздирающего крика Майи. Он разбудил ее и спросил:

— Что случилось?

— Мне приснился страшный сон. Мы летим в самолете, а вокруг нас белые, как молоко, облака, и ты говоришь: «А хочешь, я домчу тебя до Индийского океана на облаке?» — «Хочу, конечно, хочу», — почти кричу я в порыве счастья. Ты открываешь дверь самолета, и мы запрыгиваем на проплывающее мимо облако. Солнце светит так ярко, что слепит глаза, мы бегаем с тобой, как дети, дурачимся, и вдруг ты соскальзываешь и падаешь вниз. Я, не задумываясь, бросаюсь вслед за тобой, и меня охватывает ужас. Полет леденит тело и буквально вытягивает душу. Да, да, душу. Я вижу свое тщедушное, летящее вниз тело и ощущаю, как душа моя стораает, подобно комете,

и мне нестерпимо больно. Страх и отчаяние мучили меня до тех пор, пока я не проснулась.

— Да не обращай ты внимания на эти дурацкие сны, — ответил он, — смотри как нам хорошо и радуйся жизни.

Оказалось, что отель расположен неподалеку от Тадж-Махала. Подошли к дворцовому комплексу. Аниш начал рассказ, словно магическое заклинание.

— Через минуту вы увидите Тадж-Махал — величественный и легендарный, нежный и романтический. «Слеза на лице вечности», — так метко назвал Тадж-Махал Рабиндранат Тагор в связи с историей любви могольского правителя Шах-Джахана к своей жене Арджуманад Ману Бегам, которую за ее красоту называли Мумтаз Махал, что означает «украшение дворца». Во время родов четырнадцатого ребенка Арджуманад Ману Бегам умерла. Чтобы выразить свою любовь и горечь от потери, Шах-Джахан повелел построить в память любимой жены мавзолей, с которым по своей красоте не могло бы сравниться ни одно сооружение в мире. Через двадцать два года был возведен дворец, величие и красоту которого невозможно передать словами. И именно поэтому вы здесь, и через мгновение вашему взору откроется «Венец Дворцов» — так переводятся с хинди слова Тадж-Махал. Закройте глаза и доверьтесь мне.

Через несколько шагов Аниш попросил открыть глаза. Они стояли перед огромными арочными воротами, символизирующими вход в рай. В центре арки в отдалении виднелся маленький, почти воздушный беломраморный дворец, который приближался и рос с каждым шагом входящего в арку, открывая взору гармоничные минареты и ажурные мраморные решетки. Окутанный голубоватой дымкой утреннего тумана, Тадж-Махал был подобен миражу.

От арки до дворца тянулся водоем, в котором отражалось это величественное сооружение. По сторонам от водоема стояли кипарисы, а за ними простирались цветущие сады. От волнения у Майи сдавило горло и перехватило дыхание. Она достала открытку с изображением дворца и сквозь выступившие слезы прочла на обороте.

«На память моей прекрасной индийской принцессе в день рождения!

Майя, я мечтаю поскорей вырасти и отвезти тебя в этот самый красивый в мире дворец. Твой родной братик Илюша».

В это самое мгновение она услышала пронзительное: «Майя-а-а». От группы молодых людей, стоявших в отдалении, отделился юноша и бросился к ней. Не понимая, кто кричит, Майя устремилась ему навстречу.

Это был Илья — единственный во вселенной родной человек. Они обнялись и, не отпуская друг друга, словно страшась, что их вновь разлучат, как створившись, произносили одни и те же слова: «Эты, не может быть, не может быть, не может быть».

Майя показала Илюше открытку, и они разрыдались, не сдерживая эмоций. В этих слезах радость встречи перемешивалась с отчаянием утраты самого близкого человека. Сострадательные индийцы окружили их плотным кольцом и молча смотрели на эту трогательную картину. Многие плакали, не понимая в чем дело, подходили и, прикасаясь к их головам, что-то говорили. Эти непонятные слова были настолько добрыми и участливыми, что девочки из группы Ильи тоже расплакались.

— Это мой брат — Илья, — нарушила томительное ожидание окружающих Майя.

Вероятно, то же самое сказал по-французски Илья, и все бросились обнимать и целовать их.

— Ну почему ты не писал? — с обидой спросила Майя.

— Я писал, писал целый год, иногда каждый день, я даже, заподозрив родителей в нежелании нашего общения, сам отправлял конверты, но ответов не получал.

— Я так и думала, — сказала Майя и вновь заплакала. — Познакомьтесь, это мой жених Максим, у нас предсвадебное путешествие, по возвращении домой мы поженимся.

Илья в этом году поступил в университет на искусствоведческий факультет и на рождественские каникулы отправился с группой энтузиастов и фанатом Индии профессором Жаком в «большое индийское путешествие».

— Наша поездка завершена, и это последняя экскурсия. Рассказывать будет гениальный Жак,

он знает Индию лучше любого аборигена. Как у тебя с английским, не забыла?

— Я учусь на переводчика.

— А у твоего друга?

— У него хороший разговорный, а что?

— Превосходно, я попрошу Жака рассказывать на английском. Думаю, ради такого случая ребята возражать не будут, и мы с тобой проведем эти счастливые часы вместе.

Артистичный Жак говорил так эмоционально, подробно и убедительно, как будто он был свидетелем всех упомянутых им событий.

Между делом Майя и Илья рассказали друг другу про всю свою жизнь, обменялись всевозможными адресами и поклялись больше никогда в жизни не теряться.

Восхищенный экскурсией Аниш перед прощанием нарочито громко спросил Жака:

— Сколько я должен вам за мастер-класс?

Все разошлись, возбужденные пережитыми событиями.

— Сегодня самый счастливый день в моей жизни, — заключила Майя.

— А я для тебя ничего не значу? — с обидой произнес Максим.

— Все это произошло не со мной, а с нами. Иначе я себя и не воспринимаю.

Теперь уже Максим едва сдержал слезы от умиления и заключил Майю в объятия.

Самолет в Кхаджурахо летел так низко, что на земле видны были дома, автомобили и повозки. С высоты птичьего полета создавалось впечатление, что Индия — это сплошной населенный пункт с изредка встречающимися огородами. Именно огородами, а не полями — настолько малы были выгороженные участки земли. Рассматривая туристический проспект Кхаджурахо, Максим пытался шутить по поводу скульптур на храмах любви, но, не поддержанный Майей, стал вместе с ней любоваться земным пейзажем.

В аэропорту их встретил милостивый юноша, на вид лет шестнадцати. Он подошел к Максиму и спросил:

— Вы — русские из Санкт-Петербурга?

Выделить их из небольшой группы пассажиров было несложно. В самолете кроме них было четверо англичан, все остальные индийцы. Тем не менее, Максим иронично заметил:

— Или он из местного КГБ, или мы слишком русские.

И, стараясь улыбаться по-европейски, ответил:

— Да, да, мы из России.

— Максим и Майя, — утверждающе спросил юноша и, не дожидаясь ответа, представился. — Меня зовут Сабхаш, я буду вашим гидом в Кхаджурахо, следуйте, пожалуйста, за мной.

Он взял сумку из рук Майи и направился к выходу. Держался он по-английски педантично

и говорил, как артист русского академического театра. Сели в машину, и на протяжении всего пути Сабхаш не произнес ни слова.

Кхаджурахо оказался небольшой туристической деревушкой, рассредоточенной вокруг трех групп храмов, все жители которой бойко занимались туристическим бизнесом.

Приехали в отель, построенный в классическом индийском стиле. Фонтан и многочисленные искусственные водопады приятно журчали и источали прохладу.

— Слушай, мы ему явно не нравимся, — с обидой сказала Майя.

— А почему ты так решила?

— Ну посмотри, как тепло, доброжелательно он общается с соотечественниками и как натянуто и холодно — с нами.

В это время Сабхаш, со смехом обсуждавший что-то на ресепшене, развернулся к ним, напрягся и по-полицейски сурово произнес:

— Ваши паспорта.

— Действительно, — протянул Максим и отдал ему паспорта.

Начали заполнять карточки для заселения в отель.

— Сабхаш, скажите, пожалуйста, мы выбываем из отеля пятого или шестого числа? — спросил Максим.

Сабхаш молчал. Максим повторил вопрос. Сабхаш напрягся всем телом и произнес:

— Я Вас не понимаю.

— По программе мы здесь два дня, а на тре-

тый день мы в Варанаси, но когда мы отсюда выезжаем, пятого января вечером или шестого утром, нам неизвестно. Так что писать в карточке?

— Я Вас не понимаю, — четко разделяя слова, с дрожью в голосе повторил Сабхаш.

Максим подошел к портье и задал ему вопрос по-английски. Сабхаш оживился, ответил на вопрос и пояснил, что он не знает русского языка. Конфуз был развеян.

Расположились в отеле, позавтракали и отправились на экскурсию.

— Кхаджурахо — огромный храмовый комплекс в центральной части Индии. Всемирную известность он приобрел большей частью благодаря скульптурам, которые изображают сцены из Камасутры. Существует легенда, что Чандраварман, основатель династии Чандела, родился от союза божества Луны и дочери брахмана. Однажды бог Луны Чандела увидел купающуюся в реке молодую девушку Хеммавати. Ее красота поразила бога. Он воспылал к ней страстью, сошел на землю и соблазнил ее. Перед возвращением в небесное царство Чандела пообещал Хеммавати, что она родит сына, который построит большой храм, достойный их неземной любви. У Хеммавати действительно родился сын, вырос и стал правителем. Однажды, уже после смерти матери, ему приснился сон, в котором мать повелела построить храмы, выражающие

страсти любви и тщетность человеческих желаний. Чандраварман выполнил пожелание покойной матери и начал строительство храмового комплекса. Все строения были возведены в IX–XII веках, — голосом робота начал рассказ Сабхаш. Говорил он как по писаному, но некоторые слова были совершенно непонятны. Причем дальше — больше. Он казался им жалким и нелепым. Почувствовав это, Сабхаш сконфузился, его детское лицо вмиг постарело, и он вконец потерялся.

— Династия Чандела правила Кхаджурахо до начала 13-го века, постепенно утрачивая свое могущество в результате мусульманских набегов. Долгое время храмовый комплекс был заброшен, постепенно природные силы разрушили храмовые постройки. Только в 1838 году британский инженер случайно обнаружил в джунглях удивительное место под названием Кхаджурахо. Из восьмидесяти строений храмового комплекса до нас дошли только двадцать два. Все храмовые постройки разделены на три группы в зависимости от их местоположения. Западная группа построек, где мы сейчас находимся, является самой большой. Каждый храм архитектурного комплекса состоит из четырех частей: входного портика, павильона для молящихся, центрального зала и святилища. Для архитектурных сооружений Кхаджурахо характерно наличие изысканной скульптуры. Это самая притягательная особенность Кхаджурахо.

— Слушай, — обратилась Майя к Максиму. — А почему бы ему не вести экскурсию по-английски? Предложи!

Вконец расстроившийся Сабхаш оживился, воспрянул духом и рассказал им, что полгода назад он окончил университет и стал изучать русский язык, который оказался таким сложным, что ему проще было выучить отдельные фразы и весь текст экскурсии на память. Сегодня его первый рабочий день в новом качестве и первая экскурсия на русском языке. Максим не удержался и прыснул со смеха.

— На английском языке я веду экскурсии еще со студенческих лет, — успокоил их Сабхаш. — Мои родители работают здесь экскурсоводами, так что я с раннего детства знаю Кхаджурахо, как свою квартиру.

И историю, и искусство, и религию Сабхаш действительно знал превосходно. Он пять часов с самозабвением рассказывал им в деталях историю храмового комплекса. Храмы Кхаджурахо потрясли воображение своей ажурной величественностью и разнообразием сюжетов. Здесь были барельефные и скульптурные изображения богов и их окружения, помещенные исключительно на фасадах храмов, в строгом соответствии с индуистскими предписаниями. Отдельно были изображены правители и их семьи, придворная жизнь с учителями и учениками, танцовщицами и музыкантами. Животный мир был представлен слонами, верблюдами, лошадьми, обезьянами, попугаями и другими зверями и птицами.

Но особо выделялись пары и группы, вовлеченные в страстные эротические сюжеты. Скульптурные композиции храма Кандария Махадева,

отражая философию, психологию и физиологию человеческой любви, повествовали о различных способах и позициях занятий сексом. Выполненные с шокирующей откровенностью, они отличались филигранной точностью в изображении формы тела, позы, мимики. Некоторые из представленных здесь групповых эротических сцен были весьма экзотичны, особенно сцены с животными. Небольшого размера (около пятидесяти сантиметров в нижних рядах храмов и не более метра-полутора в верхних), эти каменные изваяния передавали жаркое дыхание любви, желания и страсти. Они были как живые, и оттого вызывали некоторое смущение.

— Ты знаешь, — шепнула Майя Максиму на ухо, — а я чувствую здесь какую-то неловкость, у меня ощущение наготы, особенно когда рядом находится чужой мужчина, даже если он с женщиной.

— Любопытно, у меня наоборот, просыпается похотливость хозяина львиного прайда. Здесь я осознаю себя мужчиной, ощущаю уверенность в себе, — ответил Максим.

— Считается, что в древней Индии плотская любовь была основой для философских и религиозных верований и систем. Бог любви Кама много веков занимал в индийском мировоззрении ключевое место. С древнейших времен секс в Индии считался частью многих священных ритуалов, а храмовые комплексы называли книгами искусства любви. Сексуальное соитие воспринималось как деяние, угодное Богу, — заключил повествование Сабхаш.

Вечером они вновь побывали в храмовом комплексе на восхитительном лазерном шоу, повествующем о божествах, Индии, искусстве и любви. Весь следующий день до самого вылета в Варанаси Майя с Максимом, вдохновленные увиденным, отдавались любовным утехам.

Ночной Варанаси встретил их адским жаром. После прохлады салона самолета раскаленный воздух обжигал легкие.

В аэропорту их ждал водитель такси с табличкой «Мак Сим». Долго ехали по полутемному городу, и чем дальше углублялись в каменные катакомбы, тем больше погружались в облако сладковато-горьких дурманящих благовоний вечного города Варанаси.

Ранним утром за ними зашел вороватого вида гид по имени Хари. Вышли из отеля и погрузились в шум и гомон индийских улиц.

— Ради экзотики я повезу вас на велорикшах, — сказал Хари и стал отчаянно торговаться с извозчиками.

Майя с Максимом удобно устроились на ярко украшенной тележке. Тщедушный возница лет семидесяти отчаянно крутил педали. Рикши, автомобили, мотоциклисты, повозки, запряженные буйволами, двигались единым потоком, плотно прижавшись друг к другу.

То и дело въезжали в рыночные кварталы, заполненные туристами, празднующими бродягами и нищими калеками. Крики уличных торговцев звучали из-под каждого навеса. Хари без конца заводил их в «нужные» магазины и убеждал купить здесь «лучший товар», потому что, по его заверениям, в любом другом месте их обманут. Создавалось впечатление, что Варанаси — это один большой рынок со снующими по нему рикшами. К концу поездки у Максима в руках была огромная сумка с покупками. За время пути возница успел рассказать на ломаном английском про свое многочисленное семейство.

— Я так и не могу понять, — спросила Майя Максима, — он рассказывает о внуках или о детях? Сколько, он сказал, младшему — пять лет?

Максим уточнил.

— Дети, дети, я молодой, — отозвался старик и не без бравады добавил: — Мне пятьдесят лет.

Рикши остановились; старик с благодарностью принял от Хари пятнадцать рупий.

— Десять рублей почти за час мучительной работы? — с состраданием заметила Майя.

— И два часа простоя, — добавил Максим, и, к зависти индийца, подвозившего Хари, дал старику доллар. Тот благоговейно сложил перед лицом ладони и поклонился.

Хари взял из рук Максима пакеты и передал их непонятно откуда взявшемуся мальчику лет пятнадцати.

— Этот мой лодочник — немой, — важно сказал Хари. — Он положит вещи в наш магазин, а на обратном пути вернет их вам.

Слово «немой» Хари произнес как-то презрительно и обреченно, как если бы мальчик был безнадежно болен проказой.

— Варанаси — один из древнейших городов земли, — деловито начал свое повествование Хари. — Наш город был основан пять тысяч лет назад самим Шивой. Здесь жил он вместе со своей любимой женой Парвати. Впрочем, по индуистским установлениям Шива и теперь живет здесь как «Повелитель Всего». Шива — олицетворение разрушительного начала Вселенной — величайший из трех главных богов. Через каждые 432 миллиарда лет он уничтожает всю Вселенную, и тогда Брахма снова создает ее, а Вишну указывает правильный путь к Брахману. Варанаси входит в семерку священных городов индуизма, где можно достичь мокши — освобождения духовной сущности человека от пут материальности и выхода из сансары — круговорота рождений и смертей. Десятки тысяч индусов ежедневно прилетают, приезжают и приходят сюда, чтобы выполнить священный ритуал омовения в водах матери рек Ганги. Священная река начинает течь из сосуда, что находится в руках Брахмы, омывает стопы Вишну и далее проходит через спутанные волосы Шивы. Поэтому те, кто совершит омовение в ее водах, освященных тремя богами, смогут очиститься от всякой скверны. Воды Ганги

текут с Гималаев на юг, но здесь река делает изгиб и снова течет к Гималаям, на север. Между реками Варуна и Аси, впадающими в Гангу на севере и юге, и был основан город, название которого происходит от этих двух рек. В городе более тысячи храмов, посвященных Шиве. Варанаси является общепризнанным центром браминской учености, — не без удовлетворения заметил Хари, как если бы сам он был пандитами — посредником между Брахманом и остальными людьми.

— Считается, что если индус умрет здесь, на берегу Ганги, его душа больше не будет перерождаться, выйдет из колеса сансары, и обретет вечный покой-мокшу, и соединится с Брахманом.

— Даже неприкасаемые? — с надеждой спросила Майя.

— Даже неприкасаемые, — подтвердил Хари. — Правда, лишь в том случае, если человек в последней жизни не совершал особо тяжких грехов, таких, как ограбление или убийство. Кстати, именно неприкасаемые занимаются кремацией: это их удел.

Город был похож на улей, заполненный паломниками, торговцами, жрецами и туристами. То тут, то там проносили бамбуковые носилки с умершими, завернутыми в яркие ткани. Древняя часть Варанаси была подобна лабиринту грязных, извилистых и узких улиц. Узких настолько,

что если по улице шла тучная корова, то разминуться с ней было невозможно. И тогда идущие ей навстречу возвращались назад до ближайшего перекрестка и с благоговением уступали дорогу священному животному.

Улицы эти были к тому же темны, невзирая на яркое индийское солнце. По необъяснимой причине каждый верхний этаж строения выдавался немного вперед над нижестоящим. В результате такой архитектурной новации к пятому-шестому этажу дома почти соприкасались на и без того узких улочках Варанаси.

Несмотря на то, что снизу стены были почти не видны, все они были ярко расписаны орнаментом, изображениями священных животных, людей и богов. На первых этажах располагались лавочки, мастерские, парикмахерские, выше жили их хозяева. Темные коридоры узких улиц вели к гатам — каменным лестницам, спускающимся от набережной к Ганге, где тысячи лет проводятся священные омовения.

Там и тут на деревянных платформах под большими зонтами с божественной важностью восседали брамины, наставлявшие паломников.

— Они-то уж точно обеспечили себе мокшу, — заметил Максим.

— Не обязательно: любой их проступок карается несравненно строже, чем у представителей низших каст, и им, возможно, сложнее выйти из колеса сансары, если даже карма более светлая.

— Стоп, стоп, стоп. Я совсем запутался. Индус отработывает свою карму, то есть то, что

предписано, и если он делает это покорно, тогда что? Что происходит в этом случае, не понимаю.

— Карма — это то, что предписано живому существу испытать в течение жизни. Это понятие подобно Божьей воле у вас в христианстве. Карма определяется совершенными в предыдущих жизнях, преимущественно в последней, поступками и их последствиями. Здесь в силу вступают причинно-следственные связи. В христианстве праведность ведет в рай, а греховность — в ад. В индуизме и то, и другое есть карма. Прожил эту жизнь правильно — в следующей легкая карма, неправильно — тяжелая. После разрушения грубого материального тела, то есть физической плоти, тонкое материальное тело — вечная, изначальная, истинная сущность переходит в следующее физическое тело со сформированной кармой. После смерти все существа перерождаются либо в своей прежней сфере, либо в более высокой, либо в более низкой — в зависимости от их мыслей и поступков. Причем перевоплощения эти происходят через многообразные формы жизни — от примитивных микробов до высших существ — богов. И форма, в которую перевоплощается живое существо, зависит от кармы, заслуженной в прошлой жизни. Правда, карма состоит из двух частей: личной и родовой. И если личная — это продукт путешествий души со дня ее сотворения, то родовая обусловлена историей жизни всех предков человека. Карму нужно покорно принять, но ее также можно изменить в лучшую сторону в этой жизни посредством любви и почитания богов, постоянной

медитацией и правильным выполнением индуистских предписаний. А прегрешения ухудшают карму.

— Иначе говоря, — бурно жестикулируя руками, заключил Максим, — если я, условно говоря, шудра, буду вести праведную жизнь, то в следующей жизни могу родиться в касте вайшьи и стать торговцем. А то и в касте кшатрии — тогда мне будет уготовлена судьба полководца. Но если я буду вести неправедную жизнь, то будучи брахманом в этой жизни, в следующей могу родиться в самой низшей касте.

— А то и мерзкой гиеной, — отозвался Хари, — все зависит от степени грехопадения. А в общем, как-то так, правильно.

— Тогда что такое сансара? — не унимался Максим.

— Сансара — это иерархический круг перевоплощений, по которому восходят или нисходят живые существа в зависимости от заслуг или проступков в предыдущем воплощении. Круговращения жизни не имеют ни начала, ни конца. Но выход из круговорота сансары — конец странствий по реке жизни — иногда наступает при стечении ряда обстоятельств, в том числе смерти и кремации на погребальном костре на берегу Ганги в Варанаси. Каждый индус мечтает выйти из круга сансары и достичь освобождения — мокши — высшей цели человеческого бытия, когда Атман прекращает свое существование как личность и сливается с безличным Брахманом. Достичь нирваны могут только люди, поэтому существование

в облике человека считается наиболее благоприятным. Достижение мокши за одну жизнь возможно только в исключительных случаях. Лишь многократное прохождение пути к совершенству в процессе перерождений приводит к достижению высшего совершенства.

— Хари, ты меня извини, но меня просто раздражает вопрос: а вот как ты сам по ощущениям чувствуешь, что ты в следующем перерождении поднимешься или опустишься в новом воплощении? — спросил Максим.

— Увы, — лукаво ответил Хари, — если бы сегодня моя душа оставила бренное тело, больше, чем на собачью жизнь, я бы не мог рассчитывать, но, памятуя о своих дурных делах, я стремлюсь к совершенству, и к концу жизни, который, я надеюсь, придет еще не скоро, добрые дела намного превьсят мои прегрешения, и в будущей жизни мне будет отпущено меньше страданий. Во всяком случае я, как и любой индус, надеюсь на это. Ведь совершенные поступки и их последствия определяют карму жизни после перерождения. Но не подумайте, что я какой-то злодей. Дело в том, что сансара обуславливается поступками живых существ, поступки — желаниями, а желания — истинным знанием. Я нахожусь на пути к истинному знанию и совершаю ошибки по неведению, но жизнь и новое знание учат меня, что приводит к благим желаниям и поступкам.

— Послушай, Хари, как поступает и мыслит человек, я представляю. С трудом, но понимаю, как это происходит вот у этой коровы, но как

быть с мыслительной деятельностью микроба или хотя бы червя?

— Если бы я знал ответ на этот вопрос, я бы не водил экскурсии за мизерную плату, а сидел на месте вон того брамина, — ответил Хари и указал на пандитами, принимавшего деньги от богатого одетого индуса.

Все рассмеялись.

Осторожно переступая через тела усопших, приготовленных к кремации, и дремлющих подле них родственников, вышли на ступени самого большого гхата Маникарника, где все пять тысяч лет, не затухая днем и ночью, горят погребальные костры.

Перед ними открылась величественная панорама. Сразу несколько костров пылало на набережной. Каменные ступени, усеянные паломниками, рабочим людом и затерявшимися в многотысячной толпе туристами были чем-то незначительным на фоне храмов и каменных ступеней, тянувшихся влево и вправо до самого горизонта. Паломники совершали омовение, распевали мантры, медитировали. По Ганге сновали маленькие лодочки. Противоположный берег был таинственно пустынным.

— Какая странная картина, — поразился Максим. — Почему на том берегу нет ни одного строения, ни одной души? Во всей Индии я еще не видел такого пустынного места.

— Вот души там как раз есть. Варанаси стоит на трех холмах, которые считаются остриями тризубца Шивы. Город живых расположен на левом берегу Ганги, а на правом — потусторонний мир, куда Шива переправляет души умерших, поэтому им там никто не мешает, — ответил Хари. — Человека, умершего в Варанаси, сжигают в тот же день. Под звуки мантр тело покойного омывают и натирают благовониями, чтобы открылись чакры, заворачивают в красивые и по мере возможности дорогие ткани, кладут на бамбуковые носилки, сделанные из семи стволов — по числу чакр, и несут к Ганге, обращаясь к богам с мантрой «Рам нам сагагэ», чтобы они даровали покойному мокшу.

Что происходит дальше, вы можете наблюдать сами. Вот прямо перед нами родственники окунают тело в Ганге, затем каждый из них пять раз польет лицо покойного водой и кто-то из близких подожжет костер горящими ветками, зажженными от священного огня, предварительно обойдя вокруг тела пять раз, провожая его в пять стихий: землю, воду, огонь, воздух и небеса. Обратите внимание вот на того мужчину в белых одеждах, выбритого наголо, поджигающего костер. Такой вид приобретает старший сын, если умирает отец, младший — если мать, и муж — если жена. Женщины во время ритуального очищения тела огнем присутствуют редко, чтобы не омрачать слезами, от которых они не всегда могут удержаться, радость перехода в вечность.

Несколько дряхлых стариков, отталкивая друг друга, разгребали еще дымящийся костер, церемония вокруг которого была завершена.

— Что это они делают? — спросила Майя.

— Это рабочие, — ответил Хари. — По окончании церемонии эти люди убирают территорию гхата, но прежде они промывают через сито золу в надежде найти драгоценности, ведь согласно религиозным установлениям родственники не снимают их с умершего.

Из переулка появилась шумная, веселая процессия. Множество садху шли за носилками.

— Сейчас будут хоронить отшельника, надо посмотреть, это очень редкое и интересное событие, — оживился Хари и устремился за процессией.

После традиционной церемонии святого посадили в лодку, соорудили нечто вроде гроба-ящика из каменных плит, поместили туда покойника и отправили на дно реки на середине Ганги.

— Ничего себе! — вырвалось у Максима.

— Отшельников, детей в возрасте до десяти лет, беременных женщин, больных оспой и проказой не кремируют, а погружают в воды Ганги, — пояснил Хари. — Но только садху погружают в каменном саркофаге, остальным просто привязывают камень. Такие захоронения гарантируют мокшу за отсутствие прегрешений детям, за содержание в утробе безгрешного ребенка — беременной, за мучительные страдания — больным и за праведную жизнь — садху. Индусы считают их земными посланниками богов. Отказавшись от благ мирской жизни, одни садху объединяются

в общины и живут в ашрамах, кто-то уединяется в пещерах, а кто-то обрекает себя на вечное скитание. Особо почитаемые нага садху. Обнаженные, с длинными, спутанными, как у Шивы, волосами, они ведут аскетичную жизнь в стремлении достичь мокши.

Впечатленные увиденным и услышанным, Максим с Майей долго стояли молча, пытаясь проникнуть в сущность индуизма. Томительное молчание прервал Хари:

— Пора идти. Мы вернемся к Ганге поздним вечером на соседний Дасашвамедх-гхат, где на закате начнется Огненная пуджа — церемония жертвоприношения, осуществляемая ежедневно специально подготовленными для этого браминами.

Направились в святая святых Варанаси — Золотой храм. За несколько кварталов до храма через каждые десять метров стояли военные с винтовками.

— Индусы опасаются терактов со стороны мусульман, которые когда-то владели этим храмом и хотели бы его себе вернуть, — пояснил Хари.

Улица сужалась все сильнее и сильнее, пришлось идти по одному. Впереди шел Хари, за ним Максим, а за Максимом Майя. Замыкал цепочку немой. Неожиданно он оттеснил Майю в короткий переулок и практически втолкнул ее в маленькую дверцу, которой заканчивался тупик.

Погрузились в темноту. Где-то за поворотом мерцал слабый огонек. Юноша взял Майю за руку и повел по направлению к свету. В углублении стоял светильник. Немой взял его и пошел вперед. Майя покорно последовала за ним.

Долго шли по извилистому коридору, пока их взору не открылась залитая светом факелов огромная пещера, украшенная белоснежным лотосом. В самом центре горел жертвенный костер, блики от которого ударялись о камни, рассыпались в маленькие искры и падали вниз, освещая сидевших в небольших углублениях отшельников.

Сбившиеся в пряди волосы свисали с их мудрых голов, покрывали нагие тела и устилали пространство вокруг них. Лица и туловища их были разрисованы яркими знаками. От отшельников исходил свет. Разный по гамме цветов, но одинаково мягкий и успокаивающий. Пещеру сотрясало мощное «ОМ НАМАХ ШИВАЙЯ». Это была мантра Шивы, связывающая садху с высшими силами. Сильный запах благовоний кружил голову.

Немой повел Майю вглубь пещеры, где в центре на возвышении восседал богоподобный садху. Когда они поравнялись с ним, старец протянул к Майе руку, она подошла и помимо своей воли покорно свела ладони перед собой, склонившись в поклоне. Он нанес ей на лоб тилак со знаком Шивы, открыл ларец, стоящий подле него, достал перстень и надел Майе на указательный палец правой руки.

Вслед за немой Майя продолжила свой путь к выходу из пещеры. Сидевшие в нишах отшельники благоговейно провожали ее взглядом.

Обратный путь показался Майе легче и короче. Вышли на улицу, дошли до перекрестка и увидели направляющихся к ним Максима с Хари.

— Опять корова и ее надо пропустить, — сказам Максим, как если бы не было столь длительного отсутствия Майи и немого.

Экскурсия продолжалась. Пришли в золотой храм Вишванатха, что буквально означает «Божество Всего», который, впрочем, не произвел ожидаемого впечатления. Неиндусов в храм не пускали, пришлось ограничиться видом золотых куполов с третьего этажа стоявшего неподалеку магазина, куда привел их ловкий Хари.

Но поразило всех другое. После посещения пещеры все отшельники то и дело подзывали к себе Майю и прикасались к ее лбу. Возбужденный от изумления Хари воскликнул:

— Первый раз за много лет моей работы садху проявляют такое внимание к простой туристке. Это шакти пат — прикосновение к избранным, несущее внутреннее просветление, позволяющее испытать мистические переживания и, может быть, перерождения.

— Центр индуизма и столько мечетей! — недоумевал Максим.

— В конце семнадцатого века моголы почти полностью разрушили Варанаси и на основании индуистских храмов построили мусульманские. Сейчас в городе около трехсот мечетей.

После роскошного вегетарианского обеда, состоявшего из доброго десятка блюд, которые за счет Максима заказывал на свое усмотрение Хари, отправились на моторикше в Сарнатх.

Небольшой городок, практически примыкающий к Варанаси известен всему буддистскому миру тем, что именно здесь к индийскому принцу Гаутаме Шакьямуни пришло просветление, и именно здесь Будда прочитал свою первую проповедь.

Хари показал им буддийские святыни — ступу Дхамек и развалины, точнее сказать, остатки фундамента храма, где ступала нога Будды.

— Не впечатлило, — заключил Максим. — В святость этих мест приходится верить исключительно со слов Хари.

Стемнело рано и быстро. Уставшие за день, Майя с Максимом полулежали в креслах, когда за ними зашел Хари.

— Сейчас вам предстоит увидеть захватывающее зрелище — Ганга арати, ритуал, демонстрирующий поклонение Шиве, священной Матери Ганге, богу солнца Сурье, богу огня Агни и всей Вселенной.

На улице все двигалось в сторону Ганги. Быстро доехали на моторикше до Дасашвамедх-гхата. Здесь их ждал немой, который, как добрый старый

друг, улыбаясь белозубой детской улыбкой, вручил им корзинки, сплетенные из банановых листьев, внутри которых было множество цветов, а в центре стояла маленькая свечка.

Удивленный таким вниманием, Хари прокомментировал:

— После церемонии вы зажжете свечи и опустите эти корзинки в Гангу в знак поклонения пяти стихиям: земле, символизируемой листьями банана, огня, который будет полыхать от свечи, воздуха, поддерживающего этот огонь, воды священной реки Ганги и пятого элемента — неба, слушающего и внимающего человеческим мольбам. Помните об этом, просите богов о сокровенном, и они услышат вас.

Толпы паломников, собравшихся на гхате, с самозабвением пели песни и произносили мантры.

Если днем туристы были жалким вкраплением на фоне тысяч паломников, то теперь, отфильтровавшись, они сели в лодки и устремились к середине реки, чтобы лучше воспринимать всю зрелищную панораму.

Немой, ловко пробираясь среди толчеи, быстро привел их к берегу и усадил в небольшую лодочку, на которой, впрочем, странным образом умещались два маленьких, почти детских уютных кресла, обитые красным бархатом.

Отчалили, и в этот самый момент, будто по команде, на семи площадках началось грандиозное зрелище. Словно раскачиваясь по всему берегу слева направо, от реки вглубь гхата и наоборот, раздался бой колоколов. Зазвучала пронзительная

музыка, загремели барабаны, и на помост вышли семеро высоких молодых браминов. Virtuозно манипулируя пылающими светильниками, искры от которых разлетались вокруг, они были подобны богу Сурье, извергающему огонь. Действия их были синхронны и величественны. Откуда-то из глубины гхата сначала тихо и монотонно, а затем громко и выразительно стали раздаваться песнопения. Звуки мантр долетали до Ганги, отражались от водной глади и возвращались на берег, где глухо тонули в стенах индуистских храмов. Создавалась мощная эмоционально-звуковая волна, пронизывающая и очищающая людей.

В пятом часу утра неутомный Хари в буквальном смысле поднял их с кровати. По пустынным улицам подъехали почти к самой реке. Было еще темно. Создавалось впечатление, что индусы не уходили с набережной со вчерашнего вечера, только теперь они не разгуливали праздно по гхатам, а сидели на ступеньках в глубокой медитации.

Сотни туристов ручейками стекались к берегу.

Едва сели в лодку, Максим уткнулся Майе в плечо и погрузился в сладкую дрему. Хари стал жестикулировать, объясняя немому куда плыть.

— Мы направляемся вверх по течению, на юг, — почему-то шепотом сказал Хари, — достигнем гхата Асси, развернемся и пойдем вниз по течению на север до гхата Маникарника, где

вчера вы наблюдали кремацию. Наше маленькое путешествие займет немногим более часа. Впереди, чуть справа, будет всходить солнце — не прозевайте это зрелище.

Стало рассветать. Все вокруг озарилось нежно-матовым светом. Не было привычной индийской яркости.

— Как у нас в белые ночи, — нараспев протянула Майя.

Солнце появилось как-то неожиданно, причем довольно высоко над горизонтом и лишь его верхняя половина. Устремляясь к зениту, солнце округлялось снизу. Не было привычных палящих лучей. Матово-желтое, оно медленно, как бы украдкой, поднималось над горизонтом. Еще вчера яркая и пестрая набережная окрашивалась в пастельные тона.

— Вот-те на, а где же обещанное зрелище? — нарочито возмутился Максим.

— Солнце боится затмить своим светом Варанаши, творение всемогущего Шивы, поэтому так робко заявляет о себе, — нашелся Хари.

Медитирующие протягивали руки к восходящему солнцу, сопровождая это вдохновенным приветствием «намасте». Гул на берегу стал усиливаться, и вскоре жизнь бурно закипела. Закончившие молитву паломники совершали ритуальные омовения.

Несмотря на то, что груды мусора обезобразивали весь берег реки, вода в ней была на удивление чистой, и если бы не голубовато-зеленоватый отлив, ее бы можно было назвать совершенно прозрачной.

Лодка достигла середины реки и взору открылись древние гхаты, усыпанные грандиозно большими и миниатюрными храмами, созданными в разных стилях и в разное время. На площадках догорали и вновь зажигались погребальные костры.

— На городском побережье Ганги восемьдесят четыре гхата, возведенных индийскими правителями, — не без гордости заметил Хари. — Все постройки принадлежат богатым людям, в основном раджам и махараджам.

То и дело к ним прибывали плавучие лодочки-лавочки с сувенирами. Хари отчаянно отгонял их, но сердобольная Майя непременно покупала у торгующих детей какую-нибудь безделушку.

— Хари, то тут то там встречаются мужчины, занимающиеся стиркой. Сначала я подумала, что они стирают свои личные вещи, но, присмотревшись, увидела кучи белья. Что это? — спросила Майя.

— Прачка в Индии — мужская профессия. Посмотрите, как этот мужчина колотит белье палкой, разве женщине это под силу? — в свою очередь удивился Хари.

Мужчина и в самом деле так дупил по каменной плите, где лежало белье, что брызги фонтаном разлетались по сторонам.

— Варанаси — самый священный город для индусов. Здесь находится черта между земной реальностью и вечностью блаженства. Здесь боги спускаются на землю и дарят людям возможность умереть, не умирая.

Так философски закончил Хари свое повествование, и лодка причалила к берегу.

На прощание Майя обняла и поцеловала немного. Слезы покрыли его большие выразительные глаза, и он отвернулся. Незаметно от Хари, считавшего лодочника чуть ли не своей собственностью, Майя вложила в его руку стодолларовую купюру. Мальчик прижался к ней и, уже не стесняясь, заплакал.

Побродили по древней части города и после обеда отправились в аэропорт. Через несколько часов полета их ждал океан. Хари посадил их в такси, получил щедрые чаевые и долго прощался, рассыпаясь в комплиментах. Вдоль дороги, усыпанной кучами мусора, как всегда стояли домики, сооруженные из коробок, а то и просто навесы, под которыми ютились многочисленные нищие.

— И все-таки Индия — это сплошная помойка, — с досадой сказал Максим.

— Может быть и помойка, но помойка, усыпанная бриллиантами, — с некоторой обидой заметила Майя.

Они покидали Варанаси — восхищающий и шокирующий одновременно, город ярких контрастов между добром и злом, надеждой и отчаянием, богатством и нищетой, жизнью и смертью. Город всемогущего космического божества Шивы, указавшего им, совсем еще молодым людям,

на иллюзорность этого мира, ибо все, что существует на земле, тленно и обречено на смерть.

И еще они покидали Варанаси с загадкой: что значит умереть, не умирая?

Измученные, но счастливые, они вернулись в Гоа. В отель заселились ближе к полуночи. К их великому удивлению, им предоставили апартаменты.

— Вероятно, вы ошиблись, — обратился Максим к администратору. — У нас номер делюкс.

На что в ответ услышал:

— Это подарок ваших друзей.

Они еще не успели расположиться, как в номер постучали. Максим вышел и, переговорив с кем-то, вернулся сильно возбужденный.

— Майя, меня зовут друзья, просят, чтобы я составил им компанию в покер.

— Может, не сейчас, мы же только приехали, устали, — робко возразила Майя.

— Вот ты и отдохай, а я скоро вернусь. Неудобно как-то получается: они нам такой подарок сделали, а я отвечу отказом на предложение провести с ними час-другой. Я все-таки пойду. Глядишь, опять выиграю.

С этими словами он обнял Майю и нежно поцеловал в губы.

Потерянная, она нервно ходила по комнате, не находя покоя. Было обидно, что он оставил ее, предпочтя карточную игру. Но то, что он побежал за деньгами, было страшно. Она всегда презирала людей, жадных к деньгам. Это то, что, по ее мнению, превращало людей в нелюдей, и ее возлюбленный — герой, в которого она поверила, как в свою судьбу, — оказался так падок до денег. Эта мысль уже не просто тревожила, а разрушала ее.

Под утро, уставшая от волнений, она прилегла в надежде вздремнуть. Неожиданно входная дверь открылась, она вскочила с постели и побежала к нему навстречу, но увидела двоих мужчин из самолета. Один из них, не говоря ни слова, нанес ей удар под дых и потащил к кровати. У постели он наотмашь ударил ее по лицу. Кровь брызнула из носа и у нее помутилось в глазах. Когда она пришла в себя, то подумала, что это какой-то страшный сон. Ее насильовали два этих монстра. Она неистово закричала, стала царапаться и вырываться изо всех сил. В ответ ей так скрутили руку, что она взвыла. Ее снова ударили под дых, но ей уже не было больно, она судорожно стала глотать воздух и провалилась в пропасть.

Отстраненная от этого кошмара, она видит, как приходят другие и насилуют ее. Она пытается кричать — ей засовывают в рот полотенце. Она сопротивляется — ей выкручивают руки. Она не повинуется их извращениям — ее нещадно избивают.

А они уходят и снова возвращаются. Безжизненным голосом она зовет на помощь Максима и в ответ слышит самые страшные в ее жизни слова:

— Не придет твой хахаль: он проиграл тебя в карты, теперь ты наша собственность.

Она согласна не родиться и не жить, только бы не слышать этих слов. Мерзкое циничное предательство оказалось сильнее насилия.

Наконец все ушли. Она с трудом дошла до двери и попыталась ее открыть, но дверь была заперта. Она стала неистово стучать, но все напрасно, на помощь никто не приходил.

«Телефон, можно вызвать по телефону консьержа», — роились в голове обрывки мыслей, но провода предусмотрительно были оборваны, а ее мобильник, лежавший на тумбочке, исчез.

Дрожая всем телом, она добралась до кровати и буквально упала на нее. Натянув на себя простыню, Майя тихо, по-детски, как это часто бывало в детдоме, заплакала.

Щелкнул дверной замок, в комнату вошел мужчина среднего возраста с сильно изуродованным шрамами лицом. Он сел в кресло, налил себе водки в стакан, положил лед, закурил сигарету и стал медленно потягивать холодную влагу, лениво разглядывая покрытое простыней тело.

— И что они все так ею восхищаются? Уверен: ни лучше, ни хуже других шлюх, — подумал он.

— Впрочем, посмотрим, посмотрим, вполне может быть.

Он разделся, подошел к постели, рывком сдернул покрывавшую тело простыню и остолбенел. Перед ним лежала его Майя.

— Ты кто? — произнес он дрожащим голосом, и руки судорожно стали завязывать простыню на бедрах.

— Отпусти меня! Почему вы мучаете меня? За что, по какому праву? Вы животные, вы нелюди!

Она не плакала: она уже не могла плакать. Она не молила о пощаде — она дерзко и вызывающе провоцировала его. Ей казалось, что кто-то из них должен в ответ на резкость убить ее. Ей хотелось, чтобы ее убили, ей не хотелось жить. После того, как он не пришел к ней на помощь, ей незачем больше жить, в жизни ничего больше не осталось кроме злобы, насилия и грязи.

— Ты откуда, у тебя есть семья? — услышала она.

— Какая разница, — отрезала Майя, но заметив его странное поведение, неожиданно для себя продолжила:

— Я детдомовская.

Пошарив в кармане пиджака, он вынул бумажник, протянул ей и сухо произнес:

— Возьми, здесь деньги, много денег. Бери и уходи. Паспорт у тебя есть?

— Не знаю, — она беспомощно показала на свою сумку.

Он взял сумку, извлек из нее паспорт, раскрыл и прочитал: «Майя».

В мистической прострации Сергей смотрел в паспорт, откуда с фотографии на него ласково смотрела его Майя.

Движимая инстинктом самосохранения, Майя взяла из его рук паспорт с бумажником, накинула халат и выбежала из номера.

Земля уходила у Сергея из-под ног. Комната плыла и кружилась.

Он рухнул в кресло, обхватил голову большими руками и закричал:

— Господи, что же ты творишь с нами? Или миром правит дьявол?

— Омыться, омыться, — стучало у нее в висках, — смыть с себя всю эту мерзость.

Совсем рядом за дюнами шумели волны и звали ее к себе.

Она быстро пересекла песчаную полосу и подошла к морю. Волны ласково касались ее ступней, словно пытались слизать с них грязь, стыд и позор последних мучительных часов. Она сделала шаг, другой; волны обдали свежестью все ее тело, ей стало легче, и она пошла дальше, уже не останавливаясь. Море поглощало ее, омывая мягкой пеной, и напевало колыбельную, постоянно звучащую в ее голове в минуты грусти.

*Отражаясь в глубине,
Спит луна в морской волне.*

*В пене ласковой волны,
В синеву ныряют сны.
Сны над волнами плывут,
В царство сонное зовут.*

Подхваченная изумрудными волнами, она растворялась в них, превращаясь в чистую, прозрачную морскую пену.

Стаю обложили флажками, и это грозило большой бедой.

Когда люди устраивали охоту на волков, их было мало, а лесные просторы были необъятны. Волки бросались врассыпную, и большинство из них спасалось. Даже когда их травили собаками, был шанс уйти. При этом нередко задушенных собак было больше, чем убитых волков.

Но теперь люди были повсюду. То есть их не было, но их присутствие ощущалось по двум сторонам от болота до карьера. Это, конечно, лишь небольшая часть территории стаи, но как раз здесь и собрались все волки. Третий день подряд люди приносили сюда то баранов, то даже корову, и голодные волки не могли уйти от такого соблазна.

С самого начала матерые почувствовали что-то неладное и пытались увести стаю. Но даже взрослые волки, подобно переезжкам, свернувшись в крутые клубки, крепко спали у туш животных, набив

себе животы. Третий день подряд просыпались, наедались и снова спали, отбегая на незначительное расстояние от злополучного места лишь тогда, когда люди приносили очередную порцию еды.

Дерзкий и Сметливая стали вожаками стаи, когда родителей — матерых Смелого и Умницу — охотники убили у логова. Новые матерые много лет удачно охотились на огромной территории, оставленной им в наследство родителями. Стая разрослась до восемнадцати волков, и люди не захотели терпеть такого соседства.

Со стороны болота доносились крики охотников, лай собак и редкие выстрелы. Стая было устремила в густой, труднопроходимый молодой ельник, но там были эти пугающие незнакомые то ли существа, то ли предметы, от которых сильно пахло даже не человеком, а человеческим жилищем, вход в которое испокон веков заканчивался кровавой трагедией для волков. Вот и теперь никто не рисковал даже приблизиться к флажкам, чтобы не навлечь на стаю беду.

Так, вдоль нескончаемых флажков, волки двигались по направлению к карьеру. Вдруг раздался выстрел, другой и два волка полегли разом. Дерзкий метнулся в противоположную сторону, за ним вся стая. Пули свистели вдогонку и задели несколько молодых волков. Незнакомые с человеком и ружьем, они панически метались, визжали и пытались укусить то, что приносило боль, но делали себе еще больнее.

От стаи осталась половина, когда волки оказались у карьера. С двух сторон, теперь уже

на расстоянии взгляда, на ветру колыхались злое-
щие флажки. Четко выраженной шеренгой на них
надвигались люди, держа на поводках беснующих-
ся собак, а впереди была пропасть карьера.

Сильно израненный волк, нелепо прыгая в по-
пытке укусить себя, соскользнул с крутого обрыва.
Внизу был лед. И без того израненный, он сломал
себе ноги и лежал, будучи не в силах подняться.

Все повернули обратно, но меткий выстрел
сразил старого волка — вечного соперника Дерз-
кого. Остатки стаи снова метнулись к обрыву,
и пара волков бросилась вниз, но, ударившись
о выступающие изо льда острые камни, едва полз-
ли на брюхе.

Вдруг Сметливая резко рванула влево, прямо
к флажкам. Дерзкий и еще три волка, оставших-
ся в живых, замешкали. Но матерая увидела вни-
зу, уже за флажками, снежный нанос. Она разо-
гналась, прыгнула вдоль обрыва и благополучно
упала в сугроб. Другие волки последовали за ней
и тоже удачно приземлились на снег.

Охотники тщетно пытались добить остатки
стаи. Пять сильных, уверенных в себе, свободных
волков бежали сквозь свист пуль по ледяному дну
карьера в родную стихию.

Эпилог

В маленькой рыбацкой деревушке Бетул, в доме уважаемого Харшала при таинственных обстоятельствах появилась девушка, которую Харшал принял как родную. Имя ей дали Мука, что означало «Молчащая». Вскоре незнакомка родила дочь, и назвали ее Самудра Пхомакаянма, что в переводе с санскрита значило «рожденная из морской пены».

В день ее рождения в их дом пришел одетый в серую дорожную пыль нага садху — странствующий отшельник, длинноволосый боговдохновенный мудрец. Он взял новорожденную, поднял над головой и объявил:

— Самудра Пхомакаянма проживет долгую, светлую и праведную жизнь, и кармический круг ее завершится, и душа ее освободится от бесконечных перевоплощений. Она выйдет из колеса сансары, попадет в высшие миры и соединится с Брахманом, и наступит мокша, и будет ждать она в блаженной вечности наступления Золотого века.

И стал приходить в дом достопочтенного Харшала народ, чтобы посмотреть на младенца, как на небесный свет, и хотя бы взглядом прикоснуться к душе, освященной великой благодатью за страдания в прошлых жизнях.

А по небу благословенной Индии все также медленно проплывало жаркое солнце.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. БРАХМА	12
ГЛАВА 2. ВИШНУ	53
ГЛАВА 3. ШИВА	133
ЭПИЛОГ	219

Борис Титов — практикующий семейный психолог, доктор наук, профессор, автор ряда телевизионных программ, заядлый путешественник.

В остросюжетной повести «Вихри сансары» он обращается с пронзительным призывом к сопереживанию и состраданию человеческому горю. С призывом к доброте, отзывчивости и великодушию. С призывом к природосообразности — осознанию себя частью Вселенной и уподоблению природной среде, органичной для человека. Драматичные и удивительные судьбы героев основаны на событиях, накопленных автором за многие годы работы психологом.

E-mail: ba.titov@yandex.ru